

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаулский юридический институт

**ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ
КУЛЬТУРА КАК ДЕЙСТВЕННОЕ СРЕДСТВО
ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
И ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

Сборник научных трудов

Об издании – [1](#), [2](#)

Барнаул 2017

Т 65 Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений [Электронное издание] : электронный сборник научных трудов / под ред. Ю.В. Анохина. – Электрон. текст. дан. (1,85 Мб). Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. – 1 электрон. опт. диск (DVD). – Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства; DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов. – Загл. с экрана.

Научное электронное издание

В сборник включены материалы докладов и выступлений участников Всероссийской научно-практической конференции «Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений», проходившей 24 мая 2017 г. в Барнаульском юридическом институте МВД России.

В материалах конференции освещаются проблемы, касающиеся исторического опыта межнациональных отношений; развития родного языка и межкультурной коммуникации; конституционных принципов административно-территориального деления как одного из гарантов сохранения этнокультурного единства; межконфессионального взаимодействия как одного из важнейших факторов социальной стабильности. Также рассматриваются вопросы, раскрывающие ряд составляющих традиционной народной культуры.

Сборник будет интересен широкому кругу читателей.

ББК 67я431

Научное издание

**Традиционная народная культура
как действенное средство патриотического
воспитания и формирования межнациональных
отношений**

Сборник научных трудов

Корректурa	С.В. Калининой
Редактурa, компьютерная верстка	О.Н. Татарниковой
Дизайн обложки	В.Н. Дроздова

Дата подписания к использованию:

Объем издания: 1,85 Мб
Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (DVD)

Тираж 7 дисков

Барнаулский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, www.бюи.мвд.рф.

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА КАК ДЕЙСТВЕННОЕ СРЕДСТВО ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

XXXXXXXXXX

3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пленарное заседание. Доклады

<i>Глиос Г.Н.</i> Диалектика правовых и социальных ценностей в современной России 7	7
<i>Курсакова Е.Н.</i> Жизнь и научная деятельность Н.К. Рериха как один из путей синтеза западной и восточной цивилизаций 9	9
<i>Макаров И.В.</i> Современные переводы Библии на языки народов Российской Федерации (на примере алтайского перевода)..... 12	12

Секция «Исторический опыт межнациональных отношений»

<i>Ан С.А., Романова Ю.Р.</i> Образ медведя как формирующий элемент межнациональной коммуникации 14	14
<i>Асанбаев А.И., Курсакова Е.Н.</i> Традиции и обычаи киргизов 16	16
<i>Вараксин С.В., Вараксина Н.В.</i> Модели демографического поведения населения (история и современность) 19	19
<i>Волкова Н.А., Новикова О.В., Орехова Т.И.</i> Формирование толерантности в поликультурной языковой среде 21	21
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Сельские церковные школы Алтая в межкультурном взаимодействии старообрядческого и православного населения конца XIX – начала XX веков 23	23
<i>Воронина С.А.</i> Глобальное и национальное в формировании духовной личности 25	25
<i>Воронцов П.Г., Тарасова Е.И., Ушакова Е.В.</i> Живые и мертвые формы культуры и их связь с традиционной культурой 27	27
<i>Гостюшева Е.М., Якименко Л.А.</i> Коренное население Алтая в социальной доктрине народников 29	29
<i>Истомина И.Г.</i> Приобщение детей к традиционной народной культуре в учреждениях дошкольного образования 32	32
<i>Кареева И.В.</i> Формирование межэтнической толерантности в полиэтничных коллективах курсантов образовательных организаций ФСИН России 34	34
<i>Классен А.А.</i> Меценаты России в духовной, научной и культурно-просветительской деятельности (например Иннокентия Михайловича Сибирякова) 36	36
<i>Лен К.В.</i> Нравственно-этические нормы сотрудников полиции в имперский период (аспекты развития темы) 39	39
<i>Лоос Е.В.</i> Честь и достоинство в обычном праве алтайцев 42	42
<i>Маракулин Д.А.</i> Состояние и динамика преступлений экстремистской направленности в Сибирском федеральном округе (за 2012-2016 годы) 45	45
<i>Мельникова Л.А.</i> Развитие национальной культуры в СССР в 50-е годы XX века (по материалам журнала «Советский Союз») 47	47
<i>Минина В.В.</i> Ретроспективный анализ наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества в средневековой Беларуси 49	49
<i>Моисеев С.В.</i> Установление советской власти в Средней Азии и Казахстане: религиозный аспект 51	51
<i>Никитин Д.С., Никитина О.О.</i> Отношение лютеран-специалистов Алтайских Колывано-Воскресенских заводов в XVIII веке к духовному наследию России в семейной сфере (на примере архивных документов) 54	54
<i>Новоселова Е.С.</i> Славянская культура как область культурного бытия, с позиции осмысления славянского язычества Д. Андреевым в произведении «Роза Мира» 57	57
<i>Попов Е.А.</i> Факторы обеспечения духовной безопасности человека 59	59
<i>Фролова А.С.</i> Раннесоветская национально-культурная политика: успехи и огрехи .. 61	61
<i>Щеглов С.Г., Меженина О.В.</i> К вопросу о проблеме российского этнофедерализма .. 63	63
<i>Щетинина Я.С.</i> Формирование навыков толерантности и межнационального единства подрастающего поколения в просветительской деятельности сектора «Традиционная русская культура» научно-исследовательского отдела Государственного художественного музея Алтайского края 65	65

XXXXXXXXXX

<i>Широкова М.А.</i> Соотношение человека и государства в консервативной концепции образования	68
Секция «Проблемы развития родного языка и межкультурной коммуникации»	
<i>Василенко Т.Н.</i> Формирование межкультурной компетенции при обучении РКИ в БЮИ МВД России	71
<i>Варлакова Т.В.</i> Развитие межкультурной коммуникации посредством изучения этимологии фразеологических омонимов русского языка.....	73
<i>Гнездилова Е.В.</i> Проблема сохранения и развития алтайского языка.....	75
<i>Домашев А.Н.</i> Язык как основа жизнедеятельности этнической общности.....	77
<i>Джурраев А.Ш., Пьянзина И.В.</i> Статус русского языка в Республике Таджикистан.....	81
<i>Калашиникова С.В.</i> Лингвокультурологический подход к формированию языковой личности сотрудника правоохранительных органов.....	83
<i>Менщикова Г.А.</i> Понятие «языковая личность» в изучении актуальных проблем антропологической лингвистики.....	85
<i>Паненко Е.А.</i> Роль внеаудиторных мероприятий и тематических объединённых занятий в формировании навыка межкультурной коммуникации при изучении русского языка как иностранного.....	88
<i>Пьянзина И.В.</i> Управление учебно-познавательной деятельностью студентов в процессе обучения русскому языку как иностранному.....	90
<i>Солдатова О.Б.</i> Воспитание национальной толерантности в процессе обучения английскому языку	92
<i>Солдатова О.Б., Татарникова О.Н.</i> Роль паремии в процессе обучения русскому языку.....	94
<i>Шовкун А.А., Калашиникова С.В.</i> Аббревиация в речи будущих сотрудников правоохранительных органов.....	100
Секция «Конституционные принципы административно-территориального деления как один из гарантов сохранения этнокультурного единства»	
<i>Асеев А.Г.</i> Административно-территориальное деление территории государства – залог успешного управления	103
<i>Галиев Р.С.</i> Исторические аспекты развития федерализма в России	105
<i>Орлов Д.С.</i> Модели совершенствования российского федерализма	107
<i>Пазий Ю.В.</i> Горная Шория как один из историко-культурных регионов России.....	109
<i>Попов В.А.</i> Кабарда как одна из культурных и географических регионов России.....	111
<i>Тугаринов И.Б.</i> Ингерманландия как историческая разновидность культурного и географического региона России.....	113
<i>Шапоров Д.А.</i> О некоторых аспектах реализации национальной политики в Алтайском крае	115
Секция «Межконфессиональное взаимодействие как один из важнейших факторов этнокультурной стабильности»	
<i>Выборный В.Д.</i> К вопросу о взаимодействии церкви и государства по реализации социально значимых программ жизни Могилевского региона	119
<i>Гаврилов Е.О.</i> Альтернативы конфессиональной политики Российского государства: к постановке проблемы	121
<i>Дмитриевская А.С., Фролова Д.А.</i> Пути и формы решения проблемы межнационального и межконфессионального взаимодействия	124
<i>Елисеева А.С., Хохлова Д.Ф., Мальцева О.В.</i> Опасности и риски, нарушающие межконфессиональное взаимодействие.....	126
<i>Кащеев А.В.</i> Конфессиональный состав, комплектование и управление военного духовенства действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны в работах советских исследователей.....	128

<i>Кириченко Е.С., Мезенцева Е.А., Галуза М.Н.</i> Оскорбление чувств верующих: типологизация объектов	131
<i>Курсакова Е.Н., Наумова А.К.</i> Духовное единство мировых религий как основа сохранения традиционных нравственных ценностей	133
<i>Свиб А.Ф.</i> Межконфессиональное взаимодействие при проведении судебно-правовой реформы 1864 года на территории Беларуси	135

Пленарное заседание. Доклады

*Г.Н. Глиос, канд. филос. наук
Алтайский государственный медицинский университет*

ДИАЛЕКТИКА ПРАВОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вступление современного российского общества и государства в глобальные трансформационные процессы коренным образом изменило характер и направление общественного развития. Реформирование в современной России, происходящее на протяжении последних двух десятилетий, имеет рыночную направленность, что практически подтверждается целевыми установками государственной политики, широко реализуемыми в практической деятельности: либерализацией экономики, приватизацией и переделом собственности, заменой бесплатных социальных услуг в сфере образования платными, оптимизацией в сфере здравоохранения, культуры. Радикальные перемены затронули все без исключения сферы жизни общества, в т.ч. и в сфере формирования личности. По мнению Н.В. Наливайко, «переходное состояние российского общества к новой фазе своего развития приводит к тому, что социокультурные смыслы, стереотипы деятельности подвергаются если не полному переосмыслению, то новой интерпретации в изменившихся социально-экономических и общественно-политических условиях» [2, с. 216].

Стремительные интеграционные процессы современной цивилизации в очередной раз поставили многочисленные вопросы, требующие оптимального разрешения. Развитие многих государств современного мира, в т.ч. и Российской Федерации, оказалось поставленным перед дилеммой – либо трансформирование в рамках сценариев западного глобализма, с последующей утратой национальной и социокультурной самоидентификации, либо следование традиционному пути развития, с сохранением ментальных основ развития общества. Наиболее поверженной изменениям оказалась сфера общественного и правового сознания, представленная системой нравственных, социальных и политико-правовых ценностей современной России. В этой связи особую значимость приобретают концептуальные основания современной философии права как основа правосознания и политико-правовой доктрины [1, с. 119].

Являясь центром системы источников переходного права, правовая доктрина выступает атрибутивным элементом любой правовой системы. Следовательно, говоря о правовой доктрине современного российского общества, необходимо учитывать всю совокупность условий, оказывающих влияние на ее становление в переходный период. С позиций социальной философии широкая стратегическая правовая доктрина – это концепция, на базе которой может осуществляться относительно неконфликтное, целенаправленное, комплексное существование в России в переходный период, разворачивание социально-экономического, социально-экологического, политико-правового, социально-культурного, международного политического строительства нового этапа

развития общества в соответствии с избранными социальными идеалами, целями и задачами в основных сферах социальной жизни.

В процессе сближения правовых систем и унификации новейших конституций общепризнанные принципы права как синтез общечеловеческих ценностей становятся важным источником правового регулирования. В основе общепризнанных принципов права лежит всеобщая заинтересованность государств в наличии общеприемлемого правового решения постоянно растущих проблем. Несмотря на то, что процессы, охватившие современные цивилизации Востока, Запада и России, носят поистине мировой масштаб (переход к многополярному миру), попытки унификации национально-правовых систем служат интересам западного глобализма, где под эгидой общечеловеческих ценностей и происходит стирание национально-правовых различий, представляя по существу новую форму порабощения государств.

Поскольку существование в рамках самоизоляции уже неприемлемо для оптимального развития российского социума, необходим именно разумный синтез концептов развития, позволяющий соблюдать баланс между возможными сценариями и вступать в мировые интеграционные процессы, не рискуя при этом утратить самостоятельный вектор социальной динамики. Только при условии диалектического взаимодействия традиционной системы морально-нравственных, социальных и политико-правовых ценностей, на наш взгляд, возможно оптимальное развитие современной России.

Таким образом, исследовав диалектику правовых и социальных ценностей современного российского общества, можно заключить следующее:

1. Правовая концепция современного российского общества находится в стадии становления. Факторы, оказывающие влияние на становление правовой концепции современного российского государства, можно условно разделить на две группы: внутреннее, отражающее логику и преемственность политико-правовых идей применительно к сложившимся социокультурным условиям современного российского общества, и внешние, представляющие уровень достижений и тенденций мировой политико-правовой системы, оказывающих влияние на формирование данной концепции извне, зачастую не учитывающих преемственность в системе политико-правовых ценностей российского социума.

2. К числу важных проблем становления правовой концепции в современной России следует отнести разумное сочетание и преемственность традиционных и новационных подходов в формировании новой мировоззренческой парадигмы; преодоление архаизмов и пережитков в системе общественного сознания и переход к концепции сбалансированного (оптимального) развития общества.

3. Приоритетной задачей развития российского законодательства необходимо считать правильное определение ценностной и социально направленной ориентированности современного российского права. До сих пор в большинстве своем принимаемые законодательные акты носят парциальный характер, с одной стороны отражая интересы только элитарных слоев российского общества и иностранных государств (например в рамках ВТО, Болонского процесса и т.п.), а с другой – из-за внутренней несогласованности юридических законов, допускающих правовой хаос. В силу изложенного необходимо придать им ценностное содержание, отражающее интересы общества в целом и многовековые культурно-исторические и ментальные традиции российского народа в частности.

4. Многие положения действующей Конституции РФ носят декларативный характер в силу того, что в ее концептуальной основе заложены принципы теоретической инокультурной модели государства западного либерального типа. Несоответствие теоретических положений объективно существующим реалиям современного российского социума и традиционной системе ценностей не позволяет считать их оптимальными для перспективного развития России.

5. Жизнеутверждающим основанием новой правовой концепции России могут служить только положения, адекватные всей совокупности социоприродных условий и находящихся поддержки на уровне традиционного российского менталитета. Модель либерального государства и возможность построения «правового государства» все более исчерпывают себя, поскольку представляют собой несоответствие российской ментальности, следовательно, направляют российское общество по бесперспективному пути развития. Но поскольку переходный период еще не завершен, можно исправлять ошибки политико-правовой теории и законодательства, закономерно изменять правосознание населения и направлять политико-правовое и социальное развитие по действительно правильному, сбалансированному пути, на котором современное российское общество и государство займут действительно достойное место в современной цивилизации.

Система ценностей в условиях переходного периода в России рубежа XX–XXI вв., характеризующегося пока бессистемностью, хаотичностью, присутствием в нем архаизмов и новаций российского и западного образца, с необходимостью будет трансформироваться. Но изменения могут быть как оздоравливающе-оптимогенными, так и конфликтогенно-разрушительными, подчиняющими Россию иностранному господству. Задача здоровых слоев российского социума, в т.ч. носителей научно-философского и правового профессионального сознания, – способствовать обеспечению выхода России из переходного периода на путь самостоятельного демократического гражданского правоответственного государства с оптимальным сочетанием государственной, частной, индивидуальной собственности и достижение такого уровня, чтобы с нашей страной считались и сотрудничали на равных другие государства современного мира. И ведущую роль в формировании оптимального правосознания граждан и становлении политико-правовой доктрины современной России могут исполнить идеи философии права как наиболее оптимальная концептуальная основа данного процесса.

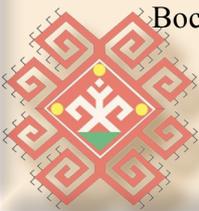
Литература

1. Глиос Г.Н. Социально-философский анализ правосознания переходного периода в постсоветской России: монография. Новосибирск. 2008.
2. Наливайко Н.В. Философия образования. Аксиологические аспекты развития отечественного образования – Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2008. № 1.

*Е.Н. Курсакова, канд. ист. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н.К. РЕРИХА КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ СИНТЕЗА ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Исследователи традиционно рассматривают Запад и Восток как два культурных ареала, два образа жизни, две цивилизации. Делая сравнительную характеристику культур Запада и Востока, ученые идут по пути поиска их отличий по разным аспектам (в искусстве, науке, религии, моральных устоях, политических устройствах) [2, 3]. Одни исследователи говорят о возможности взаимодействия этих культур, их диалога, другие отмечают их противостояние. Безусловно, различия исторических путей Востока и Запада создают известные сложности в поисках подходов для их сравне-

ния. Кроме того, само разделение культур на западные и восточные подразумевает не только их географическое расположение, но и различную ментальность населяющих эти территории народов, т.е. различие в характеристике способов и методов познания мира, научных, религиозных, художественных, эстетических и духовных ценностях, основных мировоззрений, общественно-экономических и политических структур [4, 5]. Не меньшие споры вызывает вопрос о принадлежности России к одной из указанных культур и цивилизаций.

Однако, на наш взгляд, рассматривая вопрос взаимодействия Западной и Восточной цивилизаций и места России, необходимо идти не по пути поиска отличий, которые являются основой для противостояния этих культур, а по пути поиска общих черт, что позволило бы осуществить синтез этих цивилизаций и выйти на новый уровень развития уже современной мировой цивилизации. Тем более что в истории имеется подобный научный и творческий опыт. Жизненный путь таких величайших мыслителей и ученых-востоковедов, как Н.К. Рерих, В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург и др., есть ярчайший пример синтеза западной и восточной культур. Данные ученые стояли на позиции соединения Запада и Востока и формирования единой планетарной культуры при сохранении, конечно же, неповторимого своеобразия национальных культур. Интересно, что деятельность указанных ученых в их поисках единых основ культуры цивилизаций Запада и Востока была связана с Алтаем.

Замечательным явлением в жизни не только России, но и всего мира был Н.К. Рерих. В его картинах, трудах, уникальных материалах можно найти поразительную информацию о неразрывности не только Западной и Восточной цивилизаций, но и в целом Человека, Планеты и Космоса. Н.К. Рерих разделял идею единства культуры человечества и в то же время выделял в этой культуре Россию, переплавившую достижения Запада и Востока.

Н.К. Рерих был представителем XX в., времени, когда накопленные за предыдущий период знания реализовались в научном «взрыве» 1920-х гг. новой научной концепции вселенной, в которой главную роль стал играть формирующийся целостный подход к явлениям природы и человеческого общества. Забытые мысли древних мудрецов о неразрывности Человека, Планеты и Космоса вдруг нашли неожиданные подтверждения в научных открытиях и заставили экспериментальную науку Запада обратить свое внимание на философию Востока. Начался процесс взаимного духовного обогащения, который явился предчувствием предстоящих изменений в сознании человека и ожиданием новой ступени в культурно-духовной эволюции планеты.

Мировоззрение Н.К. Рериха формировалось под влиянием выдающихся деятелей как русской культуры, так и Востока. Археолог А.А. Ивановский, например, привил интерес и любовь Н.К. Рериха к древностям; учитель живописи В. Васнецов – к художественному творчеству; заведующий художественным отделом Петербургской Публичной библиотеки В.В. Стасов, так вдохновенно сближавший русские былины и индийский эпос, заинтересовал Н.К. Рериха идеей о взаимосвязи славянской культуры и культуры Востока, прежде всего России и Индии [6, с. 39]. Эта мысль впоследствии стала одной из причин, которые подтолкнули Н.К. Рериха отправиться в Центрально-Азиатскую экспедицию (1923-1928 гг.), которая была внесена в золотой фонд географических исследований мира, а в ее рамках в июне 1926 г. посетить Алтай.

Алтай интересовал исследователя в плане подтверждения его концепции о культурно-исторической общности человечества, а в ее рамках в плане изучения вопроса переселения народов. Через Алтай, по мнению ученого, проходила одна из важнейших артерий движения различных племен и народов, сыгравших большую роль в этногенезе Евразии. Н.К. Рерих предполагал, что расселение народов шло из Центральной Азии в Европу, и Алтай был составной частью пути продвижения племен. Огромное научное значение изысканий Николая Константиновича в вопросе переселения наро-

дов доказали в своих трудах такие исследователи, как А.П. Окладников, В.Е. Ларичев, Н.Н. Покровский.

Н.К. Рерих шел навстречу Востоку и видел то, о чем писал до него другой русский исследователь культуры народов Центральной Азии Г.Н. Потанин, а именно, что культуры Запада и Востока проникали друг в друга, обменивались ценностями и создавали новые, невиданные сплавы. Если до начала Центральноазиатской экспедиции эта мысль была лишь предположением Н.К. Рериха, то по окончании стала выводом. «То, что человеческие руки разделяют, сама жизнь соединяет. Во времена, когда Восток и Запад условно тысячелетиями, начиная со времен скифов и их звериного стиля, противопоставляются, сама жизнь формирует основания для единой мудрости», писал Н.К. Рерих [7, с. 102].

В своих воспоминаниях об отце Юрий Николаевич Рерих отмечал, что Азия, Восток всегда привлекали внимание Николая Константиновича. Его интересовали общие корни славянства и индоиранцев, восточные истоки культуры Древней Руси. Для Николая Константиновича Алтай на севере и Гималаи на юге были как бы полюсами единого грандиозного горного мира. Недаром дневник экспедиции, куда он заносил свои мысли, родившиеся во время странствования, был назван им «Алтай-Гималаи» [6, с. 27].

Н.К. Рерих предполагал, что в понятии староверческого Беловодья и буддийской Шамбалы лежит один источник. Алтай и Гималаи – единая горная система, которая связана между собой бесконечными ходами неизведанных пещер. «Не случайно алтайский Белый Бурхан напоминает индийского Будду» [7, с. 54].

Находясь на Алтае, Рерихи собирали минералы и лекарственные растения, занимались обследованием древних курганов, наскальных рисунков, их интересовала история и культура народов этого региона. Изучая и обследуя древние курганы, каменные изваяния, Н.К. Рерих пришел к выводу, что «Алтай в вопросе переселения народов является одним из очень важных пунктов. Погребения, уставленные большими камнями, так называемые Чудские могилы, надписи на скалах, все это ведет нас к той важной эпохе, когда с далекого юго-востока, теснимые где ледниками, где песками, народы собирались в лавину, чтобы наполнить и переродить Европу. И в доисторическом, и в историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу. Владычица Алтая, белоснежная гора Белуха, питающая все реки и поля, готова дать свои сокровища» [7, с. 124].

Таким образом, утверждая концепцию о культурно-исторической общности человечества, Н.К. Рерих вел сбор подтверждающих фактов в конкретном направлении: поиск и исследование единых корней индийских и славянских народов. По мере расширения знаний по истории, культуре и искусству Древней Руси Н.К. Рериху все более верной представлялась идея, что именно с Востока, из его потаенных недр пришли к славянству сокровища древнейших культур Азии. Он думал, что характер русской национальной культуры не мог быть до конца понят никем без серьезного учета контактов и взаимовлияний народов России и Востока.

Некоторые исследователи утверждают, что западная и восточная цивилизации отличаются, главным образом, стилем мышления. Европа придерживается логического мышления, а Азия стоит на культе образа. Мир един, но Восток и Запад идут к его познанию с разных сторон. Поэтому правы современные исследователи (Россов В.А.), которые в подтверждение мыслей о научно-культурном синтезе, вбирающем две традиции – западную и восточную, для более доступного восприятия пользуются образом пирамиды. Грани пирамиды как раз и есть восточная и западная традиции, которые соединяются где-то наверху, и вершинная точка пирамиды является абсолютным выражением смысла мировой культуры.

Литература

1. Держава Рериха: сб. ст. М.: Международный Центр Рерихов, 2004. 72 с.

2. Курсакова Е.Н. Экспозиционно-выставочная деятельность как средство патриотического воспитания курсантов высших учебных заведений системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. С. 159-160.

3. Курсакова Е.Н., Лен К.В. Экспозиционно-выставочная деятельность как средство сохранения и трансляции исторического наследия в процессе патриотического воспитания курсантов высших учебных заведений системы МВД России // Проблемы сохранения исторического наследия деятельности органов внутренних дел: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. С. 48-52.

4. Курсакова Е.Н. К вопросу о формировании духовно-нравственных и этических основ курсантов образовательных организаций системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. С.48-51.

5. Курсакова Е.Н., Лен К.В., Тарасова Е.И. Воспитание традиционных нравственно-этических ценностей посредством экспозиционно-выставочной деятельности методического кабинета образовательных организаций системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. С. 45-48.

6. Полякова Е.Н. Рерих. 2-ое изд., доп. М.: Искусство, 1985. 304 с.

7. Цесюлевич Л.Р. На Алтае // Н.К. Рерих. Жизнь и творчество: сб. ст. М., 1978. С. 169-185.

И.В. Макаров

Барнаульская православная духовная семинария

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ НА ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО ПЕРЕВОДА)

Исследования по истории локальных переводов Священного Писания имеют не только региональное, но и общецерковное значение. Деятельность алтайских миссионеров стала во многом образцом просветительской работы в среде, изначально далекой от христианского мировосприятия. Со дня основания Алтайской миссии прошло почти два столетия, и результаты ее работы уже второй десяток лет представляют собой предмет глубоких историко-церковных, богословских и миссионерско-просветительских исследований как церковных, так и светских ученых. На Иркутском миссионерском съезде 1910 г. Алтайская духовная миссия была названа «образцом и руководителем» для других миссий, потому что воспитала целую плеяду миссионеров-подвижников для Алтайской миссии и для других духовных миссий Русской православной церкви.

потому что православное просвещение народов Алтая и Горной Шории [3] совершалось алтайскими миссионерами в духе евангельской кротости и было подлинно апостольским служением. Духовно-просветительная деятельность Алтайской миссии была настолько впечатляющей, что некоторых алтайских миссионеров современники еще при жизни именовали равноапостольными или даже апостолами Алтая. Годы безбожия нанесли непоправимый урон христианскому просвещению народов Горного Алтая. Однако, несмотря на полное упразднение в 1920-е гг. миссионерских учреждений, дело просветителей Алтая не исчезло бесследно и получило свое полноценное продолжение среди потомков новокрещенных инородцев в наши дни. Сегодня продолжается процесс возрождения в России традиций христианского просвещения, в связи с чем очень важно обращение к опытам православных миссий, среди которых Алтайская занимает одно из первых мест.

Что касается перевода Библии на алтайский язык, то первые переводы библейских книг были осуществлены, может быть, еще раньше, чем Библия была переведена на русский литературный язык. Архимандрит Макарий, основатель Алтайской духовной миссии, прибыл на Алтай в 1830 г., он не только изучал в это время алтайский язык, но и переводил Библию на русский литературный язык. Это был в какой-то мере прорыв в библеистике. А уже потом, изучая алтайский язык и изыскивая методы проповеди, он переводит Священное Евангелие, часть Псалтири, некоторые богослужебные тексты. И преемники архимандрита Макария продолжают эту переводческую работу. Сегодня мы получили перевод книги Бытия на современный алтайский язык. Уникальное значение Библии состоит в том, что это и Божественное откровение, и в какой-то мере лучшая человеческая книга. Это книга, которая написана Богом и людьми.

Те народы, которые получили Библию на своем родном языке, сохранились как народы. Язык – это «скелет» народа. И мы знаем, насколько быстро народ теряет свою сущность, когда он отходит от своей языковой традиции. Церковная традиция приветствует и такие новации, как перевод Священного Писания на современный язык, на современный алтайский язык.

Литература

1. Алтайская и Киргизская миссии Томской Епархии в 1892 г. Бийск, 1893. 98 с.
2. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924. 152 с.
3. Архимандрит Владимир. Алтайская Духовная миссия в 1870 году // Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. М., 1872. С. 562-783.
4. Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. М., 1995. 154 с.
5. Баскаков Н.А., Яимова Н.А. Шаманские мистерии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. 123 с.
6. Безобразов К., еп. Лекции по Новому Завету: Евангелие от Матфея. Киев, 2003. 144 с.
7. Беликова А.П., Бабин В.Г. К вопросу о просвещении в дореволюционном Горном Алтае // Проблемы истории педагогики и современность. Горно-Алтайск, 1991. С. 31.
8. Беликова А.П. Горный Алтай: истоки просвещения // Педагогика. 1995. № 2. С. 24-25.
9. Богданова Р.Н. Проблемы перевода современных текстов. URL: https://vk.com/doc6559_269627106 (дата обращения: 16.08.2015).
10. Вайнгрин Дж. Введение в текстологию Ветхого Завета. М., 2002. 110 с.

Секция «Исторический опыт межнациональных отношений»

*С.А. Ан, доктор филос. наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет;
Ю.Р. Романова
Алтайский государственный педагогический университет*

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ КАК ФОРМИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена феномену образа медведя как одному из самых популярных образов, связанных с российской ментальностью.

Сравнение России с медведем уже стало притчей во языцех. Сегодня мы можем найти изображение медведя начиная с оберток конфет и заканчивая символикой действующей партии власти. Так, например, в конце 2016 г. символическим хранителем столицы Алтайского края – города Барнаула – стал медведь. В связи с этим родилась и легенда, рассказывающая о «добром духе медведя», который следит за благополучием местных жителей, приносит счастье и богатство жителям и гостям города. Данная легенда, по нашему мнению, основывается на уже ставшем традиционным сравнении России с медведем. Символ «Российского медведя» – в значительной степени западное «изобретение» [3, с. 110]. С другой стороны, немецкий исследователь Ханс Лемберг, специально занимавшийся вопросом выявления истоков сращивания медвежьего образа с Россией, отмечал, что «для европейцев страна считалась северной. А для этой географической координаты естественным был образ северного животного – медведя. Ведь и Полярная звезда – ориентир для определения сторон света в нашем полушарии – входит в созвездие Малая Медведица и указывает на Север» [3, с. 110]. «Архетипический образ медведя – один из самых распространенных и наиболее древних образов мифологии, религиозных верований и фольклора Северного полушария» [1, с. 266]. Действительно, исследователи находят множество преданий, легенд, сказок у разных народов, населяющих Россию и, в частности, Сибирь, у которых медведь с древних времен считается тотемным животным. Интересно то, что у разных народов, населяющих Сибирский регион, мы находим общность в понимании сущности медведя как священного животного. Медведь наделяется сверхъестественными силами, символизирует «карающую силу в случаях, если человек нарушал клятву, табу или гармонию с растительным и животным миром». Этот мотив проявляется, например, в русской народной сказке «Медведь – липовая нога». Медведь в верованиях русских был хозяином леса, т.е. лешим. В русском фольклоре часто встречается образ медведя-героя: Ивашка Медвежье Ушко, Иванко Медведко, Василий Медведеух, способного совершить превосходящий человеческие силы подвиг. У русских Медвежье Ушко борется с Бабой Ягой – нечистой силой, хозяйкой нижнего подземного мира мертвых.

Кроме того, прослеживается связь медведя с верхним, божественным миром, а также с нижним – миром мёртвых – через образы медведя-Велеса и медведя-лешего. У русских связь медведя с солнцем можно проследить по материалам обрядового фольклора: зимний солнцеворот связывали с поворотом медведя в берлоге на другой бок, а пробуждение медведя весной связывали с переходом солнца в активную фазу. Существует и новая концепция архетипического образа медведя, являющаяся следствием дальнейшей трансформации данного образа, характерная только для русского населения – это медведь-святой (Власий, Николай Мирликийский) [1, с. 269].

Что касается литературного наследия народов Севера и Сибири, то в ней сюжет встречи охотника с медведем в тайге является самым распространенным. Это обусловлено не только жизненным материалом, но и общностью фольклорного пласта культур многих сибирских народов, где медведь является священным животным, хозяином тайги и предком самого человека. Так, по свидетельству ученых, «древний культ или различные пережитки этого культа имеются у манси, хантов, нанайцев, нивхов, тофаларов, эвенков, эвенов, в мифологии и фольклоре которых медведь традиционно занимает одно из главных мест» [4, с. 195].

В алтайской мифологии медведь является творением Эрлика (в тюрко-монгольской мифологии владыка подземного мира, высший правитель царства мёртвых). Также в алтайских мифах говорится о том, что медведь был в прошлом человеком. По другой легенде северных алтайцев, медведь раньше был настоящим сыном бога, богатырем. Похожую легенду можно встретить у народов ханты и манси: медведь произошел на свет через «обращение или видоизменение человека-богатыря» [2, с. 79]. Широкая распространенность культа медведя среди народов, принадлежащих к разным языковым группам, была обусловлена географией расселения, сходным бытом, условиями жизни.

Сегодня медведь является общим символом в целом для всей России. Это доказывает и то, что в произведениях с сюжетом о медведе нет каких-то специфических отличий, обусловленных характером той конкретной национальной культуры, носителем которой является автор, поскольку, как только речь заходит о медведе, он неизбежно попадает в общее, единое для многих народов России тематическое поле, а повторяемость и ограниченная вариативность «медвежьих» мотивов и сюжетов задана как жизненным материалом, так и едиными мифологическими и фольклорными источниками. А культурное наследие народов, населяющих Россию, сформировало культурный слой, создало фундамент для глубинного понимания важности образа медведя. Таким образом, создаётся, по нашему мнению, свертхтекст, в котором сформировалось особое понимание и значение образа медведя как специфического феномена российской культуры, ставшего объединяющим народным символом. Ведь литературное творчество писателей коренных народов Севера и Сибири возникло и развивалось в контексте русской культуры, т.е. не в «герметичной» локальной среде, а в процессе диалога двух культур [5, с. 204].

Сегодня медведь трактуется как сильный, умный покровитель России, который в случае необходимости сможет защитить свой народ. Медведь – это межнациональный образ, который объединяет многонациональную страну. Медведь как культурный герой продолжает быть востребованным. Так, например, образ медведя появляется в жизни человека уже с первых дней в виде игрушек, как персонаж мультфильмов, народных сказок.

В начале 2000-х гг. получило развитие «медвежье» направление в авторской образной игрушке. Появился ряд мастеров-художников, которые создают кроено-шитых медведей с использованием советских технологий. Например, в Алтайском крае основан уникальный Центр современных ремёсел «Алтайский мишка», в котором создаются игрушки-медведи с использованием советских разработок. Для автора проекта такой медведь не просто игрушка, а носитель национальной идеи. В данном случае образ медведя, реализованный в авторской игрушке «Алтайский мишка», является скрепой

между разными народами, способствует патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Через игрушку идёт передача культурной информации, знакомство с традицией, нравственно-эстетическое воспитание. Интерес к традиционной культуре в современном мире обусловлен многими причинами, одной из главных является – попытка сохранить этническую идентичность, обрести психологическую защиту в условиях глобализации, укрепить межнациональные связи, сберечь традицию.

Литература

1. Кошкарлова Ю.А. Концепции образа медведя в русской ментальности // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 266-270.
2. Кучукова Д.А. Зооморфные образы в мифологии северных алтайцев: к проблеме этнокультурных контактов народов Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 21-26.
3. Махмутова Л.Ф., Ушакова Н.В. Медведь как символ России и как политический образ на Западе // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012. № 10 (Вып. 1). С. 109-115.
4. Непомнящих Н.А. Варианты сюжета «поединок человека с медведем»... // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 2. С. 194-205.
5. Якимова Л.П. Многонациональная Сибирь в русской литературе. Новосибирск: Наука, 1982. 228 с.

А.И. Асанбаев

Барнаульский юридический институт МВД России;

Е.Н. Курсакова, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ КИРГИЗОВ

Изучение традиционных памятников материальной этнокультуры является материалом, на котором возможно воспитание чувства любви и долга к своей Родине, своим традициям и истокам [2, 3, 7].

Обращение к этнографическому материалу, к обычаям предшествующих поколений, их представлениям об окружающем мире, верованиям, орудиям труда, пище, одежде, жилищу, предметам быта, к легендам и эпическим сказаниям, т.е. всему комплексу культуры, созданному данным этносом и отличающим его от других, позволяет взглянуть на историю не только как на последовательность тех или иных событий, но и как на картину обыденной повседневной жизни людей [4, с. 42]. Знания этой области помогают проследить связь местных культур прошлого и современности, увидеть черты традиционного уклада в реалиях сегодняшнего дня [5, с. 31].

Традиция (от лат. traditio – предание, обычай) – множество представлений, обрядов, привычек и навыков практической и общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение, выступающих одним из регуляторов общественных отношений [6, с. 48].

Во все времена основным занятием киргизов было скотоводство. Разводили в основном овец, лошадей, яков и верблюдов. Чтобы обеспечивать домашних животных кормом, киргизы постоянно перекочевывали с места на место. С наступлением тепла кочевники поднимались высоко в горы на летнее пастбище джайлоо. С приходом зимы

они спускались в долины на зимнее пастбище кыштоо. За скотом кочевники следили очень тщательно. В течение дня выпасом скота занимались традиционно мужчины. Ночью же эта функция возлагалась на девушек. Охраняя скот, они напевали особую песню (бекбекей), которая должна была отпугивать хищников и злых духов от стада [1].

Еще одним важным занятием кочевого народа была охота. Охотились на волков, маралов, горных козлов.

Особенности кочевого образа жизни кыргызского народа нашли свое отражение в национальной одежде. Основными материалами для изготовления одежды были грубая шерсть, войлок, шкуры и кожа домашних животных. Знатные семьи могли позволить себе одежду из дорогих тканей, привезенных из городов Великого Шелкового Пути.

Верхняя мужская и женская одежда называется чапан и представляет собой подобие халата на вате или из прочной и теплой шерстяной ткани, с пуговицами и стоячим воротником. В зимнее время носили овчинные тулупы – тон и меховые шубы – ичик, сделанные из меха лисы, волка или рыси. Основная традиционная обувь – сапоги с длинными голенищами и узкими носками, украшенными цветным орнаментом. Мужчины носили просторные штаны из кожи или замши, расшитые цветными нитками (чалбар, кандагай), нательные распашные рубашки (кёйнёк), войлочный халат (кементай). Знатные и богатые люди носили ювелирные украшения. Мужской атрибут богатства в одежде – это широкий кожаный пояс (кемер), украшенный различными серебряными вставками. Особое место в традиционной одежде кыргызов занимают головные уборы: ак калпак и элечек [1].

Традиционная женская одежда состояла из длинной белой рубахи или платья (кёйнёк) и длинных шаровар. Молодые женщины носили безрукавки из цветного бархата – чыптама. Замужние женщины носили распашную юбку с мехом и узорной вышивкой – белдемчи.

Декоративно-прикладное искусство кыргызского народа (ткачество, войлочное искусство, узорная вышивка, изготовление циновок, изделий из кожи, ювелирных украшений, резьба по дереву) развивалось на протяжении веков. Оно формировалось с учетом потребностей повседневной жизни и быта и во многом ощутило на себе влияние кочевого образа жизни [8].

Искусство изготовления войлочных изделий тесно связано с жилищем кочевников – юртой. Ковры из войлока, украшенные орнаментом, – шырдаки – являются важным элементом в убранстве юрты. Располагаются обычно на полу. Войлок для шырдаков делается из овечьей шерсти, которая плотно скатывается и окрашивается в яркие цвета. Из кусков войлока составляется орнамент, затем они сшиваются друг с другом, образуя прекрасный ковер. Размер шырдака составляет два на четыре метра. Большое значение в прикладном искусстве имеет и ковер ала-кийиз (кырг. «пестрый войлок»), в котором войлочные узоры вкатываются друг в друга, а не сшиваются [8].

Распространено в народе и искусство изготовления циновок, которые стелятся под войлочные ковры, чтобы уберечь их от сырости, и являются одним из составных элементов юрты. Делаются они из стеблей чия, которые сплетаются между собой с помощью цветной шерсти.

Известны своим мастерством и вышивальщицы. Они искусно вышивают узоры и орнаменты на тканях, коже, войлоке. Кыргызские мастерицы великолепно вышивают настенное панно – туш-кийиз. Узорная вышивка часто встречается на традиционных сумках аяк-кап и на подвесных полках текче [1].

Познакомиться с кыргызским декоративно-прикладным искусством и даже приобрести некоторые предметы можно во многих городах и селах, посетив ремесленные центры, мастерские, выставки или специальные магазины.

Литература

1. Кыргызстан: обычаи и традиции. URL: <http://www.asia-travel.uz/kyrgyzstan/obychai-i-tradicii-kyrgyzstana>.
2. Курсакова Е.Н. Экспозиционно-выставочная деятельность как средство патриотического воспитания курсантов высших учебных заведений системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 159-160.
3. Курсакова Е.Н. К вопросу о формировании духовно-нравственных и этических основ курсантов образовательных организаций системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. С. 48-51.
4. Курсакова Е.Н., Асанбаев А.И. Традиционные праздники Кыргызстана: нооруз // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. С. 42-44.
5. Курсакова Е.Н., Асанбаев А.И. История российско-киргизских отношений // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 31-33.
6. Курсакова Е.Н., Лен К.В. Экспозиционно-выставочная деятельность как средство сохранения и трансляции исторического наследия в процессе патриотического воспитания курсантов высших учебных заведений системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С.48-52.
7. Курсакова Е.Н., Лен К.В., Тарасова Е.И. Воспитание традиционных, нравственно-этических ценностей посредством экспозиционно-выставочной деятельности методического кабинета образовательных организаций системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. С. 45-48.
8. Традиции и обычаи Киргизии. URL: http://scout-kg.narod.ru/library/l_tradicii.obichii.html.

*С.В. Варакин, канд. физ.-мат. наук
Алтайский государственный университет;
Н.В. Варакина, канд. социол. наук
Алтайский государственный университет*

МОДЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)¹

19

Модель демографического поведения населения складывается из ряда переменных, обусловленных совокупностью факторов. Моделирование основывается на анализе демографического поведения в узком и широком трактовании. В первом случае (узкое трактование) демографическое поведение рассматривают как совокупность действий, связанных исключительно с воспроизводством населения (рождаемость и смертность, соотношение браков и разводов). В широком смысле модель демографического поведения включает в себя действия, связанные с воспроизводством населения, а также миграцией и социальной мобильностью.

Выявление тенденций, прогнозирование динамики и построение моделей демографического поведения населения является одним из приоритетных направлений междисциплинарных исследований социологов и математиков, т.к. имеет выраженную практико-ориентированную направленность и высокий потенциал применения результатов эмпирических исследований.

Субъектами демографического поведения могут являться индивиды, семьи, малые группы и нация, при этом демографическое поведение выступает результатом взаимодействия индивидуально-психологических, физиологических характеристик индивида и системы духовных норм и ценностных ориентаций окружающих его групп и общества в целом.

Результатом демографического поведения индивида, семей и других малых групп является сохранение или изменение их демографического статуса. Психологическим регулятором демографического поведения выступают демографические установки личности, определяющие согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к тем или иным демографическим поступкам (рождению определенного числа детей, возрасту вступления в брак, разводу, миграции и др.) [3].

Основными компонентами демографического поведения, по мнению ряда исследователей, являются матримониальное и репродуктивное поведение. Значимыми компонентами матримониального поведения являются возраст вступления в брак, соотношение числа браков и разводов, продолжительность безбрачного периода до и между браками, при этом репродуктивное поведение чаще всего рассматривается в логической взаимосвязи с брачным, но в последние годы эта взаимосвязь демонстрирует тенденцию ослабления.

Не менее значимым направлением в исследовании демографического поведения населения является изучение механизмов и приемов сохранения и поддержания здоровья, т.е. витальное поведение населения, а также полярное направление, связанное с исследованием факторов (индивидуально-личностных, социально-психологических и физиологических), обуславливающих саморазрушительное поведение представителей различных социальных групп.

Основная цель демографического прогноза состоит в разработке сценариев для выдвижения гипотез вероятных изменений демографических показателей и предвидения

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ №16-06-00350 «Прогностический потенциал теории нечетких временных рядов в построении модели демографического поведения населения» 2016-2018 гг.

тенденций развития демографической ситуации, ориентированных на решение социально-экономических и социально-бытовых проблем. Объектами демографического прогнозирования являются события и процессы воспроизводства населения.

Используя комплекс методов, демографические прогнозы направлены на оценку предстоящей численности населения, изменения демографической структуры, естественного и механического движения населения. Без демографического прогнозирования невозможны научное планирование показателей социально-экономического развития страны (региона) и предвидение геополитических процессов, расчет необходимого производства товаров и услуг, развитие инфраструктуры, жилищного строительства, систем образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения. Практическая значимость демографических прогнозов состоит в том, что на основе научного исследования даются рекомендации органам управления о необходимости принять меры по стабилизации или улучшению создавшейся демографической ситуации, учитывать тенденции воспроизводства населения при решении важных народно-хозяйственных задач, вносить коррективы при проведении демографической политики.

По целям демографические прогнозы делят на аналитические, прогнозы-предостережения, нормативные и функциональные. Цель аналитического прогноза – используя данные о современных тенденциях воспроизводства населения, оценить возможность их влияния на будущую численность и состав населения, а также на социально-экономическое развитие страны (региона). Данный прогноз позволяет выявить те проблемные ситуации, которые могут привести к обострению существующих или возникновению новых политических и социально-экономических проблем.

Прогноз-предостережение ставит своей задачей предупредить о возможных неблагоприятных или опасных последствиях сложившейся демографической ситуации, требующих принять необходимые превентивные меры. Один из первых прогнозов-предостережений связан с анализом тенденций увеличения численности населения, в котором Т. Мальтус утверждал, что численность населения растет в геометрической прогрессии, а рост жизненно необходимых продуктов питания происходит в арифметической прогрессии.

Второй пример прогноза-предостережения был предложен отечественными демографами В.Н. Архангельским и А.Б. Синельниковым. Суть их прогноза в том, что при сохранении в стране современной тенденции рождаемости через несколько лет может произойти исчезновение российского народа. Авторы данного прогноза исходили из того, что в 1999 г. в России суммарный коэффициент рождаемости был равен 1,17 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Для обеспечения же простого воспроизводства населения, учитывая существующий показатель смертности, суммарный коэффициент рождаемости должен быть равен 2,13. Если зафиксированные в 1999 г. коэффициенты рождаемости и смертности в России сохранятся, то примерно через 25 лет население страны сократится на 45%. Если эти коэффициенты не изменятся, то через 800 лет может исчезнуть последний россиянин, о чем было заявлено одним из выступающих на проходившей в 2011 г. в МГУ международной конференции «Глобальная социальная турбулентность и Россия» [1].

Функциональный прогноз предназначен для предоставления демографической информации органам планирования и управления функционированием сфер и отраслей общественной жизни. Для каждой из данных сфер составляется отдельный функциональный прогноз.

Таким образом, можно сказать, что моделирование и прогнозирование демографического поведения населения является актуальным междисциплинарным направлением исследований, имеющим практико-ориентированную направленность и являющимся эмпирической базой для построения и корректировки социальной, экономической политики как на региональном, так и на глобальном уровне.

Литература

1. Архангельский В.М. и др. Практическая демография. М.: ЦСП, 2005.
2. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 49-59.
3. Садовникова Ю.Ю., Тимейчук Л.Н. Региональная дифференциация процессов управления демографическим развитием // Экономические науки. 2011. № 3. С. 216-220.

*Н.А. Волкова, канд. филол. наук, доцент
Горно-Алтайский государственный университет;
О.В. Новикова, канд. филол. наук, доцент
Горно-Алтайский государственный университет;
Т.И. Орехова, канд. филол. наук, доцент
Горно-Алтайский государственный университет*

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЕ

В современном мире проблема воспитания толерантности актуальна не только для отдельных регионов России, но и для мирового сообщества в целом, что обусловлено значительными социальными трансформациями в стране и мире в целом. Термин «толерантность» активно используется во всем мире на протяжении длительного времени. Так, по инициативе ЮНЕСКО 1995 год был признан Международным годом Толерантности [3]. С тех пор это слово прочно вошло в нашу жизнь. Определение толерантности имеет сходное значение в разных языках и, по сути, оно означает «терпимость». Более чем 185 стран мира подписали «Декларацию принципов толерантности», которая содержит четкое определение понятия. Толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность – это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность – это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира.

Общепризнанным является тот факт, что в мире нет ни одной культуры, развивающейся в полной изоляции от культур других народов. Не существует и однородных, внутренне совершенно цельных культур. В связи с этим в настоящее время необходимо воспитывать уважение права каждого человека на сохранение его культурного и индивидуального своеобразия, что должно рассматриваться как богатство человечества в целом, а также служить одним из источников пополнения и развития собственной культуры.

В современном образовательном пространстве одной из основных является проблема воспитания культуры толерантности в молодежной среде. Это связано с тем, что в последнее время наблюдается увеличение агрессивности в межличностном общении, все более категорично принятие другой индивидуальности. Войны, национальные конфликты, ксенофобия, экстремизм, различные формы дискриминации – все это и сегодня продолжает подрывать демократические принципы существования современного мира и, в конечном итоге, приводит к нарушению прав человека. В России в по-

следние десятилетия одновременно, но не синхронно происходят изменения во всех сферах жизни – духовной, политической, экономической, что нередко порождает разногласия и социальную напряженность. В этих условиях именно толерантность может стать нравственным и духовным ориентиром развития и укрепления целостности и многообразия человеческого общества. Прежде всего, на это должна обратить внимание высшая школа, т.к. она имеет непосредственное отношение к формированию мировоззренческих установок личности, системы ценностных приоритетов [1, 2]. Являясь значимым институтом социализации, вуз призван не только формировать систему знаний и профессиональных навыков, но и оказывать непосредственное влияние на личность студентов, повышая уровень их социально-психологической компетентности и психологической культуры, поэтому развитие толерантности должно находиться здесь на одном из приоритетных мест.

Вопросы воспитания толерантности очень актуальны в Республике Алтай, поскольку это уникальный регион, находящийся на стыке Востока и Запада, Европы и Азии, здесь христианство, буддизм и ислам сосуществуют с традиционными первобытными верованиями. В условиях поликультурного пространства нашей республики важное значение для формирования культуры толерантности в высшей школе имеют воспитательные мероприятия разного уровня (в отдельной группе, на отдельном факультете, в университете в целом). На наш взгляд, работа, направленная на формирование этнической толерантности в вузе, обязательно должна строиться на комплексной основе, затрагивая все субъекты образовательного процесса и все компоненты образовательной среды.

Особенно важным это представляется в нашем регионе, т.к. языковая политика в государстве с разнородным этническим составом сталкивается с некоторыми проблемами, от правильного решения которых зависит сохранность языка, а также социальная стабильность общества. В связи со сказанным представляется необходимым разработать определенную программу воспитания культуры толерантных отношений, включающую в себя такие направления воспитательной деятельности, как социально-психологическое и филологическое. Её импульсом должна послужить региональная политика Республики Алтай. Так, в соответствии с Законом Республики Алтай «О языках» государственными языками в республике являются русский и алтайский [4]. Русский язык используется также как средство межнационального общения. Таким образом, изучение и осмысление культур разных народов представляет определённый научный и практический интерес, а также занимает важное место во всём воспитательном процессе.

В Горно-Алтайском государственном университете ежегодно проводится мероприятие «Многоликая планета», в котором принимают участие студенты всех факультетов. Доброй традицией стало ежегодное проведение Кирилло-Мефодиевских чтений в рамках Дня славянской культуры и письменности; конкурса художественного чтения русской лирики, в котором принимают участие не только студенты разных факультетов ГАГУ, но и школьники; «Недели русского языка», «Недели литературы», «Недели алтайской литературы и языка», «Недели китайского языка», «Дней немецкой культуры». Факультет активно осваивает воспитательное пространство университета и республики, сотрудничая с Министерством культуры РА, Воскресной школой при Преображенском храме в подготовке и проведении Дня славянской культуры и письменности. Кроме того, воспитанию толерантности способствует тесное сотрудничество с коллективом музыкальной школы № 1, учащиеся и преподаватели которой принимают деятельное участие в мероприятиях, проводимых факультетом.

И в заключение данной статьи считаем необходимым отметить, что вне зависимости от используемых воспитательных, обучающих и психологических технологий главный инструмент воздействия, который используется педагогом, – это его собственная личность. Поэтому совершенно необходимым компонентом формирования толерантности

в вузе является толерантное поведение всех участников образовательного процесса, в первую очередь преподавателей, что требует от них не только обширных знаний и понимания главных политических, культурных, социальных проблем современности и поиска путей их успешного решения.

Литература

1. Абуталипова Л.Н., Кайбияйнен А.А. Мы разные, но мы вместе // Студенчество. Диалоги о воспитании. 2010. № 1 (49). С. 15-16.
2. Вербицкая С.А. Перспективы формирования культуры толерантности в деятельности куратора // Вестник ТГУ. 2010. № 338. С. 160-163.
3. Декларация принципов толерантности. Принята резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml.
4. Закон Республики Алтай от 10 июля 2012 года № 46-РЗ «О внесении изменений в Закон Республики Алтай «О языках». URL: <https://rg.ru/2012/08/06/respaltai-zakon46-reg-dok.html>.

*Р.Ю. Волоснов, канд. искусствоведения
Алтайский государственный университет*

СЕЛЬСКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ ШКОЛЫ АЛТАЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО И ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Конфликтные взаимоотношения старообрядческого и православного населения сельской местности Алтая имеют давнюю и сложную историю противостояния. Практически со времени освоения Сибири в местах компактного проживания этих конфессионально-догматических групп происходили разного рода столкновения, возникавшие вокруг проблем быта, организационных мероприятий, землепользования и др. В связи с этим актуальна противоположная проблематика выявления аспектов сглаживания и нивелирования противоречий данных социальных групп, а также поиск интегрирующих моментов.

Православные начальные церковные школы на Алтае стали массово открываться в конце XIX в. после издания «правил о церковно-приходских школах 1884 года». Старообрядческое сельское население весьма настороженно отнеслось к такого рода учебным заведениям в силу традиционных антагонистических парадигм и категорического неприятия всего того, что связано с официальной церковью. С другой стороны, игнорирование официальных школ не было тотальным, и существовали факты включения старообрядческого населения в православную церковно-школьную жизнь, что может объясняться разными мотивировками: боязнь преследования со стороны властей и, соответственно, формальная отдача своих детей на обучение, рациональные доводы пользы получения элементарного образования, случаи перехода старообрядцев в официальную церковь и др. Тем самым сельскую православную школу можно рассматривать как центр межконфессионального взаимодействия и диалога старообрядцев и православных в конце XIX – начале XX вв.

Среди многообразия участия старообрядцев в православной церковно-школьной жизни можно выделить следующие аспекты:

1. Участие старообрядцев в организации строительства православных церковных школ. Многие старообрядческие сельские общественные деятели активно участвовали в организационно-строительных мероприятиях по открытию церковных школ, а наиболее отличившиеся даже получали благодарности от официальных православных властей епархии. К примеру, крестьянину-старообрядцу Павлу Дмитриеву Казанцеву из села Нижне-Каменского Бийского уезда (ныне село Нижнекаменка Алтайского района Алтайского края) в 1912 г. «преподано Архипастырское благословение Его Высокопреосвященства, с выдачею грамоты из Консистории, за труды по изысканию средств, а также за наблюдение за постройкой местной школы» [5, с. 159].

2. Обучение старообрядческих детей в православных церковных школах. Многочисленные дореволюционные источники и литература приводят множество фактов об обучении старообрядческих детей в православных школах. В целом вопросы о степени добровольности старообрядческих родителей при отдаче детей в православные школы и истинные причины этого явления являются дискуссионными и требуют более детализированного подхода. Показательны примеры публикаций совместного обучения староверческих и православных детей в официальном православном издании «Томские епархиальные ведомости». В частности, учитель церковной школы в селе Тайна Бийского уезда (современный Красногорский район Алтайского края) Колоколов в последние года XIX в. «...находясь в добрых отношениях с представителями всех раскольнических толков... пользуется влиянием у раскольников разных сект. К его жене отпускают раскольники дочерей приучаться к рукоделью...» [4, с. 6]. С другой стороны, исследователь И.В. Куприянова по поводу учебы старообрядческих детей в православной школе этого села восемь лет спустя, ссылаясь на архивный источник, утверждает, что в эту школу местное священство и миссионеры детей старообрядцев всячески заманивали [2, с. 261].

3. Православные школы как места дискуссий старообрядцев с православными миссионерами. В селах, где значительное количество населения – старообрядцы, церковные школы могли служить «ареной» догматических диалогов, дискуссий и дебатов между старообрядческими начетниками и православными миссионерами. Инославные жители наиболее часто посещали различные общественные мероприятия, проходившие именно в школьных зданиях. Представители духовных властей и миссионеры обозначали данный факт следующим образом: «Раскольники и сектанты неохотно идут в храм на собеседования, в школу же заходят часто и с большим интересом слушают. Здесь они не стесняются обращаться с просьбою о разъяснении тех недоумений относительно веры и обрядов; равным образом и православные чувствуют себя в школе более свободными и чаще здесь обращаются к своему священнику за разъяснением разнаго рода недоумений в жизни религиозной, общественной, семейной, частной...» [1, с. 225]. О высокой популярности такого рода совместных бесед православных и старообрядцев может служить следующий пример: «11-12 февраля 1916 года в селе Нижне-Каменском, Алтайской волости, Бийскаго уезда были проведены две публичные беседы Бийским противораскольническим миссионером, священником о. Петром Волковым, с местным наставником и начетчиком Николаем Ивановичем Долговым. Первая беседа была по вопросу о вечности священства церкви Христовой, а вторая о таинствах Св. Причащения. Первая беседа проходила в здании церковно-приходской школы. Несмотря на то, что народ не был заблаговременно оповещен о приезде миссионера и о времени беседы со старообрядцами, слушателей на беседу собралось довольно много и в первых рядах около собеседующих происходила в буквальном смысле давка...» [3, с. 628].

Таким образом, сельские православные церковные школы Алтая конца XIX – начала XX вв. являлись важными центрами межконфессионального взаимодействия православного и старообрядческого населения посредством вовлечения обеих групп

в организационные мероприятия по устройству школ, совместного обучения детей, общественных встреч и др.

Литература

1. Волоснов Р.Ю. Православные школы в сельской общественной жизни Алтая конца XIX – начала XX в. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2015. Вып. VIII. С. 223-230.
2. Куприянова И.В. Школьное дело в старообрядческих сообществах Алтая в конце XIX – начале XX века // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 261-263.
3. Недобросовестные приемы старообрядцев в беседах с православными. II. Отдел общецерковный // Томские епархиальные ведомости. 1916. № 17 (1 сент.). С. 626-629.
4. Новиков И. Записки о расколе и противораскольнической деятельности в пределах Бийского и Змейнгорского округов в 1897-98 г. Миссионерский отдел // Томские епархиальные ведомости. 1898. № 24 (15 дек.). С. 1-8.
5. От Томского Епархиального Училищного Совета. Распоряжения Епархиального Начальства. Часть официальная // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 7-8 (1-15 апр.).

*С.А. Воронина, канд. социол. наук
Алтайский государственный университет*

ГЛОБАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНОЙ ЛИЧНОСТИ

«Три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают» [4, с. 18], – утверждал в свое время С.М. Соловьев. Когда речь заходит о проблеме формирования личности человека, человеческого отношения к миру, социуму и своей стране, т.е. об области проявления духовной составляющей личности, необходимо учитывать, на наш взгляд, достижения в области духовного не только отдельно взятого национального государства, но и опыт, накопленный мировой историей. Этот метод – метод синтеза духовных практик – позволяет определить основные направления развития современного человека, его «картины мира».

Решающую роль в этом синтезе могут и должны сыграть культура, искусство, т.к. именно в этих способах духовного производства проявляются все формы освоения действительности и аккумулируются все феномены социальной реальности, фиксирующие как прошлое, так и современное. Мир, который представлен в культуре каждого народа, является инструментом самопознания как общества в целом, так и человека в частности. Образы литературы, музыки, полотен художников представляют собой систему этических, моральных ценностей, эталонов красоты, которые способствуют развитию стремления личности к самосовершенствованию, и не важно, к какому народу или нации принадлежит гений, их создавший. Следовательно, культурные установки выступают инструментом формирования высокодуховной личности. Кроме того, наиболее удачные художественные образы становятся общечеловеческими символами, в

которых воплощается весь лучший или, наоборот, отрицательный опыт человечества, способствующий взаимной коммуникации представителей разных народов.

Не стоит не принимать во внимание и тот факт, что культура является истинной памятью человечества, сохраняя в произведениях искусства уникальные особенности множества самых разнообразных народов и наций.

Главной задачей любого процесса воспитания является формирование духовной личности, и без обращения к мировой сокровищнице культуры она просто не выполнима.

Но с другой стороны, невозможно сформировать духовного человека, опираясь только на общечеловеческие начала культуры, т.к. большую роль в культурных процессах играют и национальные особенности, присущие только отдельному народу или этносу. Культура как никакая другая область человеческой деятельности более зависима от национального языка, характера народа, этнографических особенностей. Несмотря на то, что сегодня, благодаря развитию современных коммуникаций [1, с. 2236-2245], мы наблюдаем глобализацию культуры, тенденцию к унификации, национальные черты различных народов не исчезают полностью, они остаются главной составляющей любой национальной культуры. И в этом кроется некий сакральный смысл «сохранения энергии», т.к. общеизвестно, что все живое «живо разнообразием» [2, с. 367], и именно это разнообразие вызывает к жизни «социальное творчество», т.е. совокупность усилий, направленных индивидом на «поддержание, развитие, совершенствование всех явлений, процессов и феноменов, связанных с взаимодействием человека, общества и культуры» [3, с. 18], именно в результате совместного творчества формируются личностные ценностные установки индивида, которые закрепляются его жизненным опытом, совокупностью его переживаний и дают обществу целостную духовно зрелую личность. Только социально зрелая личность может сделать свой выбор в пользу добра и зла, свободы и независимости, патриотизма или нигилизма.

Таким образом, глобальное и национальное в формировании духовной личности должно строиться на стройном соотношении общечеловеческих и национальных идеалов.

Литература

1. Воронина С.А. Теоретические перспективы транзитивного подхода к анализу ценностной трансформации российского общества // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. № 7.6 (Гуманитарные и общественные науки). С. 2236-2245.
2. Всемирная энциклопедия: Философия / сост. А.А. Грицанов, М.: Мысль, 2001.
3. Попов Е.А. Человек и его духовная деятельность в центре внимания социологии // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сб. ст. Вып. 4 / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. Барнаул Изд-во Алт. ун-та, 2012.
4. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России / сост. и вступ. ст. С.С. Дмитриева; комм. С.С. Дмитриева и Л.П. Дойниковой; ил. В.В. Лукашова. М.: Правда, 1990. 786 с., ил.

П.Г. Воронцов, канд. филос. наук, доцент
Алтайский государственный медицинский университет;
Е.И. Тарасова, канд. филос. наук
Барнаульский юридический институт МВД России;
Е.В. Ушакова, доктор филос. наук, профессор
Алтайский государственный медицинский университет

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ И ИХ СВЯЗЬ С ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ

27

Современная культура – это сложнейшее социальное образование, включающее ряд самых разнообразных видов культур: традиционную, политическую, экономическую, культуру управления, культуру организации, культуру дизайна, быта, потребления и т.д. Виды современных культур крайне разнообразны и выделяются по разным основаниям (например, по отношению к разным цивилизациям, социальным сферам, классам, слоям, группам и т.д.) [1, 3, 5]. Рассмотрим в общих чертах диалектику культуры на базе нескольких основополагающих принципов с тем, чтобы определить роль традиционной культуры в дальнейших путях общего культурогенеза в XXI веке.

Для общего осмысления проблемы используем нижеследующие основания и принципы [1, 2, 4, 6, 7]. Диалектическая концепция развития вещи путем формирования в ней противоположностей, противоречий и конфликтных состояний, которые в итоге приводят или к гибели вещи, или к переходу ее в новое качественное состояние. Философско-научная концепция самодвижения материи и ее систем. Концепция соотношения процессов дифференциации и интеграции в эволюции естественных систем и их познания. Взаимосвязь принципов парциализма и холизма (как сохранения органичной целостности предмета). Синергетика, отражающая узловые моменты в существовании систем: с одной стороны, ее самоорганизации из хаоса, и напротив, бифуркаций и полифуркаций целого на части. Концепция отчуждения в социальной жизни и в культуре, когда последняя оказывается все более несоответствующей исходной системе и социальной жизни. Концепция живой культуры, жизненных сил культуры, или культуры как живого самоорганизующегося и изменяющегося организма (идеи и труды Боаса, Гумилева, Данилевского, Леви-Стросса, К. Леонтьева, Мида, Ласло, Сорокина, Тайлора, Тиллиха, Тойнби, Уайта, Шпенглера, Хейзинги и др.). Концепция культурвиализма, или жизненных сил современной, в т.ч. русской культуры.

Так, применяя системно-философский подход в культурологии, В.И. Марков пишет: «Живая культура – это самоорганизующаяся система, живущая в людях, их деятельности и отношениях, стереотипах и обычаях, в них обретающая свою целостность. «Мертвая» – это отдельные части культуры, ее элементы, качественно изменяющиеся при переходе в другую эпоху или культуру» [4, с. 7]. Движущими элементами любой культуры являются люди, живущие в соответствующих природно-географических и социальных условиях, способные к активной сознательной и практической деятельности. Сама же степень активности людей и культур может изменяться в зависимости от времени и условий: «Радикальные перевороты в культуре обычно осуществляются людьми, стоящими на пороге двух эпох... Они отрицают потому, что хотят идти дальше... А затем обычно приходят новые поколения, для которых и прежние противоречия, и достижения, и упования просто непонятны, непонятен и энтузиазм разрушения и борьбы за обновление общества. Пассионариев сменяют обыватели, революционных романтиков – ...бюрократы, а фанатиков... – просто люди бизнеса... Итог – абсолютизация своих ценностей, доведение их до абсурда, полное самоотчуждение и культурная смерть» [4, с. 164, 168].

В современной неклассической социологии и виталистской культурологии (Л.Г. Гусякова, С.И. Григорьев, Ю.И. Растов, Т.А. Семилет) разрабатывается понятие-образ «жизненные силы» (человека, общества, культуры) [2, 5]. Т.А. Семилет пишет: «Жизненные силы – это то, чем определяется сущность социального субъекта, его самоидентичность, возможность саморегуляции, системной трансформации, реализации заложенного или предустановленного смысла, эффективное функционирование и социально-культурное творчество субъекта и/или культурного организма» [5, с. 55]. Для нас данная концепция значима тем, что она выводит исследование на рассмотрение социальных взаимодействий как первопричин сохранения жизненных сил культуры.

Постмодернистский путь развития культуры на рубеже XX-XXI вв. как основание магистрального пути ее деконструкции и распада на практике в укрепляющемся глобальном обществе массового потребления определяет принципиальную смену векторов преобразования культуры – от ее саморазвития и интеграции – к нарастающей самодифференциации и самораспаду. Это отражает диалектику перехода от культуры жизни – к культуре смерти, гибели культуры, а с ней – и к разрушению духовно-культурной части человечества, истоки которой коренятся в традиционных народных культурах, а высшие формы создали классику культуры.

Так постепенно в процессе социокультурной эволюции нарастала дифференциация. Появившиеся главные части (материальная и духовная) все более изолировались друг от друга и стали играть роль самостоятельных образований. Но далее развивающаяся духовная и материальная культура, в свою очередь, дифференцируется на ряд направлений и видов (например, нравственность, мораль, этика, религия, виды искусств, эстетика, теология, философия, наука, техника, технологии, материалы, оборудование, транспорт, информационные системы и пр.), а также на множество отдельных произведений творчества, играющих самостоятельную роль. Так целое все сильнее и глубже разбивается на отдельные изолированные части. И в этом огромном разнообразии культуры порой «уже за деревьями не видно леса».

Следовательно, само развитие культуры ведет к ее закономерному дроблению. Появляются «лоскутная» и дробно-дифференцированная культура, а затем распяленная культура. Последняя часто ведет к «атомарности», бессвязности, а в итоге – к исчезновению, распаду самой, некогда синкретичной, единой и гармоничной культуры. Это происходит в тех случаях, когда организующее, цементирующее, интегрирующее, холистическое начало, в основе которого лежит традиционная народная культура, ослабевает и постепенно исчезает. Исчезает организующая жизненная сила культуры, или целостное социокультурное управление.

В итоге мы имеем следующий удивительный парадокс социальной жизни. Обществу массового производства, которое в XIX, XX и особенно в XXI веках развивается экспоненциально, с нарастанием ускорения на собственной технико-технологической основе, а затем и обществу массового потребления, вплоть до глобального, уже не нужен человек как всесторонне развитый организм, как духовно-душевно-телесное существо, обладающее творчеством, сознанием и самосознанием, человек как богатая личность. Подобному обществу также не нужна культура в ее высших, гармоничных, целостных формах – культура жизни. Ей на смену приходят полярно-конфликтные формы элитарно-массовой «культуры» и деконструктивистские формы постмодерна и лживых пиар-технологий. Это знаменует формирование и нарастание различных форм «культуры» распада и культуры смерти. Эта последняя – отчужденная – форма по отношению к здоровой, оптимальной живой культуре жизни.

Но когда в обществе прогрессивно нарастают разрушительные процессы, именно «культуры» отчуждения становятся преобладающими и являются яркими индикаторами кризиса и гибели социокультурной системы. Таким образом, сама многовековая диалектика культуры человечества ставит нас сегодня перед жестким синергетическим выбором. Или это возвращение к истокам синкретичной живой культуры, к ее

традиционным духовным основам, по сути, к жизнеутверждающим для современной цивилизации. Или уход во власть нарастающему бескультурному постмодернистскому хаосу глобального маниакального потребительства без надежды на светлое будущее, во власть мертвеей и умирающей культуры. Мы полагаем, что на этом синергетическом перепутье следует выбирать живую культуру в ее лучших традиционных и классических формах во имя собственного существования и следующих поколений людей.

Литература

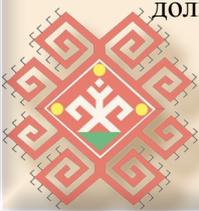
1. Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры. – СПб: Университетская книга, 1997.
2. Григорьев С.И., Субетто А.И. Основы неклассической социологии: новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX-XXI веков. М.: РУСАКИ, 2000. 208 с.
3. Кравченко А.И. Культурология. Хрестоматия. М.: Академический Проект 2003. 650 с.
4. Марков В.И. «Свое», «чужое» и отчуждение в культуре. Кемерово: КемГИПП, 2002. 176 с.
5. Семилет Т.А. Культурвитализм – концепция жизненных сил культуры. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 144 с.
6. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 510 с.
7. Хомутцов С.В. Духовность и духовные традиции. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 179 с.

*Е.М. Гостюшева, канд. ист. наук
Алтайский государственный университет;
Л.А. Якименко
Алтайский государственный университет*

КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ АЛТАЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ НАРОДНИКОВ

Присоединение территории Сибири к Российскому государству дало возможность более скорому социально-экономическому росту региона. Изучение новой территории и ее коренного населения началось только в XIX в. и носило исключительно геополитический характер для развития Империи в целом.

Большое значение в изучении территории Алтая принадлежит исследователям народнического направления. Генезис народничества в свое время был обусловлен конкретными социальными, экономическими и политико-идеологическими процессами. Одним из самых развитых и перспективных сегментов научного прорыва отечественных исследователей во второй половине XIX – начале XX в. было изучение многообразной жизни народа во всех ее проявлениях, составлявшее основной предмет исследования демократической историографии. Целенаправленное сближение истории и социологии было одним из характерных особенностей исследователей данной ориентации методологических приемов. Фактически лишь в 50-60-е гг. XX в. мировая историческая наука вновь обратилась к этой парадигме («новая социальная история») после долгого взаимного отчуждения обеих дисциплин.

Главный метод народнической историографии – изучение общественно значимых проблем как бы «снизу» – был наиболее последовательно апробирован на региональном уровне, в рамках отдельной территории, а именно Алтайского (горного) округа. Авторами даны описание и анализ реально существовавших социальных институтов местного уровня, воссозданы коллективные портреты локальных общностей. Научная и общественная актуализация проблем Алтая в общероссийском контексте состоялась благодаря народнической историографии. Социологические исследования, предпринятые народниками на территории Алтая, представляли собой систему логически последовательных методологических, методических и организационно-технических процедур, связанных между собой единой целью: получить достоверные данные об изучаемых явлениях, процессе, о тенденциях и противоречиях их развития, чтобы эти данные впоследствии использовать в практике управления общественной жизнью региона.

Большое значение для любого социологического исследования народников имела программа. В 1894 г. для обследования переселенческого дела в Алтайском округе была разработана специальная программа с методикой детального изучения мест дислокации переселенцев. В том же году была составлена и разослана подробная программа обследования экономического, санитарного состояния начальных школ Алтайского горного округа. Через два месяца исследователи получили материалы о постановке начального образования в 95 начальных школах. Для проведения однодневной переписи населения г. Барнаула, проведенной 26 марта 1895 г., была разработана специальная статистико-санитарная и экономическая программа, по которой должны были производиться замеры. Летом 1895 г. по программе императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии И.Е. Овсянкин исследовал быт инородцев в Горном Алтае.

Труды Н.М. Ядринцева содержат описания быта отдельных племен Алтая, устанавливают формы хозяйственного быта «инородцев», выделяют более ранние формы, устанавливают последовательность развития, намечают переходные ступени. Автором применяется исторический подход к изучению культуры племен Алтая с предположениями ее эволюции и первым научным описанием первобытных элементов культуры алтайцев. Этот методологический подход исследователь применял к материальным элементам: типы жилищ, орудия труда, техника земледелия и скотоводства и т.д. В работах Н.М. Ядринцева рассматривается общая картина культуры того или иного племени, а также ее привязанность к реальной исторической действительности. Археологические исследования того времени, проводимые на территории Горного Алтая и Сибири, давали возможность автору рассматривать взаимосвязь соседних культур (монгольской, китайской и русской) и их влияние на развитие коренного населения.

Вопросы, которые поднимались в трудах этого исследователя, носили прогрессивный и общественный характер. Экономические исследования быта алтайцев поставили вопрос о положении инородцев и причинах вымирания этноса. Встав на защиту коренного населения, автор отвергал расовую теорию и доказывал общность человеческих свойств и разума «инородцев» с так называемыми «высшими» народами [3]. Причины бедственного положения он видел в методах колониальной политики существующего режима. Развитие коренного населения автор видел в освобождении Сибири от России как метрополии и строительства отдельного государства (западнический взгляд) [2, с. 115].

Огромное значение для исследования жизни «инородцев» имеют исследования С.П. Швецова. В 1897 г. С.П. Швецов возглавил статистико-экономическую экспедицию по изучению алтайцев в связи с предстоящим землеустройством. В задачу этой первой экспедиции входило выяснение вопроса о численности алтайского населения южной части Бийского уезда и общих условий его жизни. Экспедиция собрала массовый статистико-экономический материал для характеристики хозяйства алтайцев. Весь материал обстоятельно описывает хозяйство и быт алтайцев, содержит много статисти-

ческих и экономических данных. Автор, разделявший народнические взгляды, стремится доказать, что алтайцы живут кочевым бытом и не подготовлены к землеустройству. Таким образом он выступал в защиту алтайцев от земельных притеснений [2]. Работа С.П. Швецова является ценной по нескольким причинам: во-первых, это единственный к тому времени труд, содержащий экономическое исследование. Во-вторых, собранный статистический материал может подвергаться обработке и анализу, делая возможным получить более полное представление о хозяйственном быте алтайцев в конце XIX в.

Географические исследования Г.Н. Потанина, проводимые во многих экспедициях на Алтай и в Монголию, содержали и описание жизнеустройства коренного населения. В своих очерках автор четко прописывает факты социальной и экономической необустроенности «инородцев» вследствие произвола российских чиновников. В статье «Завоевание и колонизация Сибири» главной задачей в развитии коренных народов, является интеграция в общероссийские социально-политические и экономические процессы. Развитие Сибири и Алтая в частности Г.Н. Потанин видел в тесном взаимном сотрудничестве с евразийской частью России с формулировкой и осознанием региональных, внутренних интересов пространства, а также в разработке общих задач развития в европейском и азиатском направлениях [2, с. 115].

Исследователи-народники собрали ценный и не утративший своего значения вклад в исследование быта коренного населения Алтая. Работы исследователей широко использовались и используются современными учеными, профессиональными историками. Многочисленные локальные исследования представителей данного направления подготовили обновленную, гораздо более совершенную базу для обобщений на национальном уровне. Идеологическая направленность из работ отчетливо прослеживается, но в целом они ввели в научный оборот большое количество новых данных, извлеченных из местных архивов и собранных собственноручно, способствовали созданию базы для обоснованного решения социальных проблем в регионе.

Литература

1. Кравченко Г.Г. Г.Н. Потанин и Алтай: хроника и итоги пребывания // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14).
2. Селиверстов С.В. Г.Н. Потанин: Сибирское областничество между западничеством и евразийством (II половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300.
3. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении // Краеведение: изучение Алтая в XVIII – XX вв.: хрестоматия для студентов: в 2 ч. / сост. И.В. Куприянова. Барнаул: АлтГАКИ, 2010.

И.Г. Истомина

Алтайский государственный педагогический университет

ПРИБЛИЖЕНИЕ ДЕТЕЙ К ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном мире все более остро встают социально-культурные проблемы общества: постепенная аккультурация и утрата этнокультурной идентичности, потеря духовных созидательных начал (базовых ценностей), ослабление иммунитета к современной утилитарной культуре, разрыв и отчуждение между поколениями и др. Во многих европейских странах, в т.ч. в России, эти проблемы в первую очередь связывают с ослаблением и потерей основ традиционного общества, национальной традиционной народной культуры.

Сохранение культурно-исторического наследия, традиционной народной культуры и возрождение некоторых ее утраченных форм – вот задача, которая ставится в последние два десятилетия перед мировым сообществом. В 2006 г. на заседании Государственного совета по вопросу государственной поддержки традиционной народной культуры президент В.В. Путин определил развитие и сохранение традиционной культуры народов России как одно из направлений культурной политики государства [2].

Поскольку традиционная культура представляет собой сплав язычества и христианства, к проблеме возрождения следует подходить очень осторожно и избирательно. Попытки возродить древнеязыческие праздники, обряды идолопоклонства опасны и могут нанести непоправимый вред духовному и психическому здоровью, особенно если речь идет о приобщении к ним детей в образовательных учреждениях. С особым вниманием стоит относиться к традициям современной христианской эпохи, которые носят мистический характер и касаются гаданий, заговоров и т.п. Необходимо помнить, что наша национальная традиционная культура представляет собой сплав язычества и христианства, и со многими языческими традициями православная церковь не безосновательно боролась на протяжении многих веков. В связи с этим дело возрождения традиционной культуры должно носить избирательный характер.

Среда традиционной культуры – идеальная среда для воспитания и развития ребенка. Природа фольклора, основанная на изначальном единстве словесного, музыкального, кинетического и изобразительного рядов, оказывается чрезвычайно созвучной детским формам самовыражения и коммуникации – специфической системе «детского языка» [1].

Родоначалник педагогики Я.А. Каменский внимательно изучал народные традиции воспитания и использовал их творческий потенциал в создании научной теории педагогики, его работы носили народно- и национально-педагогический характер. Великий русский педагог К.Д. Ушинский высоко оценивал воспитательный потенциал народной педагогики. «Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, – писал он, – имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях...» [3, с. 253]. Хорошо зная народные обычаи, обряды, традиции, он пришел к выводу, что «мудрость предков – зеркало для потомков», и потому ратовал за народное воспитание, т.к. оно является живым образцом в процессе народного развития. Речь идет о воспитании внимательного и ответственного отношения к родному – земле, языку, народу» [3, с. 253].

Наиболее эффективным способом включения традиционной народной культуры в образовательный процесс является метод целенаправленного постепенного, поэтапно-

го приобщения детей к традиционной культуре путем погружения в различные формы деятельности, согласно индивидуальным и возрастным особенностям личности ребенка. Термин «приобщение» трактуется в толковых словарях как «привести в общение с чем-нибудь, включить, присоединить», «дать возможность включиться в какую-то деятельность, сделать участником чего-либо». Использование данного понятия в организации педагогического процесса отражает реализацию комплексного подхода к ознакомлению с изучаемым материалом, его систематическому освоению, к включению детей в различные виды совместной деятельности. Устное народное творчество: сказки, былины, пословицы, поговорки, рифмованные присказки, считалки, скороговорки, прибаутки, приговоры под массаж младенцев и др. Зрелищно-игровая культура: коллективные игры, забавы, разыгрывание сказок по ролям с помощью тряпичных кукол, сценки народного театра, кукольный театр. Праздничная культура: праздничные традиции и обряды, четкий ритм года с чередованием праздников: Осенины, Рождество Христово и Святки, Масленица, Встреча весны, Пасха и др. Музыкальный фольклор: песни, заклички, попевки, колядки, пляски, хороводы, музыкальные игры, колыбельные, пестушки, потешки. Художественное декоративно-прикладное творчество: различные виды росписи, изделия из глины, камня, дерева, вышивка, шитье, плетение кружев и др.

На базе муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения (МБДОУ) № 134 проведены эмпирические исследования, по результатам которых разработана и поэтапно внедряется программа приобщения детей к традиционной народной культуре «Вокруг света». Она основана на подготовке и проведении традиционных народных праздников и знакомстве с культурой народов мира. В контексте программы происходит погружение ребенка в атмосферу традиционного праздника, а также приобщение к различным компонентам традиционной культуры посредством организации и проведения тематических интегрированных и комплексных занятий в процессе педагогической и досуговой деятельности дошкольников.

В начале внедрения программы как парциального компонента общей программы воспитания и обучения в детском саду была проведена опытно-экспериментальная работа в трех направлениях: анкетирование родителей после информационно-просветительской работы (консультации, стенды, папки для родителей), наблюдение за деятельностью воспитанников, которое позволило выявить педагогическую эффективность программы приобщения детей к традиционной народной культуре и знакомство с культурой народов мира.

По результатам анкетирования родителей было выявлено, что они проявляют большой интерес и понимают значимость проводимой работы, многие согласились принять активное участие в организации и проведении праздника.

В процессе наблюдения за деятельностью воспитанников старшего дошкольного возраста при подготовке традиционного народного праздника, целью которого была оценка степени заинтересованности ребенка в предлагаемом образовательно-развивающем и культурно-досуговом материале, были сделаны выводы о том, что все дети эмоционально положительно откликнулись на предложенный материал и приняли активное участие в организованных формах деятельности по приобщению к традиционной народной культуре. К празднику большинство детей хорошо усвоили пройденный материал и правильно понимали его содержание.

Основные принципы программы служат средством погружения ребенка в мир культуры в целом, т.к. создают культурно-творческую среду для вовлечения ребенка в мир национальной культуры; приобщают детей к нравственным ценностям, развивают познавательные способности путем использования в образовательном процессе различных видов фольклора; способствуют использованию культуросозидающего и воспитательного потенциала традиционных и народных праздников; знакомят и вводят ребенка в различные виды художественно-прикладного творчества.

Литература

1. Захарченко М.В. Народная традиционная культура в системе образования // Философия педагогики. URL: <http://www.portal-slovo.ru>.
2. Путин В.В. Вступительное слово на заседании Государственного совета «О государственной поддержке традиционной народной культуры // Рейтинг персональных страниц. URL: <http://viperson.ru>.
3. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т.; т. 1 / сост. С.Ф. Егоров. М.: Педагогика, 1990. 416 с.

И.В. Кареева

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ КОЛЛЕКТИВАХ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

Современный мир характеризуется процессами глобализации и интеграции, что приходит в противоречие с ростом национального самосознания этносов и стремлением народов сохранить свою уникальность и самобытность. Это вызвано изменениями, которые происходят в стране в области политики, экономики и социальных отношений. Появляется определенная тенденция межэтнического расслоения, которая может перейти в национальную нетерпимость.

Россия – это многонациональное государство. Перед российским обществом стоит непростая задача консолидации, как одного из важнейших условий обеспечения национальной безопасности. Предпосылкой ее достижения в полинациональном обществе является воспитание в массах населения национальной терпимости, установок толерантного сознания и поведения.

Высшие учебные заведения уголовно-исполнительной системы также несут на себе отпечаток всех проблем, которые существуют в современном обществе, в т.ч. и в сфере межнациональных отношений. Одной из главных особенностей высших учебных заведений ФСИН России является полиэтничность [3, с. 135].

Система ведомственного образования обладает значительным потенциалом по вышеуказанной проблематике, однако использует его не в полной мере. Работа по формированию межэтнической толерантности у курсантов образовательных организаций ФСИН России, по нашему мнению, должна входить как в учебный процесс, так и во внеаудиторное время [2, с. 20]. На решение поставленных задач должны быть направлены усилия профессорско-преподавательского состава, руководства учебно-строевых подразделений, сотрудников воспитательного аппарата образовательных учреждений ФСИН России, а также работа офицеров, являющихся кураторами учебных групп и индивидуальными наставниками курсантов образовательных организаций ФСИН России [1, с. 142].

При всем многообразии подходов к пониманию межэтнической толерантности отсутствует понимание сущности ее формирования у курсантов вузов ФСИН России, а также необходимости навыков толерантного поведения в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

В связи с вышеизложенным возникают следующие противоречия между: наличием социальной ситуации, требующей ориентации образовательных организаций ФСИИ России на формирование и воспитание межэтнической толерантной личности, и фрагментарным подходом к данной проблеме; необходимостью поиска новых подходов к формированию межэтнической толерантности в вузах ФСИИ России и традиционными подходами; потребностью образовательной практики в научно-методическом и содержательном обеспечении формирования межэтнической толерантности у курсантов вузов ФСИИ и недостаточной разработанностью этого процесса в педагогической теории и практике.

Вышеуказанные противоречия обозначили недостаточную разработанность проблемы, потребность в ее детальном рассмотрении и определили актуальность данной темы.

Проблема воспитания у молодежи культуры межнационального общения, основанной на принципе межэтнической толерантности, давно находится в центре внимания различных научных направлений.

Так, общая теория толерантности в условиях глобализации и роста полиэтничности общества разработана в трудах таких ученых, как С.К. Бондырев, В.С. Малахов, Ю.П. Платонов, М. Валзер, Ж. Дюби, Ч. Тэйлор, К. Ясперс и др. Научно-педагогические основы воспитания культуры межнационального общения отражены в работах В.Х. Абеяна, Ж.Г. Алямкина, З.Т. Гасанова, В.П. Комарова, Р.И. Кусарбаева, Л.С. Ядрихинской. Кроме того, определенное внимание уделялось формированию межэтнической толерантности непосредственно в процессе обучения в вузе (В.А. Виниченко, В.Г. Гималиев, А.А. Шабанова).

Анализируя исследования в указанной области, можно сделать вывод, что педагогический аспект формирования межэтнической толерантности у курсантов образовательных организаций ФСИИ России остается малоизученным.

О важности создания и применения в образовательных организациях ФСИИ России программ, направленных на формирование межэтнической толерантности у курсантов, веротерпимости и обучение межкультурному диалогу, говорится в многочисленных нормативно-правовых документах Российской Федерации. Таким образом, актуальность вышеуказанной проблематики обусловлена потребностями общества и государственных структур.

Вышеизложенное дает основание полагать, что в социально-педагогическом аспекте актуальность данного вопроса обусловлена потребностями общества и государственных структур в формировании у курсантов межэтнической толерантности на основе правовой и религиозной грамотности, социокультурной эрудиции, свободного критического мышления, способности к самореализации в профессиональной деятельности.

В научно-теоретическом аспекте актуальность вопроса определяется необходимостью поиска новых научно-методологических подходов к организации педагогических условий формирования межэтнической толерантности у курсантов образовательных организаций ФСИИ России, к формированию их готовности к продуктивной учебной, профессиональной и социокультурной деятельности.

Актуальность рассматриваемого вопроса в научно-методическом аспекте объясняется потребностью определения педагогических условий, которые будут способствовать эффективной реализации формирования межэтнической толерантности у курсантов образовательных организаций ФСИИ России, необходимостью решения методических проблем привлечения воспитательного потенциала гуманитарных дисциплин и использования различных форм практических занятий с целью формирования межэтнической толерантности у курсантов образовательных организаций ФСИИ России, а также необходимостью разработки соответствующего учебно-методического обеспечения процесса формирования межэтнической толерантности у курсантов.

Литература

1. Васильева С.А. О необходимости формирования культуры межнациональной и межконфессиональной коммуникации как профессионального качества сотрудника УИС // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 139-144.
2. Кареева И.В., Аксенова Г.И. Развитие межэтнической толерантности курсантов в образовательной среде вуза. Антропоцентрические науки: инновационный взгляд на образование и развитие личности: сб. материалов V Международной научно-практической конференции / под ред. Э.П. Комаровой. Воронеж, 2017. С. 19-21.
3. Крымов А.А. Формирование межэтнической и межконфессиональной толерантности у курсантов вузов ФСИН России (на примере Академии ФСИН России) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 4. С. 134-137.

А.А. Классен

Барнаульская духовная семинария

МЕЦЕНАТЫ РОССИИ В ДУХОВНОЙ, НАУЧНОЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НАПРИМЕРЕ ИННОКЕНТИЯ МИХАЙЛОВИЧА СИБИРЯКОВА)

Одним из замечательных явлений в истории нашего Отечества является Российское меценатство. Его развитие было связано с ростом национального самосознания в обществе, проникнуто потребностью укрепления национального духа, самобытных начал русской жизни, с упрочнением национальной государственности.

В XIX в. меценатами были в основном дворяне, в XX в. – купцы и промышленники. Помощь ближнему соотносилась с вопросом личной совести, а также престижа.

Понятие «меценатство» (от имени римского вельможи Мецената, жившего в 8 г. до н.э. и выполнявшего дипломатические, политические и частные поручения императора Августа, который прославился широким покровительством науки и искусства) соотносится во многом с «благотворительностью», оказанием материальной помощи нуждающимся, что позволяет поддерживать интересы людей без посредничества государства.

Иннокентий Михайлович Сибиряков происходил из семьи золотопромышленника Михаила Александровича Сибирякова. Вся семья, начиная с основателя династии Афанасия Сибирякова, активно занималась благотворительностью. Старший брат о. Иннокентия, Александр Михайлович, немало средств потратил на освоение Сибири. Благотворителем был и младший брат Константин, и сестра Анна. Продолжая традиции семьи, Иннокентий Михайлович совершал немалые пожертвования и оказывал помощь нуждающимся.

Получив начальное образование дома, Иннокентий в августе 1880 г. поступил в Санкт-Петербургский Императорский Университет, где обучался на естественно-математическом отделении, а позже – на юридическом факультете. По состоянию здоровья он несколько раз прерывал учебу, так и не закончив её.

Огромную роль в жизни Иннокентия Михайловича сыграл его духовник, архимандрит Давид, – личность необычная и весьма примечательная. Именно отец Давид ут-

вердил миллионера Сибирякова в намерении стать благотворителем, а затем афонским монахом.

После ухода из университета Иннокентий стал посещать кружки физиолога и педагога Лесгафта, которому впоследствии он подарил здание, купленное у владельца гимназии. Кроме того, Сибиряков выделил Лесгафту 350 тыс. на устройство научной лаборатории, музея и печатного органа. Это было началом становления современного национального университета физической культуры, спорта и здоровья имени Лесгафта, а для самого Иннокентия Михайловича – становлением на путь меценатства. С этого момента бурная благотворительная деятельность Сибирякова стала направляться на просвещение молодежи: он выделял огромные деньги на издательство научных книг, участвовал в строительстве Женского научного института и Санкт-Петербургского государственного университета, строил общежития для студентов и учреждал для них стипендии.

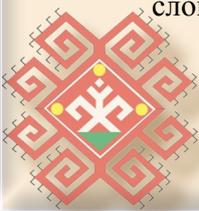
«Большую услугу, – отметили современники выдающегося благотворителя, – оказал Иннокентий Михайлович русскому обществу, дав библиографу В.И. Межову материальные средства для окончания капитальнейшего его труда «Русская историческая библиография за 1810-1858 гг.». Известно, что Сибиряков потратил более 600 тыс. рублей в исчислении того времени на поддержку изданий, не приносящих дохода, но имеющих крупное научное или общественное значение, несмотря на то, что они не могут рассчитывать на широкое распространение в публике. Только благодаря ему увидели свет многие весьма известные и ценные сочинения Межова, Семевского, Потанина и многих других.

Характерным для «благотворительного почерка» Иннокентия Михайловича Сибирякова было то, что он часто сам инициировал многие научные и исследовательские проекты, которые и финансировал. Так, он неоднократно обращался к Петру Францевичу Лесгафту с предложением издать его труды как в России, так и за границей. По инициативе Иннокентия Михайловича Сибирякова было проведено первое в России крупное исследование положения рабочих на золотых приисках. Оно достойно того, чтобы остановиться на этом проекте подробнее.

В 1885 г., ещё будучи студентом университета, Иннокентий Михайлович обратился к своему учителю, известному историку Василию Ивановичу Семевскому, и предложил ему осуществить исследование сибирских золотых промыслов. Учёный согласился взяться за него. С 1888 г. В.И. Семевский начал собирать по данной теме библиографический, а с 1889 г. – архивный материал. В 1891 г. учёный предпринял поездку в Сибирь для изучения местных архивов и посещения золотых промыслов. Как свидетельствует сам историк, Иннокентий Михайлович Сибиряков вполне обеспечил материальную возможность такой поездки. Результатом этой многолетней работы стал серьёзный научный труд, изданный на средства Иннокентия Михайловича и удостоенный Самаринской премии.

Некоторые писатели и учёные отправлялись даже в творческие командировки за счёт миллионера-золотопромышленника. Неслучайно в среде учёных и литераторов мецената Сибирякова не редко называли «другом науки и литературы», «другом образования», «просвещённым благотворителем».

Сибиряков был невероятно богат: если представить его капиталы в современном денежном эквиваленте, то состояние его оценивалось бы в 60 млрд рублей, а годовой доход составил бы 1,5 млрд рублей. Иннокентий Михайлович не жалел денег: к этому времени он раздал уже больше 60 млрд., но капитал его ничуть не уменьшился. «Если просят – значит нужно, если можно дать – значит нужно дать», – говорил он. К 25-ти годам он становится почетным жертвователем нескольких общественных организаций и из-за своей активной поддержки нуждающихся попадает под негласный надзор полиции. Деятельность Сибирякова вызвала в людях бурю сопротивления и недоумения: словно одержимые, люди пытались выдать его за сумасшедшего.

«Пятьдесят тысяч на устройство женского института, 10 тысяч на устройство учебного здания женских курсов, 74 тысячи на процесс обучения в оном и строительство общежития для слушателей, 600 тысяч на издательство книг, 70 личных стипендий по 100 рублей в год, 10 тысяч Русскому географическому обществу на экспедицию Потанина в Китай, 9 тысяч городу Минусинску на строительство школ и библиотек». Лишь раздраженное «хватит!» остановило помощника прокурора.

Приведенное вышеперечисление звучало в обвинительной речи государственно-го служащего. Против Иннокентия Михайловича было развернуто судебное разбирательство с целью признания его умалишенным и наложения ареста на его имущество. «Просвещенное общество не может допустить, чтобы капиталы растрачивались столь беспорядочно», – считал прокурор. Не могли люди вполне вместить Евангельского примера, который являл собой меценат.

Путешествуя по свету, Сибиряков учился христианской философии: видел людей, любящих Бога, всегда шел навстречу тем, кто обездолен судьбой и в молитве находил... утешение скорбящему духу», – как пишет его единственный биограф, монах Климент – насельник Свято-Андреевского скита на Афоне. «Вот я миллионер, моё «счастье» должно быть вполне закончено. Но счастлив ли я?», – говорил Сибиряков после своего возвращения из Европы.

Серьезные мысли о монашестве стали посещать Иннокентия Михайловича после лечения в Ницце: он хочет частично передать, а частично продать паи в золотодобывающих компаниях, учреждает капитал в 420 рублей для выдачи пособий и пенсий рабочим своих предприятий, это стало для него делом чести, организовывает этнографическую экспедицию в Якутию, строит один из залов для Русского географического общества, театр в Иркутске, а в Барнауле – Народный дом.

Наконец, неопределимым вкладом в развитие духовного просвещения России стала его помощь Православной Церкви. Он жертвовал огромные суммы на строительство храмов и монастырей.

В «Троицких Листках» излагается такая история: «Поразительно обращение к Богу бывшего строителя Андреевского скита на Афоне Сибирякова. Сын богатых родителей и рано осиротевший, он однажды встретил исхудавшую от голода и бедности нищую, державшую на руках ребенка. Отдав ей все наличные деньги, он, садясь в экипаж, подумал, что поданных денег хватит лишь на короткое время. Поэтому, отъезжая от крыльца, он сказал несчастной: «Часа через два или три приди сюда, я тебе еще помогу». Обеспечив мать с ребенком на всю жизнь, он отпустил их с миром». И таких случаев было огромное количество.

В Петербургской квартире Иннокентия Михайловича с утра собирался народ, ожидающий помощи своего благодетеля и получающий её с избытком.

Остановить клевету и немислимые осуждения в сумасшествии помогло, по всей видимости, вмешательство Его Величества, Государя Императора Александра III, до которого дошли слухи о Сибирякове, и он вызвал его к себе. После получасовой аудиенции Император поддержал Иннокентия Михайловича и предложил ему употребить свои средства на строительство русского монастыря на Афоне. На следующий день медицинская экспертиза объявила мецената абсолютно здоровым.

Вскоре Сибиряков выехал на Афонскую Гору и на свои средства соорудил величественный собор в Андреевском скиту, он также построил храм в честь святителя Иннокентия Иркутского на Каруле – месте безмолвной и уединенной молитвы. К сожалению, карульская келлия святителя Иннокентия пострадала от сильного пожара, полностью сгорел храм. Там сейчас живет сербский схимонах Симеон. При нём в 2001 г. и произошёл пожар. В январе 2014 г. Синаксис Великой Лавры благословил восстановление келлии, и, надо надеяться, что она в скором времени предстанет в своём прежнем виде. Ее восстановлением, также как и восстановлением храма в честь святителя Иннокентия Иркутского с приделами святителя Дионисия Ареопагита и преподобного

Давида, Солунского чудотворца, занимается наш соотечественник, игумен Алексей (Просвирин), до 2000 г. служивший в Барнаульской и Алтайской епархии.

Сейчас в Петербурге действует Просветительское общество имени схимонаха Иннокентия (Сибирякова), которое поднимает вопрос о причислении великого бесребреника к лику святых.

Литература

1. Афон. Каруля. Святая Гора Афон. М.: Издание Македонского Братства во имя схимонаха Иннокентия (Сибирякова) Афонского. 2013.
2. Безребренник нашего времени. Наставления и утешения святой веры христианской. М., 1911. С. 509-519.
3. Павел Троицкий. Свято-Андреевский скит и русские келии на Афоне. М., 2002.
4. Татьяна Шорохова. Благотворитель Иннокентий Сибиряков. СПб., 2005.

*К.В. Лен, канд. ист. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД (АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕМЫ)

В последнее время в рамках научных площадок БЮИ МВД России рельефно обозначилась проблематика нравственно-этического и эстетического воспитания сотрудников полиции [1, с. 31-33; 2, с. 159-160; 3, с. 48-52; 4, с. 45-48]. Частично это тематика освещалась и в ряде работ по истории российской полиции [5, с. 82-84; 6, с. 66; 7, с. 34]. В годы петровских реформ шел процесс создания регулярной полиции. По времени он совпал с более широкими тенденциями исторического развития. Прежде всего, оформляется «регулярное» общество, когда все население делится на сословия, со строго и четко юридически оформленным статусом каждого. В то же время формируется полицейское государство, официальной доктриной которого объявлялась забота о благосостоянии всех и каждого подданного посредством детальной регламентации всех его действий и поступков, включая, например похороны, свадьбы.

Вышесказанное объясняет необычно широкую компетенцию полиции, к которой выдвигались высокие требования добронравия и нравственности. В результате губернской реформы Екатерины II в уездах создается сельская полиция, которая получила название «Нижний земский суд». Во главе земской полиции должен был стоять капитан – исправник или земский исправник.

Руководитель уездной полиции избирался из дворян уезда, в основном из отставных военных. Интересно, что закон предъявлял требования к возможным кандидатам на эту должность. Эти требования морально-этического плана: «с доброхотством и человеколюбием к народу, с осторожною кротостию, без ослабления во всех делах и с непрестанным бдением, дабы везде установленный порядок всеми и каждым в уезде сохранен был в целости» [8, с. 48]. В уездном городе главой полиции назначался городничий. Круг его функциональных обязанностей был весьма широк, по большому счету – все дела внутреннего управления уездного города. Городничий обязывался словами

убеждать обывателей к «трудолюбию», «добронравию», «человеколюбию» и порядочному «житию».

Во второй половине XIX в. правоохранительная система Российской империи дополняется новой административно-полицейской единицей – околоток. Соответственно, появляется и должность околоточного надзирателя. Наряду с четкими служебными инструкциями у них была обязанность соблюдения норм этического плана. К примеру, сбор оперативной информации они должны были проводить стараясь не возбудить «никакого подозрения или недоверия», не беспокоить жителей «неуместным вмешательством в их дела», не входить «в квартиры и нарушать их покой».

Подробный инструктаж о соблюдении морально-этических норм при работе с населением имел место для нижних чинов Московского жандармского населения, датируемый 1895 г. Инструкция унтер-офицерам предписывала для реализации служебных задач определенные образцы поведения. От них требовалось: соблюдать со всеми условиями строгую вежливость и приличие, оказывать почтение священникам, представителям власти, избегать болтливости и фамильярности. Обращалось внимание на недопустимость во взаимоотношениях с крестьянами и рабочими требовать от них к себе особого почтения «как к лицам начальствующим», а быть с ними «приветливыми». От этой категории жандармское руководство ожидало трезвого и честного поведения. Инструкция подробно описывала правила поведения жандармов как в служебное, так и во вне служебное время (прослеживается схожесть с кодексом чести). Жандармский унтер-офицер должен был чтить и любить свою службу, нести ее охотно, честно и с полным «самоотвержением», обязывался строго соблюдать воинскую дисциплину и быть «безупречной нравственности». Жандарму предписывалось соблюдать форму одежды, отдавать установленную воинскую честь, не лгать своему начальству. Отдельные пункты в категорической форме излагали запреты на вмешательство в семейные ссоры и «дрязги», получение каких-либо подарков и даже бесплатного угощения, занятие любым видом коммерческой деятельности. Интересно, что эти нормы распространялись и на «жен жандармов, находящихся при мужьях». Безусловно, приведенный выше свод морально-этических требований обуславливался необходимостью повысить авторитет жандармского корпуса в глазах населения. Вместе с тем сам факт наличия ограничений, правил, предписаний, инструкций, регламентирующих поведение жандармов, свидетельствует, с одной стороны, о глубоком знании жандармского руководства общественной психологии, с другой же – об огромном влиянии на профессиональную жандармскую субкультуру ценностей, культивируемых в армейской офицерской среде.

Определенные нормы этики существовали в начале XX в. у сотрудников Секретной охраны, одного из подразделений политического сыска. Агенты обязывались проявлять вежливость и выдержку при общении с коллегами других органов правопорядка. Они обязаны были выполнять это требование при общении с любыми частными лицами. Правда, одновременно с соблюдением этой нормы не допускалось уменьшение твердости в предъявлении служебных требований.

Руководителю подразделения предписывалось в работе с подчиненными проявлять справедливость, настойчивость, не пропускать проступков и упущений со стороны агентов, знать личные качества каждого сотрудника.

Офицер секретной охраны обязывался разъяснять важность и ответственность задачи своего подразделения, внушать правила дисциплины, обходительности, поучать, как «надо держаться в публике и одеваться». Одной из важнейших задач руководителя считалась работа и по улучшению морально-психологического климата в коллективе. В частности, он должен был поддерживать «дух товарищества, взаимопонимания, а также единения в работе со всеми видами полиции».

Деятельность любой правоохранительной структуры всегда была сопряжена с такой деликатной сферой, как негласный надзор, наружное наблюдение, общение с агентом или доносителем. Такого рода работа всегда казалась большинству людей грязной, не-

благородной, противоречащей нормам правильного человеческого общежития. В этом смысле интересен подход Российских спецслужб начала XX в. Все инструкции четко предписывали беречь внутреннего агента, предлагая великое множество его маскировки. Символично, что сотруднику, работающему с агентурой, советовалось при встрече создавать агенту душевный покой, оказывать внимание, сочувствие и нравственную поддержку. Документы, разработанные «сатрапами и церберами самодержавия», полагают, что роль осведомителя «нравственно крайне тяжела» и необходимо поставить «его по отношению к себе в такое положение», чтобы он не чувствовал угрызений совести.

Литература

1. Курсакова Е.Н. К вопросу о формировании духовно-нравственных и этических основ курсантов образовательных организаций системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017.
2. Курсакова Е.Н. Экспозиционно-выставочная деятельность как средство патриотического воспитания курсантов высших учебных заведений системы МВД России.// Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016.
3. Курсакова Е.Н., Лен К.В. Экспозиционно-выставочная деятельность как средство сохранения и трансляции исторического наследия в процессе патриотического воспитания курсантов высших учебных заведений системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016.
4. Курсакова Е.Н., Лен К.В., Тарасова Е.И. Воспитание традиционных, нравственно-этических ценностей посредством экспозиционно-выставочной деятельности методического кабинета образовательных организаций системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017.
5. Лен К.В. Городские самоуправления и полиция: аспекты взаимодействия во второй половине XIX века) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2014. № 1 (26).
6. Лен К.В. Знаменитые сыщики Российской империи (XVIII – начало XX в.): монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016.
7. Лен К.В. История службы участковых полиции: учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015.
8. Полиция России. Документы и материалы. 1718-1917 гг. Саратов. 2002.

Е.В. Лоос

Барнаульский юридический институт МВД России

ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ АЛТАЙЦЕВ

Российская Федерация является многонациональным государством. Это требует в законотворческой деятельности, осуществлении местного самоуправления, при выработке и принятии политических решений учитывать особенности этнической культуры и нормы обычного права. Обычное право оказывает существенное влияние на весь жизненный уклад многих народов нашей страны. Его игнорирование или недооценка при осуществлении государственной деятельности может привести к ряду неблагоприятных последствий. И напротив, если законодательство подкреплено нормами обычного права, то это придает ему дополнительный авторитет и становится одной из гарантий стабильности государства.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в настоящее время доля алтайцев, проживающих на территории Республики Алтай, составляет 33,38%. Из коренных народов Сибири алтайцы по численности занимают в России четвертое место (74238 чел.), уступая якутам, бурятам и тувинцам [1]. Таким образом, влияние их национальной культуры на жизнь и развитие Республики Алтай и сибирского региона в целом бесспорно.

Алтайцы проживали на территории современной Республики Алтай и прилегающих к ней предгорных территориях Алтайского края и Кемеровской области с древнейших времен (I тысячелетие до н.э.). На их историю и культуру огромное влияние оказало многовековое политическое и экономическое господство монголов. Монгольские ханы установили жестокий режим систематического террора, сопровождавшийся грабежами и убийствами. Прямым результатом такого режима явился культурный упадок на Алтае, о чем свидетельствуют археологические памятники. В середине XVIII в. по просьбе алтайских старейшин (зайсанов) алтайское население было объявлено российскими подданными. Это событие сыграло в истории алтайских племен положительную роль, поскольку открыло для них перспективу дальнейшего исторического развития.

Обычное право алтайцев является сложившейся системой норм и правил, которые действовали и регулировали отношения в различных сферах их жизни: семье, наследовании, природопользовании и т.д. Обычное право алтайцев недостаточно изучено, поскольку оно не было закреплено письменно, и функционировало в обществе в устном виде. Немногочисленные имеющиеся по этой теме работы во многом базируются на полевых исследованиях авторов.

У алтайцев к началу XX в. четко определились признаки классового расслоения. Формально земля находилась в пользовании общины (аила, улуса). Однако фактически большая и лучшая ее часть была собственностью патриархально-феодальной аристократии (зайсанов) и богатых общинников (баев). Рядовые общинники часто были закреплены за определенными семьями богатых и использовались в качестве дешевой рабочей силы. Некоторые общинники совсем не имели собственного хозяйства и жили в богатых семьях на положении домашних рабов. В соответствии с социальным или материальным состоянием определялось и достоинство общинника. «В случае кому смерти, делают разные похороны; разбирают людей правых от несправедливых, а также богатых от бедных; первых как недостойного или бедного человека в том же самом платье, в коем смерть ему случится, закапывают в неглубокие ямы...; богатых же или весьма почетных и достойных поведением сожигают на огне, или вешают на лесину» [4, с. 2].

Однако богатство и бедность, согласно представлениям алтайцев, не зависят от самого человека. Быть человеку богатым или бедным предопределяется при его рож-

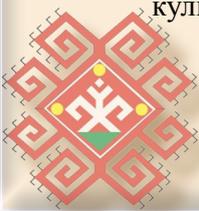
дени и наделении судьбой. Богатство заслуживается как самим человеком, так и его предками. Богатый человек – это здоровый человек, имеющий потенциал долголетия, многодетный, имеющий много скота. В народном фольклоре богатые и бедные изображаются как представители различных хозяйственно-культурных типов. Бедняк описывается как рыболов, собиратель и охотник на мелкую дичь, которую можно ловить при помощи простейших орудий наподобие силков. Богач – это скотовод и охотник на копытного и пушного зверей, добываемых при помощи специального снаряжения [7]. Вместе с тем в нормах и морали алтайских скотоводов и охотников важной категорией являлось представление о мере. Все, что сверх меры – это аморальность, наказуемая несчастием, болезнью и даже смертью. Возможно, в том числе и по этой причине наиболее богатые баи – укту-баи – часто помогали населению в форме раздачи бесплатной провизии. Имея переизбыток натурального производства, укту-баи имели возможность содержать алтайскую бедноту и, соответственно, использовать эту дешевую рабочую силу на своих хозяйствах. Несмотря на подобную классическую эксплуатацию, в алтайской среде они имели очень большую популярность. Влияние их на массы было огромно [3].

Патриархально-феодалные и капиталистические отношения у алтайцев сочетались с архаическими родовыми связями. Все племенные и территориальные группы делились на роды – сёоки. В мировоззрении современных алтайцев существуют представления о том, что полноценный человек – это тот, у которого есть сёок. До нашего времени сохранился обычай, согласно которому были запрещены браки между представителями одного сёока или родственных сёоков. Нарушение такого обычая расценивалось как недопустимое и считалось неприличным [2, с. 123].

В целом брачно-семейным отношениям в обычном праве алтайцев уделялось довольно много внимания. Понятие «невеста» обозначалось термином «шанкылу бала», «жених» – «бойдонуул». Эти слова выражали высшую степень уважения коллектива, веру в их честное и достойное поведение, надежду на скорое выполнение ими необходимой и важной биосоциальной миссии. По бытовым меркам жених и невеста, готовые для брака, должны были быть физически крепкими, работающими, почтительными к старшим. В алтайской общине никто не должен был остаться вне брака, создание семьи было обязательным. Безбрачные старые девы или холостяки не имели общественного веса [2, с. 124]. Для родителей женитьба сына, выдача замуж дочери была основной социальной миссией, с выполнением которой родители приобретали дополнительный авторитет и вес в обществе.

Для всех групп алтайцев характерны представления о родовой солидарности, взаимопомощи, а также отдельные пережитки родовых культов. Алтайцы считали, что у всего есть свой дух: у гор, воды, огня, по этой причине очень почтительно относились к природе. Они придавали большое значение общественным молениям. Молились небу, горам, воде, священному дереву. Очаг у алтайцев – не просто место приготовления еды, его было принято благодарить за тепло и пищу: бросать в огонь выпечку, кусочки мяса или жира. В то же время для алтайца было недопустимо плевать в огонь, сжигать в нём мусор или переступить через очаг. У каждого рода была своя священная гора, свои духи-покровители. Женщинам было запрещено подниматься на гору и даже стоять около неё босиком. При этом роль женщины была велика, в представлении алтайцев она – священный сосуд, дарующий жизнь, и мужчина был обязан её защищать. Отсюда и роли: мужчина – воин и охотник, а женщина – мать, хранительница очага.

Родственным коллективом, как правило, руководил самый старший, уважаемый человек. Ко всем старшим по возрасту обращались с помощью особых терминов родства, младшие подчинялись старшим. В общении учитывался фактический возраст и родовая принадлежность. Принадлежность к определенной семейно-родственной группе обязывала каждого члена беречь ее честь [6, с. 99]. В современном алтайском обществе культ предков не утратил своего значения. Предков представляют обладающими тайна-

ми, связями с высшими силами небесного, земного и подземного миров, с их помощью можно влиять на стихии природы, воздействующими на земную жизнь.

Алтайцы отличаются любовью к детям. Однако отец особой любви к детям проявлять не должен, детей обычно ласкала мать. Отец – глава алтайской семьи. Мальчики с малолетства находились с ним, он обучал их охоте, мужской работе, обращению с конём. Этикет подчеркивает главенство отца и подчиненное положение детей.

Одной из этикетных особенностей поведения алтайцев является «кайындаш» – обычай избегания. Невестка в отношении старших родственников мужа (кайны) соблюдала целый комплекс запретов: на произнесение имени, на неподобающий вид (в присутствии кайны нельзя обнажать руки выше кисти, показывать босые ноги, обнажать грудь, чтобы покормить ребенка), лицемерия (нельзя показываться кайны с непокрытой головой), некоторые пространственные запреты и т.д. [6, с. 102].

Согласно мировоззрению алтайцев причинами болезней, несчастий человека, семьи и в целом неблагополучия народа могло быть нарушение общепринятых норм и правил поведения. Поэтому так важно было их соблюдение.

В алтайском обычном праве не существовало разграничения между правовыми отраслями. «Все категории проступков и правонарушений сливались в одну группу вредных деяний, совершаемых человеком по злой воле, вследствие подстрекательств злого духа, шайтана, кормеса (вредоносного духа), которые, безусловно, приносят человеку какой-либо вред: то истребляют скот, то приносят боли и огорчения, то толкают на худые дела» [5, с. 107]. Наказания были трех видов: материальное возмещение убытков и вреда, штраф в пользу общества и телесное наказание – розги. По некоторым источникам, наказания предусматривали штрафы, исчисляемые определенным количеством скота¹. Физическое наказание представляло собой удары розгами. Оно считалось позорным и применялось часто как наиболее эффективная мера исправления правонарушителя. Розги были трех видов: туда, чыбык и камчы. Туда представлял собой пучок из 25 веток ивы. Чыбык состоял лишь из одной ветки. Третий вид розог – камчы – бич, бечевка с деревянной рукояткой и кожаной веревкой. Наказание последним считалось самым страшным и позорным в глазах общества. Исправительная система у алтайцев не применяла в качестве наказания лишения свободы. Не был характерным для алтайцев и институт кровной мести.

Таким образом, нормы обычного права алтайцев отличаются гуманностью, бережным отношением к природе и человеку. Их действие направлено на сохранение и приумножение общины, что является, на наш взгляд, следствием неблагоприятного положения алтайского этноса в историческом прошлом, а также суровых условий проживания. Честь и достоинство личности неразрывно связаны с принадлежностью к своему роду, своей земле, с соблюдением общепринятых норм и правил поведения, с уважением к предкам и заботой о потомстве, с личным вкладом в процветание общины. Богатство или бедность представлены как следствие поведения и поступков самого человека и его предков.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 12.04.2017).
2. Русанов В.В. Обычное право в системе социального регулирования народов Горного Алтая // Известия АлтГУ. 2011. № 2. С. 121-126.
3. Русанов В.В. Обычное право при наследовании родовых должностей у алтайцев // Genesis: исторические исследования. 2016. № 2. С. 121-126.
4. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876.
5. Табаев Д.И. Об источниках изучения обычного права алтайцев // Ученые записки. Горно-Алтайск, 1974. Вып. 11.

¹ См., напр.: Ямаева Е.Е. Лайзаннын жаргы жаны. Горно-Алтайск, 1991.

6. Тадышева Н.О. Традиционный этикет алтайцев в семейно-родственном аспекте // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2016. № 2 (12). С. 98-103.

7. Тюхтенева С.П. Природная и социальная среда как факторы сохранения этнической культуры алтайцев: конец XIX – начало XXI вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

Д.А. Маракулин

Барнаульский юридический институт МВД России

45

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ (ЗА 2012-2016 ГОДЫ)

Несмотря на весь комплекс предпринимаемых мер, направленных на борьбу с экстремистскими правонарушениями и жесткую политику государства в отношении каких-либо экстремистских проявлений, проблема предупреждения отдельных видов экстремизма остается острой на сегодняшний день как на федеральном, так и на региональном уровне.

В 2013 г. нами было проведено исследование количественно-качественных показателей преступлений террористического характера и преступлений экстремистской направленности [1, с. 70; 2, с. 133].

Анализ статистических данных показал, что количество рассматриваемых преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации в период с 2008 по 2012 гг., увеличивалось в среднем на 5,2 % в год. При этом количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за данный период в абсолютных цифрах возросло с 460 до 696.

Ежегодный общий прирост данных видов преступлений за этот же период в Сибирском федеральном округе (далее – СФО) в среднем составил 26,7 % (с 42 преступлений в 2008 г. до 94 преступлений в 2012 г.).

В текущем году, обратившись к вопросу о состоянии и динамике преступлений экстремистской направленности, мы получили следующие неутешительные результаты.

Если брать общие данные, то видно, что в РФ в 2012 г. было зарегистрировано 696 рассматриваемых преступлений – это на 11,9 % больше, чем в предшествующем году, 2013 г. – 896 (+28,7 %), 2014 г. – 1024 (+ 14,3 %), 2015 г. – 1329 (+28,5 %), 2016 г. – 1450 (+9,1 %) соответственно [3].

Несколько иначе прослеживается динамика данных преступлений в СФО: в 2012 г. было зарегистрировано 94 рассматриваемых преступления (+84,3 %), 2013 г. – 117 (+24,5 %), 2014 г. – 98 (-16,2 %), 2015 г. – 144 (+46,9 %), 2016 г. – 187 (+29,9 %) соответственно. При этом в 2016 г. СФО по количеству зарегистрированных преступлений экстремистской направленности попал в тройку округов с неблагоприятной криминальной обстановкой.

Далее рассмотрим те общественно опасные деяния, которые количественно и качественно определяют содержание преступлений экстремистской направленности. Это преступления, которые входят в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Доля таких преступлений в РФ

в 2016 г. от всех преступлений экстремистской направленности составила 90,5 %, в СФО – 88,8 %.

Если говорить о самом распространенном преступлении рассматриваемой группы, то это деяние, предусмотренное ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Здесь просматривается следующая динамика: в РФ в 2012 г. было зарегистрировано 345 преступлений – это на 42,6% больше, чем в предшествующем году, 2013 г. – 481 (+39,4%), 2014 г. – 588 (+19,5%), 2015 г. – 825 (+39,6 %), 2016 г. – 953 (+15,5 %) соответственно. В СФО в 2012 г. было зарегистрировано 51 преступление – это на 96,2% больше, чем в предшествующем году, 2013 г. – 62 (+21,6%), 2014 г. – 60 (-3,2%), 2015 г. – 85 (+41,7%), 2016 г. – 122 (+43,5%) соответственно.

К преступлениям экстремистской направленности с наивысшим темпом прироста (эти тенденции наблюдаются как в РФ, так и СФО) относятся деяния, предусмотренные ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности».

Так, в РФ в 2012 г. было зарегистрировано 94 рассматриваемых преступления (темп прироста составил 54,1%), 2013 г. – 141 (+50%), 2014 г. – 180 (+25,9%), 2015 г. – 256 (+41,4%), 2016 г. – 305 (+19,1%) соответственно. В СФО в 2012 г. было зарегистрировано 10 преступлений – это на 100% больше, чем в предшествующем году, 2013 г. – 30 (+200%), 2014 г. – 17 (-43,3%), 2015 г. – 26 (+52,9%), 2016 г. – 37 (+42,3%) соответственно.

Кардинально противоположно прослеживается динамика количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации» УК РФ.

В РФ в 2012 и 2013 гг. было зарегистрировано по 18 преступлений, предусмотренных ст. 282.1 УК РФ, 2014 г. – 23 (+15%), 2015 г. – 20 (-13%), 2016 г. – 16 (-20%) соответственно. В СФО рассматриваемые преступления были зарегистрированы: только одно в 2012 г. и два в 2014 г.

Также происходит ежегодное снижение преступлений, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ. Так, в РФ в 2012 г. было зарегистрировано 57 рассматриваемых преступлений – это на 14,9% меньше, чем в предшествующем году, 2013 г. – 59 (+4,2%), 2014 г. – 43 (-27,1%), 2015 г. – 42 (-2,3%), 2016 г. – 39 (-7,1%) соответственно. Иначе прослеживается динамика данных преступлений в СФО: в 2012 г. было зарегистрировано 6 преступлений – это на 20% больше, чем в предшествующем году, 2013 г. – 4 (-33,3%), 2014 г. – 5 (+25%), 2015 г. – 8 (+60%), 2016 г. – 7 (-12,5%) соответственно.

В заключение отметим, что число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности как в Сибирском федеральном округе, так и в Российской Федерации в целом за последние пять лет (2012-2016 гг.) имеет тенденцию к значительному росту. За рассматриваемый период количество данных преступлений в абсолютных цифрах возросло в два раза (в РФ с 696 до 1450 преступлений и в СФО с 94 до 187), при учете того, что приведенные статистические данные дают нам далеко не полную картину происходящего, поскольку феномен экстремизма обладает высокой степенью латентности.

Литература

1. Абызов К.Р., Маракулин Д.А. Состояние, структура и динамика преступлений экстремистской направленности (за 2008-2012 гг.) // Вестник Барнаульского юридического института. 2013. Вып. 2 (25). С. 69-72.
2. Маракулин Д.А., Низова В.В. Состояние, структура и динамика преступлений экстремистской направленности в Алтайском крае (2009-2013 годы) // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной

службы при Президенте Российской Федерации: сб. ст. / под ред. И.А. Панарина. Вып. 11. Барнаул: Азбука, 2014. С. 131-134.

3. Отчет формы 4-ЕГС ГИАЦ МВД России за 2012, 2013, 2014, 2015, 2016 гг. URL: <http://10.5.0.16/csi>.

*Л.А. Мельникова, канд. пед. наук
Уральский юридический институт МВД России*

47

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СССР В 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»)

Проблема развития национальной культуры неизменно оставалась актуальной для Российского общества на различных этапах его исторического развития. Это связано с многонациональным характером формирования Российского государства, обуславливающим проведение российской властью соответствующей культурной политики. Мы полагаем, что политика советского правительства в области национальной культуры в 50-е годы XX в. способствовала укреплению советской государственности на основе тесных культурных связей между народами союзных республик, входивших в состав СССР.

Понятие «национальная культура» означает совокупность культурных достижений, присущих данной нации вне зависимости от того, имеют ли различные элементы этого национального достояния специфическую национальную окраску или национально нейтральны [5].

Мы намерены рассмотреть проблему развития национальной культуры в СССР в 1950-е годы на примере достижений в области театрального искусства и художественной самодеятельности.

Советская культура в 50-е годы XX века являлась важным инструментом коммунистической партии в воспитании советского народа в духе марксизма-ленинизма. Общие цели и принципы культурной политики партии нашли отражение и в развитии национальной культуры СССР. Вместе с тем при сохранении общей идеологической платформы политика советского правительства в области национальной культуры была направлена на:

- сохранение национальных традиций и языка;
- создание национальных кадров в области культуры;
- развитие межкультурных связей между народами СССР;
- активное вовлечение в область культурного строительства советских людей.

В этот период большое значение придавалось созданию в союзных республиках сети театров, доступных для населения. Доступность обеспечивалась и за счет подбора репертуара, включающего в себя не только произведения мировой и отечественной классики, но и пьесы местных национальных драматургов. Как правило, спектакли шли на национальном языке. Следует отметить, что в репертуар включались также произведения писателей и других союзных республик с целью укрепления межкультурных и межнациональных связей.

К примеру, в начале 1950-х годов в Таджикистане было построено 16 театров в Сталинабаде, Кулябе, Канибадаме, Курган-Тюбе, Гарме, Хороге. На сцене таджикских

театров шли постановки по произведениям мировой классики («Отелло», «Ромео и Джульетта», «Король Лир»), а также пьесы русских, таджикских, азербайджанских, узбекских и туркменских драматургов. Государственный театр оперы и балета в Сталинабаде ставил на сцене такие национальные спектакли, как «Восстание Восэ», «Тахир и Зухра», «Кузнец Кова». В этот период выросло целое поколение талантливых артистов, ставших народными артистами Таджикской ССР, а также таджикских драматургов, повествующих о жизни таджикского народа. Национальная драматургия была представлена такими писателями, как Мирсаид Миршакар, С. Саид-Мурадов, М. Рабиев, М. Закиров, Д. Икрами, С. Улуг-заде. Талантливые таджикские артисты отмечались государственными премиями и наградами. За балетный спектакль «Лейли и Меджнун» народные артисты Таджикской ССР Гафур Валамат-Заде и Лутфи Захидова, а также заслуженный артист таджикской ССР Махмуд Кабилов были удостоены Сталинской премии [4, с. 31].

Не были оставлены без внимания и национальные меньшинства СССР. Еще в 1932 г. в Алма-Ате был открыт Уйгурский музыкально-драматический театр. Молодой уйгурский композитор Кудус Кужьямьяров написал симфоническое произведение «Ризвангуль», за которое он был удостоен Сталинской премии. Талантливый Уйгурский музыкант Газиз Дугашев стал дирижером Большого театра СССР в Москве [2, с. 27].

Наиболее массово национальная культура была представлена в художественной самодеятельности. В начале 1950-х гг. в клубах, дворцах культуры, на фабриках и заводах за счет средств профсоюзов функционировали более 125 тыс. кружков художественной самодеятельности, в которых занимались более 2 млн человек. Традиционным стало проведение областных и республиканских смотров художественной самодеятельности. Лучшие коллективы и исполнители отбирались для проведения всесоюзных смотров в Москве, а наиболее талантливые артисты направлялись для обучения в хореографические, музыкальные и театральные учебные заведения. К примеру, сын шофера Александр Резчиков показал блестящую игру на баяне и был направлен из кружка художественной самодеятельности в Московское музыкальное училище для получения образования. Талантливые молодые артисты: певица Галина Олейниченко, певец Борис Штоколов, пианистка Наталья Юзбашева, виолончелист Игорь Козолупов, узбекский танцор Учкун Ганиев, казахский певец Ермек Серкебаев также начинали свою творческую деятельность в кружках художественной самодеятельности [3, с. 36].

Особое значение советское правительство придавало развитию художественной самодеятельности на селе. В 1950-е годы в западных областях Ураины функционировали сотни клубов и домов культуры. В Львовской области работали 2880 кружков художественной самодеятельности, в которых бесплатно занимались 40 тыс. жителей.

При районном доме культуры в Бобркском районе Львовской области был создан симфонический оркестр и хор. Участниками коллективов были колхозники, рабочие и служащие. Среди них – скрипачи братья Наугольниковы из села Стоки. Старший из них – Иван Петрович – работал в колхозе ездовым, а младший – Павел Петрович – в полеводческой бригаде. Некоторые бывшие оркестранты Иван Максимов, Ольга и Юрий Зацерковные были направлены для получения музыкального образования в Львовскую государственную консерваторию [1, с. 35].

Таким образом, политика Советского правительства в 50-е гг. XX в. в области национальной культуры была направлена на укрепление межкультурных и межнациональных связей народов, входивших в состав СССР.

Литература

1. Бирюков М. Колхозные музыканты // Советский Союз. 1954. № 1. С. 33-35.
2. Галкин М. На широком пути // Советский Союз. 1953. № 6. С. 25-27.
3. Гаранин А. Народные таланты // Советский Союз. 1953. № 7. С. 32-36.

4. Касымов М. Театры Таджикистана // Советский Союз. 1952. № 1.
5. Национальная культура. URL: <http://arheologija.ru/natsionalnaya-kultura/> (дата обращения: 07.04.2017).

В.В. Минина

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОБЩЕСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ БЕЛАРУСИ

49

В историко-правовой литературе общепризнанно, что первым кодифицированным уголовным законом Великого княжества Литовского являлся Судебник Казимира 1468 г. Анализ статей Устава свидетельствует о том, что в то время главными целями применения наказания являлись возмездие по отношению к преступнику и устрашение.

Нормы Судебника Казимира содержали лишь один вид наказания, который не связан с изоляцией осужденного от общества – это денежные взыскания [3]. Однако Устав дал начало новому этапу в развитии уголовно-правовой теории, практики законодательной деятельности и кодификации феодального права, который был завершён изданием Статутов ВКЛ 1529 г, 1566 и 1588 гг.

В дальнейшем статутным законодательством, помимо возмездия за преступление и устрашения, также целью наказания выделяется возмещение причиненного вреда в виде различных денежных взысканий, штрафов и конфискации.

Анализируя нормы Статутов, необходимо отметить, что наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, стали весьма разнообразными и получили широкое их применение. Так, к ним относились: имущественные наказания, конфискация и штрафы; выдача преступника потерпевшему; изгнание и объявление вне закона; лишение чести; покаяние; лишение занимаемой должности.

Имущественные наказания имели весьма широкое распространение. Так, например, при убийстве взыскивалась «головщина» в пользу родственников убитого. Размер головщины зависел не только от тяжести преступления, но и от сословной принадлежности и должности, занимаемой убитым. Например, по Статуту 1529 г, *за тяглого крестьянина – 10 коп. грошей, за «паробка невольного» – 5 коп. грошей, а за шляхтича – 100 коп. грошей родственникам убитого и еще 100 коп. грошей в казну* (арт. 1 разд. XI) [4, с. 203].

Также к имущественным наказаниям применяемых по Статуту 1566 г. относилась конфискация имущества, которая применялась относительно шляхтичей, уклонявшихся от военной службы. Одним из наиболее показательных примеров применения конфискации имущества может служить арт. 17 разд. XII Статута 1566 г.: *«Уставуемъ, естли бы хто брата або сестру забиль, въ неданью имъня або якую кольвекъ на правую о горло приправиль, а то бы на него доводомъ слушимъ переведено; тогда таковой маеть быть каранъ горломъ, а тое имъне, которое бы на него и на дъти его припасти мло, спадываетъ на иншую братью або сестры або тежь на стрывевъ и близкихъ въ томъ дому...»* [1, с. 311]. Имели место и случаи так называемой специальной конфискации, т.е. конфискации предметов преступной деятельности. Например, Статут 1588 г. регламентировал *конфискацию всего выработанного в тайных трактирах пива, меда,*

водки, а также всей утвари пивной, медовой и водочной – котлов, бочек и др. (арт. 33 разд. XIV) [2].

Уголовные нормы Статута 1588 г. регламентировали такое наказание, как выдача преступника потерпевшему (для отработки долгов или для казни). В Статуте было записано, что преступник или его жена и дети могут передаваться потерпевшему не в качестве подневольных, а для отработки определенной денежной суммы.

Особым видом наказания в Великом княжестве Литовском было объявление вне закона и изгнание за пределы государства («баниция», «выволанье»), к которому приговаривались шляхтичи, обвиненные в тяжких преступлениях и не явившиеся по повестке в суд, а также лица, отказавшиеся подчиниться судебным постановлениям: «...а естли бы передь гетманомъ або врьдомъ кгородскимъ не сталь и того се не справиль, ино пань гетмань або врьдь кгородский маеть такого выволать и дати о такомъ по всей земли на врьдех листы своими знать, абы былъ пойман и тамъ такъ каран, яко вышей описано» (арт. 27 разд. II Статут 1588 г.) [2].

Что касается такого дополнительного наказания, как лишение чести, то оно, как правило, применялось в отношении представителей шляхты в связи с тем, что было связано с утратой «вольностей шляхетских». Лишенный чести не мог находиться среди «добрых людей рыцарских», терял права и привилегии шляхетского сословия. Например, арт. 14 раздела II Статута 1588 г. гласил, что «Уставуем тежь: хто бы з битвы утекъ, таковый за слушнымъ доводомъ от гетмана черезъ вырокъ нашъ, господарьский, именье и честь тратить» [2].

Помимо данного наказания, закон регламентировал в отношении шляхты и такую меру, как освобождение от должности, которое применялось в качестве дополнительного наказания за государственные, воинские преступления, а также за преступления против правосудия.

В случае назначения наказания в виде покаяния осужденный должен был прилюдно, в церкви или костёле четыре раза в год объявлять людям о своем преступлении. А в случае нанесения оскорбления представителю шляхты виновный должен был публично просить прощения у шляхтича, что могло происходить в суде или другом общественном месте. Например, в случае причинения беременной женщине телесных повреждений, в результате которых она лишилась плода, преступник, кроме тюремного заключения и выплаты «навязки», обязан был четыре раза в течение года у церковных дверей по большим праздникам «на месцы поднеслом на то наготованом на локоть от земли стояти и грех свой перед людми входячими и выходячими явне визнавати, а потом того обецовати с пильностью стеречися и не допуцати» [2].

Все данные наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, на практике применялись в виде самых разнообразных сочетаний, которые не были предусмотрены и регламентированы законом. В целом законодатель полагал, что наказание должно быть справедливым и целесообразным. При назначении наказания закон требовал от судей руководствоваться принципами законности, справедливости, беспристрастности, неподкупности, в чем они и приносили торжественную присягу при вступлении в должность.

Таким образом, анализируя уголовные наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, предусмотренные статутным законодательством Великого княжества Литовского, необходимо отметить, что оно содержит весьма значительные и многообразные виды наказаний, которые являлись альтернативой применению лишения свободы или тюремного заключения. Указанные меры нашли свое продолжение и в последующих памятниках права Беларуси, а также стали основополагающими наказаниями настоящего времени. Большинство их видов нашло свое отражение и сегодня, например, общественные работы, штраф, конфискация и выделение специальной конфискации, лишение воинского или специального звания, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Литература

1. Доўнар, Т. І. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; рэдкал. Т.І. Доўнар [і інш.]. Мінск: Тэсей, 2003. 352 с.
2. Статут Великого княжества Литовского 1588 года. URL: https://uk.wikisource.org/wiki/Статут_Великого_князівства_Литовського_1588_року/ (дата обращения: 10.03.2017).
3. Судебник великого князя Казимира Ягайловича. URL: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/monograf/33/7> (дата обращения: 25.02.2017).
4. Яблонскис К.И. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. 253 с.

*С.В. Моисеев, канд. ист. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

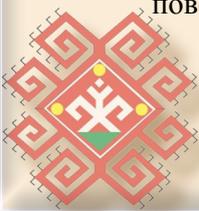
УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Выполнение исламом регулятивной функции в жизни среднеазиатского общества выражалось в высоком уровне коммуникационного воздействия. Мусульманские мечети со времени их возникновения не являлись исключительно местами для исполнения религиозных обрядов. Практически не пустуя, они были своеобразными приютами для бездомных, нищих, странников, местами общения прихожан. В соборных мечетях отправлялось правосудие, собирались ученые мужи, толкователи Корана [4, с. 268-269]. Мечети, как правило, строились на наиболее заметной территории населенных пунктов, выделялись из множества других строений изысканной архитектурой. Символическая роспись внутренних помещений мечетей сочетала в себе орнаменты, узоры, изречения пророка Мухаммеда, выдержки из Корана [5, с. 114]. По мусульманской традиции, внешний вид мечети символически отражал духовные имена и свойства. Внутренне устройство должно было создавать особую атмосферу для общения верующих с богом [5, с. 114].

В отличие от христианства, которое имело централизованную религиозную организацию (церковь), каждая мусульманская община являлась самостоятельной организацией. В ее полномочия входило назначение и смещение служителей культа, разрешение спорных вопросов между верующими, осуществление контроля над финансовыми делами. Не существовало также обряда рукоположения в духовный сан.

Каждый туркестанский город разделялся на жилые кварталы – махалля, жители которых независимо от кровнородственных связей образовывали общину, центром объединения являлась мечеть. Члены общины содержали за свой счет определенное количество общественных зданий, мечети, несли расходы на содержание религиозных служителей. Мечети действовали практически во всех населенных пунктах, от небольших кишлаков и аулов до крупных городов. За правилами посещения мечетей следили специальные служители имамы или райсы. Службы отличались непродолжительным временем, проповеди также были краткими [4, с. 259].

В мечети принимались решения по важнейшим вопросам жизни общины, формировалась оценка общественного мнения и происходящих событий [5, с. 115]. Нормы поведения людей определялись шариатом. Жители, посещавшие одну и ту же мечеть,

поддерживали между собой тесные связи. Вхождение в другую общину могло быть связано с серьезными трудностями.

Представители новой власти считали, что мусульманские общины имели однозначно патриархальный, застойный характер, державшиеся на средневековых традициях и обычаях соподчинения и без участия в общественной жизни женщин [3, с. 115].

Единство всех членов общины основывалось на единстве веры, что способствовало длительному сохранению религии [4, с. 36]. Органично вписывалась в общинную систему многочисленная мусульманская семья, как в районах с оседлым населением, так и на территориях кочевников. Семьи вели совместное хозяйство, имели общие сельскохозяйственные орудия, общий скот. Полученная различными способами прибыль переходила полностью в семейный бюджет. Главой семьи являлся отец, обладавший непререкаемым авторитетом и властью [3, с. 117]. В его компетенцию входило единоличное разрешение всех важных вопросов в семье.

Составляющим элементом жизни мусульман в дореволюционной Средней Азии и Казахстане был культ «святых» и непосредственно связанное с ним посещение святынь (мазаров). Кроме этого, каждый год значительное количество паломников мусульман посещали Мекку и Медину. Мусульмане, совершившие хадж, пользовались у соплеменников высоким авторитетом и уважением. После присоединения к Российской империи паломничество к святым местам приняло организованный характер. Так было создано «Общество попечения о мусульманских паломниках», которое оказало существенное влияние на увеличение количества паломников [1, с. 165-170].

Таким образом выглядела картина жизни мусульманского общества на азиатских окраинах Российской империи до революционных событий 1917 г., радикальным образом изменивших существовавший традиционный уклад.

После ликвидации в Средней Азии и Казахстане существовавшей системы управления начинаются изменения и в религиозной составляющей жизни мусульман. Попытки быстро ликвидировать или по возможности нейтрализовать влияние на население мусульманских религиозных лидеров новыми властями не имели положительных результатов.

В условиях широкого распространения ислама практическая реализация ленинских антирелигиозных идей натолкнулась на ряд исторических особенностей, которые явились серьезным препятствием на пути преобразований, проводимых большевиками. Формирование социалистического общества, минуя капиталистическую стадию развития у народов, проживавших в регионе, должно было иметь свои особенные формы. Сложившиеся общественно-производственные отношения в принципе не могли быть в короткий срок преобразованы в социалистические. В этой ситуации новые власти начали поиск тактических и стратегических вариантов достижения этой отчасти утопической цели. Встретив активное сопротивление со стороны местного населения в отношении проведения религиозных реформ, большевики были вынуждены отказаться от первоначально принятого плана широкой атеизации мусульманских окраин. Таким образом, политический курс был изменен в сторону постепенного распространения новой идеологии «посредством распространения грамоты, открытия школ, клубов, читален, распространения познаний в области истории земли и человека и главным образом указывая на классовый характер организации мусульманского духовного сословия... [2, с. 165-170].

В марте 1919 г. было создано Мусульманское бюро, одной из задач которого было проведение пропаганды среди местного населения на родном языке с целью вовлечения представителей коренных народов к участию в работе советских органов, мобилизации жителей на борьбу с басмачеством. При этом особое значение придавалось увеличению количества членов партии большевиков за счет национальных кадров. Характерной особенностью этого процесса послужило то, что значительное число принятых членом в партию продолжало оставаться верующими. Это явилось значи-

тельным препятствием на пути становления и укрепления советской власти в Средней Азии и Казахстане.

Часть реформ большевиков, направленных на создание в регионе базы для социалистического строительства в сфере религиозных отношений, получила название «секуляризация». В 1917-1920 гг. начался первый период преобразований, были приняты первые нормативные акты, регламентировавшие проведение мероприятий, направленных на изменение общественного устройства населения Средней Азии и Казахстана. 20 ноября Совет Народных Комиссаров Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (СНК ТАСССР) принял декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Имущество, ранее принадлежавшее мусульманским организациям, было объявлено народным достоянием [5, с. 140]. Были впервые созданы государственные образовательные организации с преподаванием на родном языке. Начали издаваться газеты и светские книги, пропагандирующие отказ от пантюркизма и панисламизма. Гражданско-правовые отношения формировались на основе гражданско-правовых актов РСФСР, вводимых в действие особыми постановлениями ЦИК или СНК ТАСССР с предоставлением права изменения текстов декретов Центрального Советского правительства с учетом местных особенностей [5, с. 140]. Ликвидации подверглись суды биев и казиев. 24 ноября 1917 г. было принято решение на основании декрета ВЦИК и СНК РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» об уничтожении привилегий представителей мусульманского духовенства.

Следует отметить, что мероприятия в области образования, проводимые новыми властями в среде мусульман, успехов не имели [5, с. 141]. Местное население оставалось верным своим традициям и в массе своей не приветствовало введение принципа отделения «церкви от государства».

Значительное влияние на проведение секуляризации оказала начавшаяся гражданская война, имевшая свои особенности в Средней Азии и Казахстане. Противники установления Советской власти активно привлекали на свою сторону мусульманское духовенство, стремясь обратить войну классовую в войну религиозную. Новая власть была объявлена «враждебной Аллаху». Главной целью борьбы мусульман с неверными провозглашалось уничтожение большевиков. Фактически была создана «армия ислама», воюющая «во имя ...создателя и пророка Мухаммеда, шариата, чести и блага религии и нации».

Мусульманское духовенство не оставалось в стороне и активно выступало за необходимость джихада, что создало серьезные проблемы в противостоянии новых властей и их противников.

В 1919 г., стремясь ускорить процесс введения мусульманского населения в рамки социалистического строительства, были конфискованы вакуфные земли, запрещены мусульманские школы, что явилось фактором, увеличившем уровень недоверия к большевикам. Другой причиной, подрывавшей авторитет новой власти, явилась повальная национализация, оказавшаяся провальной в сельской местности. В то же время мусульманские организации лишились поддержки государства и стали частными обществами. Принадлежность человека к той или иной религии теперь не влияла на его положение на социальной лестнице, указания на нее были изъяты из всех документов. Определяющая роль религиозной общины была ликвидирована. Создание новых общественных организаций на основе социалистической идеологии независимых от религии становилось определяющим в жизни населения. Новая власть, исходя из своих потребностей и идеологических установок, стремилась использовать в отношении ислама и мусульман ряд правил, сформировавшихся в эпоху империи. Так, с одной стороны, власть устанавливала жесткий контроль над ситуацией в мусульманских регионах, которые требовалось включить в экономическую и общественно-политическую систему государства, с другой – мусульманам было разрешено придерживаться своих

традиционных укладов. Такой подход утвердился в первую очередь в Средней Азии и Казахстане.

Литература

1. Сколько мусульман в России проживает? URL: <http://fb.ru> (дата обращения: 17.04.2016).
2. Мец Адам. Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1973. 473 с. URL: <http://history-library.com> (дата обращения: 30.04.2017).
3. Саидбаев Т.С. Ислам и общество (опыт историко-социологического исследования). М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1984. 300 с.
4. Мануйлова Д.Е. Социальные функции религии. М.: Знание, 1975. 301с. URL: <http://science-education.ru> (дата обращения: 30.04.2017).
5. Дорженов С.В. Политика царского правительства в отношении ислама в конце XIX – начале XX вв. // Ученые записки историко-юридического факультета киргизского университета. Серия история. Вып.8. Фрунзе. 1964. URL: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 30.04.2017).
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Госполитиздат, 1951. 1204 с.

Д.С. Никитин

Барнаульская епархия;

О.О. Никитина

Барнаульская духовная семинария

ОТНОШЕНИЕ ЛЮТЕРАН-СПЕЦИАЛИСТОВ АЛТАЙСКИХ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИХ ЗАВОДОВ В XVIII ВЕКЕ К ДУХОВНОМУ НАСЛЕДИЮ РОССИИ В СЕМЕЙНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

На Алтае в середине XVIII в. (1747-1750 гг.) шло становление горнозаводского дела, которое было связано с обнаружением в Змеиногорском руднике месторождений золота и серебра. Процесс формирования горного дела был связан с активным привлечением иностранных горных специалистов, в основном выходцев из Саксонии. Дело заключалось в том, что еще в раннем средневековье Саксония являлась одним из трех главных центров производства серебра, и немецкими специалистами, во-первых, была разработана производственная горная терминология (бликзилбер, похверк, роштейн и др.), а во-вторых, «сами процессы, механизмы выплавки серебра, отделения свинца» [3, с. 1].

Государство было, безусловно, заинтересовано в иностранных специалистах с целью получения их знаний, практического опыта, умений, поскольку русские на тот период времени не владели технологиями выплавки серебра. Именно по этой причине императрица Елизавета Петровна в Указе от 1 мая 1747 г. заявляла о необходимости заключать с саксонскими горными мастерами такие контракты «чтоб быть им вечно в службе нашей» [3, с. 1].

Исходя из проведенного нами анализа формулярных списков иностранных специалистов» [4, с. 11-141], мы выяснили, что административную элиту горного начальства бывших демидовских владений, названных округом Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов, составляли выходцы из Саксонии лютеранского вероисповедания. Большинство из них женилось на русских (из 30 рассмотренных нами у 20 были русские жены) и принимало «вечное фазальство», российское подданство.

В этой связи иностранные горные специалисты, имеющие намерение вступить в брак с лицами женского пола православного вероисповедания, обязаны были давать так называемые подписки, документы, которые обуславливали регулирование брачных отношений между представителями разных христианских конфессий, в частности между православными и лютеранами. Подобного рода подписки регулярно поступали в Барнаульское духовное правление.

В качестве примера вышеупомянутых документов рассмотрим дело № 577, обнаруженное нами в архиве 26 фонда ГААК, которое поступило в ведомство Канцелярии Колывано-Воскресенского горного правления 4 ноября 1752 г. В нем приводится обязательство шихтмейстера-лютеранина Венедикта Петровича Беэра, изъявляющего желание вступить в брак и взять себе в жены дочь бухгалтера Василия Михайловича Пастухова Матрону: «грекороссийскаго исповедания, веры оного же ведомства бухгалтера Василья Михайлова сына Пастухова родную ево дочь девицу Матрону...», венчаться с ней «и ... сожитие с нею иметь как святыми и богоносными отцы узаконено, и правила подтверждено» [2].

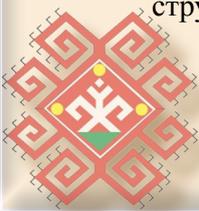
Венедикт Петрович уверяет ведомство духовного правления канцелярии в том, что не будет склонять свою избранницу к переходу в лютеранскую веру, а также намерен уважительно относиться к соблюдению ею постов: «от правовернаго греческаго исповедания веры к лютеранскому закону не превращать и в положенныя посты и в прочия заповеданныя святыми и богоносными отцы дни к мясоестию и ни к чему скоромному не привлекать; и не принуждать» [2].

В рассматриваемой нами подписке шихтмейстер В. Беэр также обязуется крестить всех своих будущих детей в православной вере и не принуждать их перейти в лютеранство: «и рожденны(х) о(т) нас мужеск и женск полы дети по православию и по чиноположению церковному производят в крещение в веру греческаго исповедания и(х) против выше писанного де о(т) правоверия не о(т)вращать» [2].

Последнее обязательство было весьма важным, поскольку затрагивало вопрос воспитания детей и формирования их мировоззрения. В подобных брачных союзах дети оказывались помещенными в особую среду: с одной стороны, двуязычие, поскольку общение осуществлялось сразу на двух языках, с другой – специфические особенности православного и лютеранского вероисповедания, которые тесно переплетались друг с другом. Разумеется, многое зависело от согласия супругов, проявления ими взаимопонимания и уважения. Конечно, и муж, и жена являлись христианами, у них было единое Евангельское наследие, оба они жили по христианским заповедям. Но все же весьма актуальным являлся вопрос сохранения своей веры и ее передачи детям.

В вышеуказанной подписке В. Беэра также детально прописано и то, что он не будет препятствовать ни своей супруге, ни детям (начиная с семилетнего возраста), хотя бы раз в год приступать к святым таинствам Исповеди и Причастия: «и как их о(т) семилетнаго возраста, так и прописанную поять во(з)намеренную себе в жену каждо годно кысповеди и с(вя)тых Христовых таин к причащению, по закону греческому уволить безвозбранно и в том им воспрещениях не чинить» [2]. Соглашаясь с тем, что их жены и дети принадлежат другой конфессии, лютеране тем самым признавали духовное наследие России и уважительно относились к нему.

Барнаульское духовное правление, находившееся в ведомстве Канцелярии Колывано-Воскресенского горнозаводского округа, конечно же, действовало по инструкции Кабинета Ее Императорского Величества, обязывая иностранных горных

специалистов «не отвращать от правоверия» своих жен и детей, таким образом проявляя попечение о сохранении целостности православной веры. И государство, и Церковь не могли не заботиться о сохранении духовного наследия России, о том, чтобы дети, рожденные в семьях, где отец являлся лютеранином, были крещены именно в православной вере, исповедовались и приступали к причастию Святых Христовых Таинств. Наконец о том, чтобы формирующееся мировоззрение подрастающего поколения позволило бы стать ему истинным наследником своей страны, воспитанным в патриотическом духе. В этой связи и требовались подобного рода подписки, которые подавались в Барнаульское духовное правление, находившееся в ведомстве Канцелярии Колывано-Воскресенского горнозаводского округа с целью получения законного согласия лютеран-специалистов соблюдать духовные традиции России.

С нашей точки зрения, лютеране сохраняли духовное наследие русской культуры в семейной сфере не только по принуждению, но и естественным образом, поскольку понимали его значение. Важно отметить, что наблюдались случаи перехода горных специалистов из лютеранства в православное вероисповедание. И хотя на настоящий период времени мы располагаем информацией всего лишь об одном человеке, горном офицере голландского происхождения Андрее Нянинге, 1747 года рождения, совершившего этот переход [4, с. 86], представляется, что подобный случай не был единичным. Также известно, что у первого руководителя Колывано-Воскресенских заводов А.В. Беэра, который отдал 37 лет служению России, и во втором браке был женат на русской женщине один из сыновей Петр, исповедовал Православие, предположительно, как и его русская мать [5]. Православным являлся и Александр, сын пастора и переводчика Габриэля, служившего на Колывано-Воскресенских заводах [1].

Иностранные горные специалисты-лютеране, внося большой вклад в развитие Колывано-Воскресенского горнопромышленного комплекса, внедряя технологии и обучая отечественных специалистов, безусловно, оказывали влияние на своих русских жен и детей, знакомя их со своим языком, культурой. Вместе с тем они и сами испытывали воздействие страны пребывания: жили ее проблемами, интересами, обогащались ее ценностями, уважали и сохраняли ее религиозные традиции, а для некоторых из них Россия становилась второй родиной. В этом, главным образом, и проявлялось их отношение к духовному наследию нашей страны.

Литература

1. ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4154, 6477, 7155.
2. ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 577. Л. 7-7об.
3. Кунгурова М.Ю. Вклад немецких специалистов в развитие сереброплавильного производства на Алтае в 1740-1750-е годы // Гуляевские чтения. Вып. 3. Материалы седьмой и восьмой историко-архивных конференций. Барнаул, 2013. С. 162-168.
4. Пережогин А.А. Чиновничество Алтая (1747-1781 гг.): справочник личного состава. Барнаул: Азбука, 2012. С. 11-141.
5. Указ Тобольской духовной консистории протопопу В. Иванову о не разрушении голбчика над могилой генерал-майора А.В. Беэра, 27 декабря 1751 г. // ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 182. Л. 126-126об. Рукописный подлинник. Оpubл.: Алтайские горные офицеры XVIII–XIX вв. Сборник документов. Барнаул: Азбука, 2006.

СЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ОБЛАСТЬ КУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ, С ПОЗИЦИИ ОСМЫСЛЕНИЯ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА Д. АНДРЕЕВЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «РОЗА МИРА»

Рассуждая о бытии, мы осмысливаем все существующее: вещи и предметы внешнего мира, явления и процессы, совершающиеся в природе и обществе. Мир культуры – это то, что человек выделил и преобразовал из природы. Следовательно, культура рассматривается как важная область бытия, в которой протекает человеческая жизнь, являясь искусственной сферой действительности, охватывая историческое прошлое. В настоящее время общество обращено к вопросу осознания проблемы собственного пути развития, вариантов выхода на качественно иной уровень, возрождения утраченных религиозных представлений о мире. Важно осмысление своего историко-культурного прошлого, начиная с древнейших времен, где одним из направлений в истории является язычество древних славян.

В сложившейся мировой ситуации для нашей страны очень важен славянский культурный компонент. Это целесообразно для укрепления позитивного имиджа России и русской составляющей культуры во всём мире, а также как средства патриотического воспитания подрастающего поколения.

«Различные компоненты славянской культуры, связанные с ними обычаи и традиции сегодня широко используются политиками, литераторами, деятелями искусства. Возникают и обретают статус религиозных, историко-культурных объединения последователей языческих культов. Но наполненность повседневной социальной реальности признаками древней языческой культуры недостаточно полно» [3, с. 2].

Бытие вечно, оно не имеет начала и не имеет конца, поэтому вся действительность, окружающая нас, выходит из бытия и вновь возвращается к нему. А данные нам в опыте предметы и события – преходящи, имеют начало и конец. Традиционная культура является отражением духовного мира каждого общества на любом этапе его развития.

Славянское язычество зарождается в древности и основывается на первобытных воззрениях, верованиях, обрядах, общих для всего человечества. Акцентирует внимание на том, что земля – это всего лишь часть большого мира, а те космические силы, которые есть в этом мире, оказывают сильнейшее влияние на её жизнь и жизнь живущих на земле людей. С течением веков язычество всё больше становилось выражением народного мировосприятия. Было формой проявления народных, крестьянских воззрений, существовавших на своих тысячелетних исконных основах.

Формой организации человеческого бытия является традиционность. Сила и власть традиций была абсолютной, она выступала регулятором поведения и средством сплочения людей. Русская народная культура традиционна, и эта традиционность корнями уходит в старину. Простой народ – основной её носитель. Вот как об этом пишет Даниил Андреев в произведении «Роза Мира»: «В дальние углы культуры, в народные низы, к смердам, отодвинулось древнее славянское миропонимание. Но великие леса надёжно хранили в своей глубине связь человеческого существа со стихиями; и волхования кудесников, игрища во славу творческих сил, чары колдунов, обряды, связующие человека с незримыми обитателями и хозяевами Природы, длили своё существование» [1, с. 365].

Осмысление славянского язычества Даниилом Андреевым с метафизических позиций позволяет взглянуть на этот феномен с иной стороны, углубить и расширить

представления о нём. В своём произведении «Роза Мира» автор дает понимание того, что есть параллель между пантеоном славянских богов и «метаисторическими сущностями», описанными им.

«Славянское язычество не является замкнутым, раз и навсегда застывшим периодом истории. Менялся жизненный уклад славян, их занятия, а вместе с ними – и их представления о происхождении мира и человека. На протяжении своего существования эволюционировало и язычество – поклонение силам природы» [2, с. 79]. «Но не происходило полной замены одного типа веры на другой: на элементы дуалистического анимизма наслаивались элементы культа Рода и Рожаниц, на них – элементы антропоморфных богов, на них – элементы христианства. Монотеистическая христианская церковь за тысячелетие существования у славян сама впитала элементы язычества. Народ переносил функции своих богов на новых христианских святых. В святом Илье отчетливо прослеживается образ Перуна, в святой Параскеве – образ Мокоши, в святом Власии – образ Велеса» [4, с. 2]. Божества, возникшие в определенных условиях, со временем обретают новые функции, их имена подменяются другими, обрастают добавочными эпитетами, может измениться и их место в пантеоне, как и их первичная функция.

Эволюция религиозных представлений у Д. Андреева шла путем наслаивания новых форм на старые. Функции и характеристики одних славянских богов объединялись и реконструировались в новые для андреевских сущностей. Автор пишет о поклонении силам природы, в частности о Матери-Земле, сила которой необходима для того, чтобы воплощать монады в тело эфирное. «Мать-Земля, оплодотворяемая духом Солнца, создаёт для воплощающейся монады тело эфирное: без него невозможна никакая жизнь в мирах трёх и четырёх измерений» [1, с. 137]. Древние славяне то же поклонялись силам природы: свету, земле, дождю, грозе и т.д., считая это божественным проявлением.

У Даниила Андреева нет большого количества «метафизических сущностей» по сравнению со славянскими богами, их немного, но функции у них глобальней.

Травчатые узоры на тканях и поставцах, жар-птица наших сказок, богатыри наших былин, архитектурные особенности наших теремов или стилизованные петушки и фантастические звери, украшавшие печи, прялки и коньки изб. Этот пласт образов восходит к зачаточной, так и не развившейся славянской мифологии. Но важно то, что это мироотношение проходит сквозь века русской истории, меняя лишь своё обличье, приспособляясь в современном мире. Получается, что культурное бытие, которое окружало человека несколько сотен лет назад – есть и сейчас, это бытие, что окружает нас в данный момент. Вот откуда может возникать то самое чувство, что это нам уже знакомо. Вот почему история повторяется, и нас так тянет к своим корням.

Славянство – это тот фундамент, который способствовал построению великой культуры. Оно объединяет многочисленные народы и способствует взаимопониманию и согласию в мире. Это богатое наследие наших предков, которое дошло до нас сквозь века. На сегодняшний момент существует огромная задача: сохранить и передать будущему поколению великое наследие. Традиционная культура являет собой культурно-организационный код, основу воспроизводства общества, является его регулятором. Вот почему важно развивать традиционно-культурную компоненту, воспитывать наше поколение, опираясь на прошлое, для успешного и достойного развития будущего.

Литература

1. Андреев Д. Роза Мира. М.: Эксмо, 2011.
2. Клыпа О.В. Психологические идеи в языческом миропонимании древних славян // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 79-85.
3. Силаков Е.С. Место и роль язычества восточных славян в русской духовной культуре. URL: <http://www.dissercat.com/content/mesto-i-rol-yazychestva-vostochnykh-slavyan-v-russkoi-dukhovnoi-kulture>.

*Е.А. Попов, доктор филос. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

59

Духовная безопасность человека – неотъемлемое условие его самосовершенствования. При этом использование категории безопасности убедительно показывает, насколько человеку необходимо сохранять устойчивое положение в мире и социокультурном пространстве для выживания и развития. Множество факторов, оказывающих влияние на обеспечение духовной безопасности, находятся в одном ряду с социальными, политическими, экономическими и другими обстоятельствами. Однако наиболее важным ценностно-смысловым механизмом, определяющим духовную защиту человека, следует считать культуру. Именно культура становится тем ресурсом, который обеспечивает духовную безопасность человека.

При рассмотрении тех или иных аспектов безопасности человека или общества важное значение приобретает выявление концепции, лежащей в основе обеспечения безопасности. Так, например, социальная безопасность может быть связана с эффективностью реализации социальной политики и в масштабе государства, и на уровне регионов. Кроме того, социальная безопасность – это система мер, направленных на достижение и сохранение благополучия человека, связанного с его повседневной жизнедеятельностью. Что касается духовной безопасности, то она основывается на тех ценностях и нормах, которые поддерживают консолидацию в обществе, как правило, они являются традиционными для данного общества, передающимися от поколения к поколению и, таким образом, сохраняющими социокультурную преемственность.

Духовная безопасность – это объективное итоговое состояние социокультурного развития, при котором достигается баланс ценностей и норм, необходимых для взаимодействия поколений носителей культуры. При этом духовная безопасность основывается на разных устойчивых механизмах, характерных для развития человеческого общества, таких, например, как правосознание, мораль и нравственность, социальная справедливость, гражданственность и т.д.

К факторам, обеспечивающим духовную безопасность, возможно отнести следующие: 1) сохранение традиционных ценностей, приемлемых для конкретных носителей культуры; 2) интеллектуальные ресурсы, способствующие развитию личности; 3) создание и закрепление национальной идеологии; 4) межкультурная коммуникация, позволяющая осуществлять взаимодействие носителей разных культур; 5) духовно-консолидирующий потенциал региональных культур; 6) охрана памятников традиционной культуры. Каждый из этих факторов является необходимым условием достижения и сохранения духовной безопасности человека. В совокупности они выполняют следующие значимые функции: культуросозидательную (создание новых культурных ценностей и норм на базе традиционных); ценностно-смысловую (производство конвенциональных культурных кодов и символов); консолидирующую (объединение носителей культуры для решения актуальных проблем общественного развития); коммуникатив-

ную (создание условий для общения и обмена ценностями и нормами); познавательную (получение новых знаний о мире) и другие.

Духовная безопасность так или иначе базируется на преемственности тех ценностей и норм, которые признаются большинством носителей культуры. При этом нужно иметь в виду, что для современных обществ характерна смена ценностей и норм в угоду каким-либо субъективным обстоятельствам, например политическим или экономическим. Навязывание ценностей, к которым может возникнуть отчуждение, крайне опасно для человека и его духовной жизни – такие ценности могут способствовать утрате консолидации в обществе и вызвать социокультурный коллапс. Вместе с тем некоторыми учеными отмечается, что «в современной России такие понятия, как совесть, справедливость, правда, добро, красота, любовь, уходят не просто из повседневного речевого оборота людей, но из самих общественных отношений, как нечто морализаторское, вечное и актуальное лишь для философских дискуссий...» [1, с. 17]. Смещение полюсов ценностно-нормативной системы культуры в сторону упрощения или даже опрощения традиционных ценностей и норм может обернуться риском для духовной жизни человека.

Духовная безопасность обеспечивается на уровне ценностно-нормативной системы культуры. Под такой системой понимается не просто совокупность норм и ценностей, поддерживающих социокультурное равновесие, но и обеспечивающих преемственность поколений носителей культуры. Именно вопрос преемственности следует считать одним из актуальных, когда речь идет о духовной жизни человека. Преемственность, с одной стороны, может рассматриваться как трансляция ценностей и норм последующему поколению и как ответная реакция на этот процесс в виде принятия передаваемых ценностей. С другой же стороны, преемственность подразумевает достижение духовной безопасности человека, когда не происходит отторжения ценностей и норм, более того, они становятся определяющими в повседневном бытии. Как отмечает Н.И. Лапин, в системе ценностей явно обнаруживаются две высшие позиции: «ценность жизни человека как антропологического существа, а другая – ценность общительности человека, т.е. его способности к общению, взаимодействию с другими людьми, которая составляет важнейшую предпосылку, условие возникновения и развития культуры и социальности...» [2, с. 35]. Ценностный мир человека должен совпадать с традиционными ценностными приоритетами общества. Как полагает Я.Э. Меженин, «на основе ценностей, усвоенных в детстве, индивид принимает решения, будучи подростком или взрослым, однако усвоение искаженных ценностей несет в себе потенциальную угрозу деструктивного поведения для общества» [3, с. 163]. Именно «искаженные ценности» или антиценности способны создать риски для духовной безопасности человека. Закрепление подобных явлений в ценностно-нормативной системе культуры происходит за счет динамичных процессов, в результате которых могут возникать новые ценностно-мировоззренческие стереотипы. Главное при этом, что должна эффективно делать ценностно-нормативная система, – это иметь способы для устранения подобных рисков. Только в этом случае будет обеспечена духовная безопасность человека.

Литература

1. Аитова Г.Ш. Исторический взгляд на проблему справедливости: российская специфика // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 17-26.
2. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28-36.
3. Меженин Я.Э. Трансформация образов народной культуры в современном обществе как фактор социализации молодежи // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: сборник научных трудов / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 162-163.

РАННЕСОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: УСПЕХИ И ОГРЕХИ

Современная практика государственной регуляции межнациональных взаимоотношений в России – стране, отличающейся исключительным этническим и культурным разнообразием, – прямо наследует калейдоскопу достижений и ошибок советской национально-культурной политики.

В отечественной истории «национальный вопрос» (к примеру, украинский, польский, еврейский и пр.) как предмет энергичного государственного регулирования впервые возникает задолго до Октябрьского переворота. Но если национальная политика императорской России в отношении инородцев имела твёрдую опору на ортодоксально христианские начала, то политические фигуры советского государства руководствовались соображениями принципиально иного толка, сформулированными в «канонических» программных текстах теоретиков классовой борьбы.

На заре советского государства круто обозначила себя идейная оппозиция В.И. Ульянова (Ленина) и И.В. Джугашвили (Сталина) на предмет правомерности упразднения онтологического статуса «национального вопроса». Первый настаивал на острейшей необходимости избирательного нивелирования национальных культур во имя «пролетарского интернационализма»; второй исповедовал принцип жёсткого подчинения национальных окраин административному центру, допуская существование «культурно-национальных автономий» под условием их полного выключения из политической жизни государства, фокусировки исключительно на решении «культурных» вопросов. Исход дискуссии решился в пользу «кремлёвского горца»; на смену знаменитому Кюстин-ленинскому фразеологизму «[царская] Россия – тюрьма народов» пришла сталинская идеологическая формула «СССР – семья народов».

Легитимизации культурно-национальных автономий предшествовала манифестация принципа самоопределения наций, идейно-концептуальные начала которого изложены в трудах австрийских социал-демократов К. Реннера (псевд. – Р. Шпрингер) и О. Бауэра, предпринявших теоретическое осмысление возможности этнокультурного обособления народности внутри суверенного государства. По теории источником и носителем национальных прав должны служить не территории, а сами нации (т.е. этнические сообщества), точнее национальные союзы, создаваемые на основе добровольного личного волеизъявления. Признаками такой автономии можно считать, во-первых, принцип добровольной этнической самоидентификации личности; во-вторых, экстерриториальность, позволяющую удовлетворять национальные интересы и права, не нарушая территориального status quo; в-третьих, признание национальных сообществ коллективными субъектами права, защищающими интересы сообщества [1, с. 40]. Судьба пионеров этноконфессиональной автономизации в постмонархической России различная: к примеру, национально-культурная автономия мусульман Сибири (татары, башкиры и др.), интенсивная работа по организации которой хронологически совпадает с революционным Февралём, добровольно-принудительно прекращает свою деятельность уже ко времени окончания Гражданской войны. А АССР немцев Поволжья, сумевшая добиться разрешения на употребление немецкого языка в школьном образовании и делопроизводстве, просуществовала почти 20 лет (с 1923 по 1941 гг.).

Довоенный период советской истории отмечен началом эксперимента по конструированию «советской» национальности, которой по замыслу организаторов отводилась решающая роль в надэтнической консолидации общества. Эксперимент, однако, вступил в прямой конфликт с процессом формирования национальной интеллигенции и с практикой т.н. «коренизации» – с кадровой политикой СССР 1920-1930-х гг., ориентированной на подготовку и выдвижение в национальных образованиях администраторов из числа представителей титульных национальностей для работы в государственных, общественных, хозяйственных структурах, в учреждениях культуры [2; 3, с. 76]. Во второй половине 1920-х гг. начинается «свёртывание» политики «коренизации» под лозунгом борьбы с национал-шовинизмом, сопровождавшееся эпизодичным купированием инициативы в области национально-языкового строительства [2], к несомненным достижениям которого следует отнести, например, создание письменности для ряда малочисленных народов Севера, кавказского региона, азиатской части страны, не имевших собственных алфавитов. В это же время появляется и обретает популярность театр, библиотечное и клубное дело, образование и печать на национальном языке (массовый советский читатель впервые знакомится с текстами устного прозаического и поэтического фольклора малых народностей Союза – эпосами, сказками, поэмами, загадками и пр.).

С начала 1930-х гг. предпринимаются системные меры (включающие и репрессивные мероприятия) по принудительной культурной унификации населения страны, ограничению миграционной активности представителей отдельных национальностей, рассматриваемых (в соответствии с критерием политической не-/благонадёжности) в качестве «классового врага». С началом Великой Отечественной войны ряд этнических групп стал жертвой «этнических» ссылок: в частности, в августе 1941 г. немцы Поволжья попадают под подозрение власти как единоплеменники страны-агрессора и выселяются на территорию Алтайского края (ныне немецкая диаспора Алтая – крупнейшая по численности во всей России; вторая – в Омской области); в феврале-марте 1944 г. по обвинению в пособничестве фашистским захватчикам массово депортированы чеченцы и ингуши на территорию Кулундинской степи, частью принадлежащую ныне южной территории Западной Сибири России, частью – северному Казахстану, а также на земли Средней Азии). В число депортированных также попадают русские, калмыки, эстонцы, турки-месхетинцы, корейцы, латыши, армяне, якуты, болгары, карачаевцы, крымские татары и др.

Принудительное переселение, насильственная ассимиляция народов, политические репрессии по национальному признаку неизбежно становятся для пострадавших этносов причиной тяжёлых культурных травм, лингвистических деформаций, дают моральное право для декламации громких обвинений в этноциде, охотно эксплуатируемых силами, живо заинтересованными в государственно-политической дестабилизации современной России.

Литература

1. Изергина Н.И., Изергина В.П. Национально-культурные автономии в реализации национальной политики Республики Мордовия // Социально-политические науки. 2012. № 2. С. 40-44.
2. Коренизация // Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010. URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/1682/коренизация.
3. Красильников С.А. Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибири в первой половине XX в. // Советская культурная политика и практика её реализации в Сибирском регионе: очерки истории. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2006. С. 64-91.

4. Соскин В.Л. Советская национально-культурная политика: логика, факторы, этапы // Национально-культурная политика и практика её реализации в Сибирском регионе в первой трети XX в. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2005. С. 5-56.

*С.Г. Щеглов, канд. ист. наук, доцент
Алтайский государственный университет;
О.В. Меженина, канд. ист. наук, доцент
Алтайский государственный университет*

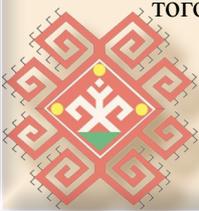
63

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ РОССИЙСКОГО ЭТНОФЕДЕРАЛИЗМА

Проблема административно-территориального устройства относится к числу важнейших для любого государства. Особенно ярко она проявляется в государстве полиэтничного характера с обширной территорией, каковой является современная Россия. Исторически наше государство было строго централизованным, но несмотря на это большевики на стадии образования советской России выбрали федеративное устройство. Понятно, что это произошло во многом вынужденно, т.к. необходимо было остановить окончательный распад некогда огромной империи, поэтому формирование федерации как 1918 г., так и в 1922 г. происходило отнюдь неестественным путем: где-то это было прямое «навязывание» автономии (как в случае с Дагестаном), а где-то путем подписания договора с обещаниями конкретных благ в будущем [5]. Таким образом, начал формироваться особый проект государственного устройства, который в науке часто именуют «этнофедерализмом». Именно такой вариант по наследству был выбран и современной Россией в начале 1990-х гг. Насколько он эффективен и есть ли необходимость подвергать наше государственное устройство каким-либо пертурбациям: эти и другие вопросы до сих пор не утихают в отечественной науке, что, несомненно, делает эту проблематику по-прежнему актуальной.

Федеративный договор, который был заключен 31 марта 1992 г., фактически построен по смешанному принципу, т.е. одни субъекты выделены по национальному признаку, другие же – по территориальному. Этот подход в своей основе был зафиксирован и в принятой 12 декабря 1993 г. Конституции РФ [2]. Однако четких критериев, отличающих «республики» от «не-республик», кроме этнического, наш Основной закон фактически не прописал. При этом гл. 3 содержит все необходимые принципы классической федерации, включая принцип равноправия субъектов РФ (ст. 3). Конечно, ряд преференций для республик наша конституция все же содержит, например установление второго государственного языка (п. 2 ст. 68).

Среди ученых существует дискуссия на тему возможной «конфликтности» нашего этнофедерализма. Одни утверждают, что Российская Федерация не единственная страна в мире с подобным государственным устройством, ссылаясь на такие (якобы «удачные») примеры, как Индия, Бельгия, Канада и др. [4, с. 46]. Другие опровергают «удачный опыт» этих стран, указывая на существование в них постоянного взрывоопасного фактора в виде этнического сепаратизма [1]. Нам же думается, что мировая практика свидетельствует о разрушающем действии национального-территориального фактора в истории многих стран (Австро-Венгрия, Югославия, СССР и т.д.). Кроме того, отрицать негативное воздействие на политическую систему современной России

асимметричности ее регионов по меньшей мере несостоятельно: процессы регионального сепаратизма в 1990-е гг. убедительно это доказывают. Даже если не брать конфликт между Федеральным Центром и Чеченской Республикой, который в настоящее время находится в латентной форме, то достаточно указать на продолжение политики «бюджетного» сепаратизма в некоторых республиках РФ (Татарстан, Башкирия и др.). Причем, несмотря на то, что с 2000-х гг. была провозглашена политика «усиления вертикали власти» и Россия вступила в очередную фазу «собираания земель», очевидная асимметрия в нашем федерализме сохраняется. Как же иначе можно объяснить то, что большинство дотационных регионов относятся в России именно к национальным республикам, благодаря чему уровень жизни в них гораздо выше, нежели во многих «нереспубликах». В частности, это касается Алтайского края и Республики Алтай. Так, Республика Алтай в 2013 г. находилась на шестом месте в списке регионов, получающих самые большие дотации федерального бюджета, что, видимо, и позволяет ей находиться на третьем месте списка регионов, лучше других переживающих кризис. При этом Алтайский край в списке по уровню жизни оказался практически на последнем месте (81 место), а в рейтинге российских регионов по уровню экономического развития – на 68-м месте [3].

Таким образом, споры о совершенствовании российского федерализма вполне уместны, т.к. путь на преодоление существующей асимметрии российских субъектов федерации способен не только снизить социально-психологический дискомфорт у населения от существования «богатых» и «бедных» регионов, но и сказаться на сохранении целостности нашей государственности в будущем.

Литература

1. Ачкасов В.А. Конфликтный потенциал этнофедерализма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. № 2. С. 27-43.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
3. Михайлов А. Семеро с сошкой, семьдесят с ложкой. URL: <http://m.profile.ru/economics/item/102059-semero-s-soshkoj-semdesyat-s-lozhkoj> (дата обращения: 24.04.2017).
4. Фарукшин М. Этнофедерализм: российский и зарубежный дискурс / Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 10. С. 40-51.
5. Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. М., 2003. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/modern/3988990/chapter/3/>

Я.С. Щетинина

Государственный художественный музей Алтайского края

**ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ТОЛЕРАНТНОСТИ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА ПОДРАСТАЮЩЕГО
ПОКОЛЕНИЯ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЕКТОРА «ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ КУЛЬТУРА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

65

В XXI в. проблемы сохранения, развития и возрождения традиционной народной культуры приобретают все большую актуальность. Музей рассматривается сегодня как важнейший институт, способный осуществить сохранение и актуализацию нематериального наследия, что, в свою очередь, требует внесения изменений в базовые музееведческие понятия, разработку принципов и методов работы, но и инструмент толерантности и межнационального единства.

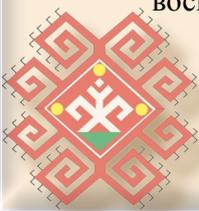
Проблема толерантности и межнационального единства подрастающего поколения сегодня является одной из самых актуальных. Толерантность формируется различными способами, но главное – это национальная идентичность, формируемая средствами культуры. В современных условиях наступления массовой культуры становится животрепещущей, довольно острой проблема формирования национального самосознания, осознания принадлежности к своему народу, к своим корням, воспитания духовно богатой личности. Большую ценность для подрастающего поколения имеют знания о происхождении народов, с представителями которых они вместе учатся, о своеобразии национального этикета, обрядов, быта, одежды, самобытности, искусства, художественных промыслов, праздников.

Музеи, являясь особыми социокультурными учреждениями, занимаются не только сохранением, но и трансляцией как материальной, так и нематериальной культуры. Музей несет аутентичную культуру в массы через предметы, традиции, технологии, осуществляя тем самым их популяризацию в контексте формирования навыков толерантности. В качестве примера следует привести Государственный художественный музей Алтайского края, в котором в 1994 г. в результате реорганизации центра фольклора и народных ремесел был создан отдел реконструкции и реставрации традиционной русской культуры (в 2012 г. он был переименован в сектор научно-исследовательского отдела).

Основными направлениями работы сектора являются научно-исследовательская и коммуникативная деятельность. В результате проводимых научных исследований был сформирован массивный пласт по культурному наследию старожилов Алтая – начиная с 1994 г. на территории Алтайского края и Республики Алтай были проведены 33 фольклорно-этнографические экспедиции [2].

Приоритетным направлением сектора «Традиционная русская культура» является актуализация культурного наследия, осуществляемая посредством таких коммуникативных форм, как интерактивные экскурсии и лекции, мастер-классы по традиционным ремеслам.

Экскурсионная деятельность в контексте толерантности воспитания подрастающего поколения представляет собой особое направление, т.к. является частью системы воспитательных мероприятий в рамках таких направлений, как краеведение и музей-

ная педагогика. Так, сотрудниками ежегодно создаются музейные выставки на основе этнографических коллекций и изделий современных мастеров и художников, которые занимаются народными промыслами. Специально для таких выставок разработаны интерактивные экскурсии для всех возрастов, в ходе которых посетители знакомятся с традиционным устройством жилища, эстетикой народного быта, примеряют традиционный костюм и становятся полноправными участниками коммуникативного процесса.

На данных выставках проводятся и мастер-классы по освоению старинных традиционных ремёсел, рукоделий и фольклора. На занятиях посетители осваивают множество техник рукоделий, таких как ткачество, тряпичная и глиняная игрушка, уралосибирская роспись, что позволяет им познакомиться с наследием старожилов Алтая.

Сотрудниками сектора разработаны интерактивные игровые музейные и выездные программы для дошкольных учреждений и учащихся школ и вузов. Важное место среди программ занимает цикл занятий, включающий в себя рассказ о календарных праздниках (Рождество, Масленица, Пасха, Троица) с показом игр, забав, с включением элементов фольклора. Специфика таких занятий заключается в том, что каждый присутствующий является не только зрителем и слушателем, но и активным участником происходящего действия.

С 2010 г. сектор проводит «Фестиваль вертепных театров», который призван вернуть в современную жизнь традицию вертепных представлений, отражающих главную идею рождественских и святочных дней. Популяризировать это уникальное явление культуры и объединить людей, заинтересованных в развитии и распространении вертепных театров, помогают приглашенные фольклорные коллективы Алтайского края и соседних регионов.

Сектор «Традиционной народной культуры» – постоянный участник международной акции «Музейная ночь», для которой каждый раз разрабатываются интересные интерактивные программы с мастер-классами, для всех посетителей готовятся для продажи сувениры – тряпичные куклы и керамические игрушки [3].

В контексте гражданско-патриотического воспитания специально для многодетных семей разработаны циклы занятий «Клуб многодетных семей», «Не меньше трех рецептов красоты», состоящие из теоретической и практической частей. В практических занятиях активное участие принимают сотрудники сектора «Традиционная русская культура» в виде культурно-массовых и культурно-просветительских мероприятий: музейных праздников, мастер-классов, творческих мастерских, интерактивных программ, праздничных вечеров, посвященных какой-либо знаменательной дате музея,

города, края, страны.

Каждый четверг на базе музея проходят занятия студии народно-художественного творчества «Солнцеворот». Участники студии знакомятся с народным календарём и традиционным рукоделием, фольклорными образцами, изготавливают своими руками сувенир. Приятным моментом для гостей студии являются посиделки с чаем, песнями и развлечениями (ил. 1).

Следует отметить, что включение молодежи в интерактивную культурную традицию наро-

да является очень эффективным направлением совершенствования патриотического воспитания. Примером могут служить фестивали по традиционным промыслам.

В январе 2015 г. сотрудниками сектора «Традиционной русской культуры» был подготовлен пилотный проект первого на Алтае фестиваля «День сибирского валенка».

Удачный опыт пилотного проекта обусловил проведение II и III Краевого фестиваля «День сибирского валенка», который собирает профессиональных и самодеятельных мастеров, частных лиц и представителей государственных учреждений. Центральной фигурой данного мероприятия стал русский валенок, с давних времен приобретший всенародную любовь (ил. 2).

Целью фестиваля было знакомство молодежи с традиционными ремеслами, бытовавшими в Алтайском крае, старожильческим костюмом, фольклором, популяризация пимокатного промысла и демонстрация возможности использования его продукции в гардеробе современного человека [1].

Программа фестиваля была разнопланова, с богатым потенциалом, включающая в себя выставки, конкурсы, дефиле и мастер-классы (ил. 3).

В рамках фестиваля состоялось открытие выставки этнографических экспонатов и современных дизайнерских валенок, одежды и изделий из войлока «Каждым ножкам – по валяным сапожкам», отобранных по итогам конкурса и голосования на сайте «Традиционная народная культура Алтайского края» (www.altradition.ru) в рубрике «Ярмарка талантов». Активное участие приняли мастера разных возрастов – от 9 до 70 лет.

На фестивале прошли мастер-классы «Сам себе пимокат» по различным видам валяния. Попробовать себя в роли пимоката смогли гости фестиваля, которым предлагалось самостоятельно изготовить сувенирные валенки, броши и бусы.

Популяризацию игрового и песенного наследия в ходе фестиваля осуществляла студия народного творчества «Солнцеворот», предложившая святочную программу. Завершился фестиваль народными гуляниями с играми и гаданием на валенках.

Таким образом, Государственный художественный музей Алтайского края в рамках работы сектора «Традиционная русская культура» актуализирует народные традиции музейными средствами, активно занимается изучением, сохранением и популяризацией нематериального культурного наследия региона. Трансляция собранного в рамках экспедиций нематериального историко-культурного наследия осуществляется как в интерактивных, так и в традиционных видах деятельности, направленных на изучение ремёсел, игрового и песенного фольклора. Указанные направления музейной дея-

тельности способствуют формированию навыков толерантности и межнационального единства подрастающего поколения, популяризации традиционной культуры и привлекательности музея.

Литература

1. Государственный художественный музей Алтайского края. URL: <http://ghmak.ru/index.php/events>.
2. Научный архив ГХМАК за 1994-2017 гг.
3. Щетинина Я.С. Музейная ночь как способ популяризации традиционной народной культуры (на примере опыта сектора «Традиционная русская культура» Государственного художественного музея Алтайского края // Культура в жизни человека и общества (Современные стратегии развития культуры и сохранения культурно-исторического наследия): материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул: РИО АКУНБ, 2014. С. 91-92.

*М.А. Широкова, доктор филос. наук, доцент
Алтайский государственный университет*

СООТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ГОСУДАРСТВА В КОНСЕРВАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Как политико-философская и идеологическая система консерватизм оформился в конце XVIII – начале XIX в. Хотя стоит отметить, что сами родоначальники европейского консерватизма (Э. Берк, Ж. де Местр, Л. де Бональд и др.) в качестве своих прямых предшественников называли Аристотеля и Фому Аквинского. Действительно, уже Аристотель обосновал естественно-природную концепцию власти, возрожденную впоследствии консерваторами, а также создал классическое представление о государстве как воплощении идеи блага и справедливости. Известно, что Аристотель скептически относился к демократии, полагая, что политика – это занятие для «лучших» среди граждан («аристократов»), способных своим разумом постичь законы устройства мира в целом и общества как его части.

В Средние века Фома Аквинский, продолжая идеи Аристотеля и встраивая их в христианскую ценностную традицию, говорил о «естественном законе» («lex naturalis»). Естественный закон присущ миру человеческому, который, в силу своей тварности, занимает подчиненное положение по отношению к Богу. Для утверждения естественного закона необходим божественный закон, т.к. человек ставит перед собой цели, превосходящие его естественные способности. Человеческий разум ограничен, он не может быть признан источником закона, поскольку ограничена и противоречива сама человеческая природа. Разумеется, и для Аристотеля, и для Фомы Аквинского была абсурдной сама мысль о том, что человек от природы наделен некими «естественными правами» и может ими распоряжаться, как это стали утверждать просветители Нового времени.

И все же в строгом смысле нельзя говорить о консерватизме Древнего мира или Средневековья, поскольку политический консерватизм возникает как конкретно-историческое явление, оппозиционное духу Французской революции и подготовившим ее идеям либерального Просвещения. Но несмотря на то, что консерватизм представлял

собой альтернативу Просвещению (а скорее, благодаря этому), консервативные авторы оказались поставлены перед необходимостью выработать собственную концепцию образования и воспитания. Государство, по их мнению, обязано подходить со всей серьезностью к проблеме образования, т.к. именно от ее разрешения зависит будущее народа. Согласно высказываниям немецких романтиков, «эпоха требует решения», великой альтернативы, не допускающей компромисса. Решение должно быть найдено именно в той сфере, где происходит борьба за умы и сердца людей. Аристотель в своей «Политике» писал: «Едва ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб. Ведь воспитание должно соответствовать каждому государственному строю...» [1, с. 628].

Консервативные философы были едины в своем неприятии революции, порвавшей с традициями, с Божественным законом, а также в критике идеологии Просвещения. Оптимистическому взгляду просветителей на природу человека, их вере в возможности человеческого разума, способного самостоятельно перестроить мир в соответствии с принципами свободы и общего блага, консерваторы противопоставляют идею греховности, несовершенства человеческой природы. Отсюда все умозрительные проекты создания разумного государства путем революций или кардинальных реформ обречены на неудачу, поскольку нарушают естественный порядок вещей.

В человеке, как утверждал Э. Берк, переплетено рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное. Это и предопределяет сложность и противоречивость мира политики – области «запутанного», с множеством «темных и скрытых сил», которая никогда не сможет стать полностью прозрачной для разума и не поддается препарированию с помощью абстрактных схем [3, с. 180]. «Человеческая природа сложна и запутана, общественные интересы тоже сложны чрезвычайно, и, значит, нет такого политического направления, нет такой власти, которая устраивала бы каждого. Когда я слышу о простоте плана, целью которого является новое политическое устройство, я не могу отделаться от мысли, что его изобретатели не знают своего ремесла или пренебрегают своим долгом. Идея простого политического устройства порочна, чтобы не сказать больше» [2, с. 72]. Любое познание средствами человеческого разума, в т.ч. и познание политическое, имеет свои пределы, и задача государственного деятеля – вовремя остановиться перед сферой непознаваемого, чтобы не спровоцировать в обществе революционный хаос.

Несмотря на отрицание просветительской парадигмы мышления, свой понятийный аппарат представители консервативной мысли практически целиком составляют из концептов философии Просвещения. Понятия «индивид», «общее благо», «народ» и даже «традиция», как и целый ряд других, были разработаны в XVIII в. Вольтером, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Ведя полемику с либеральными идеологами, консерваторы переосмысливали их язык.

Родоначальники либерализма фактически отождествляли народ с государством. Народ в их представлении является сувереном, который ни от кого не получает власть, а создает ее самостоятельно путем общественного договора. Народ есть субъект власти, способный конституировать сам себя. Однако народ – лишь абстрактное «политическое тело». В своем конкретном проявлении он состоит из индивидов, каждый из которых осознает свой партикулярный интерес. Частные интересы, соединяясь в общество, и составляют «всеобщую волю». Таким образом, индивид является источником власти от природы. При этом понятие «природа» не определяется просветителями. Точнее, имеют место различные, даже противоположные, взгляды на природу человека: от безусловно злой и эгоистичной (Т. Гоббс, Б. Спиноза) до безусловно доброй (Ж.-Ж. Руссо). Тем не менее именно человеческая природа признается источником «всего».

В консервативной же системе мышления «человек никогда не объясняется из него же самого, но описывается как часть некоей – социальной или мистической – тоталь-

ности: либо общности (народ, государство, нация), либо того, что эту общность сплачивает (религия, культурная традиция и т.д.)» [3, с. 182]. В таком случае политика – это естественная среда существования человека, которая во многом определяет его качественное отличие от животного мира и обеспечивает удовлетворение его потребностей. Государство же трактуется как своеобразное образовательное учреждение, спасающее человека от его собственного несовершенства.

Литература

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 3. 832 с.
2. Полякова Н.В. Консервативная концепция образования: сравнительный анализ европейской и российской традиции // Политика и образование. Альманах по философии образования, эвристике, методологии и методике преподавания социогуманитарных дисциплин. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2008. С. 180-193.
3. Берк Э. Размышления о революции во Франции. М.: «Рудомино», 1993. 143 с.

Секция «Проблемы развития родного языка и межкультурной коммуникации»

*Т.Н. Василенко, канд. филол. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ В БЮИ МВД РОССИИ

Обучение русскому языку как иностранному (далее – РКИ) представляет собой не только обучение языку, но и часть процесса межкультурной коммуникации, а именно формирование межкультурной компетенции обучающихся на всех уровнях: языковом, коммуникативном и культурном. Основное направление обучения иностранных студентов русскому языку – диалог культур, родной и русской [4]. Целью статьи является описание методов и приемов формирования общекультурных и профессионально ориентированных компетенций иностранных специалистов, обучающихся в БЮИ МВД России.

Существует несколько определений термина «межкультурная компетенция». Межкультурная компетенция может быть определена как показатель сформированности способности человека эффективно участвовать в межкультурной коммуникации [1]. Под межкультурной компетенцией А.В. Хуторской понимает способность к взаимодействию, в основе которой лежат знания, умения и навыки, полученные в процессе межкультурно-коммуникативных контактов [7]. Н.Н. Васильева определяет межкультурную компетенцию как знание специфических особенностей того или иного социума, оказывающих влияние на формирование поведения личности, использование ею определенных невербальных компонентов на основе национально-культурных ценностей, обычаев и традиций [2]. А.П. Садохин трактует межкультурную компетенцию как комплекс знаний и умений личности, который используется для эффективного процесса межкультурного взаимодействия с одновременным осуществлением проверки результатов коммуникации с помощью обратной связи. В основу межкультурной компетенции А.П. Садохин включает языковую, коммуникативную и культурную составляющие [5].

Основными и обязательными признаками межкультурной компетенции являются:

- открытость к познанию чужой культуры и восприятию психологических, социальных и других межкультурных различий;
- психологический настрой на кооперацию с представителями другой культуры;
- умение разграничивать коллективное и индивидуальное в коммуникативном поведении представителей других культур;
- способность преодолевать социальные, этнические и культурные стереотипы;

- владение набором коммуникативных средств и правильный их выбор в зависимости от ситуации общения;
- соблюдение этикетных норм в процессе коммуникации [3].

Не вызывает сомнений признание лингвокультуроведческой компетенции в качестве базовой составляющей компетенции коммуникативной [4]. На занятиях по РКИ основной задачей является формирование языковой компетенции, или шире – лингвокультуроведческой. «Традиционно считается: наиболее “культуроносными” разделами языка являются лексика (особенно безэквивалентная) и фразеология» [4]. Например, выполнение упражнений, направленных на поиск соответствия пословиц и устойчивых выражений в родном и русском языках, позволяет сформировать адекватное понимание и воспроизведение фразеологизмов и безэквивалентной лексики, что, в свою очередь, зачастую представляет затруднения для носителей языка. В данном контексте имеется в виду общекультурная компетенция.

В нашем случае, когда речь идет о дальнейшей профессиональной подготовке иностранных слушателей (которая осуществляется на русском, иностранном для них, языке), особенно важным становится формирование профессионально ориентированной межкультурной компетенции. Межкультурная компетенция в сфере профессиональной коммуникации есть «совокупность знаний о родной и иноязычных культурах; умений и навыков понимать и адекватно использовать в речи межкультурную лексику; применять знания о культуре носителей языка в профессионально направленных ситуациях иноязычного речевого контакта; умение добиваться успеха в условиях профессиональной межкультурной коммуникации» [6].

На занятиях по РКИ и в рамках консультативной помощи иностранным специалистам в БЮИ МВД России применялись следующие методы и приемы формирования межкультурной профессиональной компетенции: 1) разбор юридической терминологии; 2) сопоставление норм права РФ, Таджикистана и Киргизии (например, в сфере контроля за оборотом наркотиков); 3) обсуждение общественно-политических проблем с юридической точки зрения (например, дискуссия на тему запрета азартных игр на территории РФ, за исключением специальных игровых зон); 4) деловые игры по тематике будущей профессиональной деятельности (например, допрос свидетелей и подозреваемого с соблюдением этики обычного и профессионального общения) и др.

Таким образом, основными средствами и способами формирования и совершенствования межкультурной компетенции как на общекультурном, так и на профессионально ориентированном уровне, использованных при обучении иностранных специалистов БЮИ МВД России, являлись сравнительный анализ фразеологизмов, семантизация юридических терминов, сопоставление правовых норм в РФ и странах Центральной Азии, дискуссии на значимые общественно-политические темы, деловые игры и пр.

Литература

1. Белая Е.Н. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Омск, 2008.
2. Васильева Н.Н. Межкультурная компетенция. Стратегии и техники ее достижения. URL: <http://rspu.edu.ru/university/publish/journal/lexicography/conference/vasilieva%0N.ht> (дата обращения: 11.05.2017).
3. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2002.
4. Литвинко Ф.М. Формирование лингвокультуроведческой компетенции при обучении РКИ. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/12640/> (дата обращения: 11.05.2017).
5. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М., 2009.
6. Сергеева Н.Н., Походзей Г.В. Развитие иноязычной межкультурной компетенции студентов неязыковых специальностей в системе профессионально-ориентированно-

го языкового образования: монография. Екатеринбург, 2014. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/381/1/mon00003.pdf> (дата обращения: 11.05.2017).

7. Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Эйдос: интернет-журнал. 2005. 12 дек. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm> (дата обращения: 11.05.2017).

*Т.В. Варлакова, канд. филол. наук, доцент
Омская академия МВД России*

73

РАЗВИТИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ ЭТИМОЛОГИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОМОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В современном языкознании широко представлены работы, посвященные проблемам омонимии, в т.ч. в сфере фразеологии. Процессы омонимизации, образование формально тождественных, но не совмещающихся в своих значениях фразеологических единиц рассматриваются как проявление постоянной эволюции языковой системы, как закономерность. При этом семантические и функциональные особенности исследуемых омонимов демонстрируют богатый потенциал, которым обладают не только лексические, но и фразеологические единицы [2, с. 59].

Большое значение для укрепления межнациональных отношений, развития межкультурной коммуникации, на наш взгляд, имеет изучение слушателями, прибывшими для обучения в Омскую академию МВД России из иностранных государств, исторических процессов, этимологических особенностей, которые отражают образование фразеологических единиц и их омонимов. Так, в нашей картотеке представлены омонимы-фразеологизмы: **во веки веков 1** – «*всегда, вечно, навсегда, навечно*», *качественно-обстоятельный*; **во веки веков 2** – «*никогда*», *качественно-обстоятельный*; **во веки веков 3** – «*вечный*», *призначный*. На библейское происхождение фразеологизмов омонимического ряда **во веки веков 1, 2, 3** указывают данные историко-этимологического справочника «Словарь русской фразеологии»: «И ныне, и присно, и во веки веков. *Книжн., архаич.* Сейчас и всегда, вечно. Выражение церковно-славянское. Заключительные слова церковных молитв и песнопений» [1, с. 72]. Примеры из нашей картотеки подтверждают не только безусловную отнесенность исследуемых фразеологических единиц к библейским текстам, но и представленность цитат из Библии в современных произведениях: *Раскинув руки, Пелагия бесшумно и свободно летела сквозь пустоту навстречу шуму, реву и плеску... и присно, и во веки веков. Аминь. Б. Акунин. На Бога уповали бедного, Но теперь узнали: нет его – Ныне, присно и вовек веков! В. Высоцкий.*

Приведем примеры употребления вышеназванных фразеологических единиц из собранного нами иллюстративного материала, которые подтверждают сохраняющуюся связь семантики, функционирования омонимов с историей, ментальностью русского народа:

Во веки веков 1 – «*всегда, вечно, навсегда, навечно*»,
качественно-обстоятельный.

И во веки веков, и во все времена Трус, предатель – всегда презираем, Враг есть враг, и война все равно есть война, И темница тесна, и свобода одна – И всегда на нее

уповаем. В. Высоцкий. *Тетка, черная твоя душа, будь же ты проклята во веки веков!* Ч. Айтматов. – *А кто ее (страну. – авт.) строил во веки веков? Не крестьянин?* В. Шукшин.

Во веки веков 2 – «никогда», качественно-обстоятельный.

– *Да уж, matka, если на то пойдет, отольются волку овечьи слезки. Во веки веков не затмится в головушке моей поношению... И. Лажечников. Словом, какое-то беспрестанное воровство самых элементарных человеческих радостей, воровство, в котором не нуждалась ни во веки веков ни одна горничная, получающая восемь рублей в месяц. Г. Успенский. «Чао, соли» (до свидания, солнце) – эти слова и этот пейзаж мне не забыть во веки веков. «Моя милиция». 2008, № 12.*

Во веки веков 3 – «вечный», призначный.

[Ефимия:] – *Шлю на тебя проклятие во веки веков, ирод! А. Черкасов. [Степанида:] Обреки, господи, мя на муки мученические, нету мне оправданья отныне!.. Молю тя о прощении во веки веков! М. Алексеев [3, с. 35-36].*

Понимание истоков возникновения, закрепления особенностей сочетаемости с другими единицами, языковых традиций в использовании фразеологизмов позволяет иностранным слушателям более свободно ориентироваться в современной российской действительности, избегать коммуникативных неудач, строить свою речь в соответствии с русскими национальными речевыми предпочтениями.

Обратимся к этимологическим особенностям других фразеологических омонимов. Частотными в речи как русских обучающихся, так и иностранных слушателей являются единицы: **будь здоров 1** «большой, огромный, сильный», призначный; **будь здоров 2** «сильно, здорово», качественно-обстоятельный; **будь здоров 3** «вежливое восклицание – пожелание здоровья при чихании; выражение одобрения; формула прощания», модальный. В историко-этимологическом справочнике [1] описаны, сопоставлены, систематизированы выводы различных исследователей в отношении происхождения данных фразеологизмов. Так, фразеологизм **будь здоров** в значении «большой, огромный, сильный», как полагают авторы словаря, выражение собственно русское, известное с XX в., представляет собой контаминацию восклицания при чихании и слова «здоровый, сильный». Фразеологический оборот **будь здоров** в значениях «1) вежливое восклицание – пожелание здоровья при чихании; 2) формула прощания; 3) выражение одобрения, высокой степени оценки», модальный, рассматриваемый в качестве восклицания при чихании, является восточнославянским по происхождению, восходит к анимистическому верованию о том, что чихание есть следствие соприкосновения человека с каким-то духом. Поэтому данное вежливое восклицание имело охранительное значение. В настоящее время такой оборот употребляется как простое пожелание здоровья. Кроме того, фразеологизм **будь здоров**, относящийся к модальным, во втором значении издавна употреблялся как формула прощания. Третье значение данного фразеологизма «выражение одобрения, высокой степени оценки», отмечают исследователи, появилось относительно недавно, зародилось в молодежной речи, имеет жаргонный характер, наиболее часто передает положительный эмоциональный настрой говорящего, его оценку увиденного или услышанного [1, с. 208-209]:

Будь здоров 1 «большой, огромный, сильный», призначный.

Деньги на курортах (Болгарии) крутятся – будь здоров, поэтому иногда в воздух взлетают машины лидеров мафии – делят территорию. «АиФ». 2005, № 29.

Будь здоров 2 «сильно, здорово; очень хорошо; много», качественно-обстоятельный.

– *После войны платили будь здоров, – вздыхает Шпрехт. – Ценили. Г. Щербакова «У ног лежачих женщин». Взрослый ум обращается с фактами вольно, он их тасует, он от них освобождается, он их подменяет, одним словом, полагаясь на ум, ты полагаешься на вещь не безусловно точную – ум химичит будь здоров. Г. Щербакова «Армия любовников».*

Будь здоров 3 «вежливое восклицание – пожелание здоровья при чихании; выражение одобрения; формула прощания», модальный.

– Ладно! Будь здоров! – сказал он (Александр Семенович. – авт.) равнодушно, протягивая руку. Б. Лавренев. – До приятного свидания, – заключает лакей. – Будьте здоровы! Г. Успенский. Речка между нами протекает, товарищ лейтенант. Вы на этом берегу, а я – на том. Давно переплыл я ее. И, будь здоров, по ноздри нахлебался. Ю. Бондарев.

В заключение подчеркнем, что идентификация фразеологических омонимов русского языка осуществляется на основе культурно-исторического наследия, изучения этимологии каждой отдельной фразеологической единицы. Работа с материалом этимологического характера на занятиях по русскому языку как иностранному создает условия для более успешного усвоения особенностей употребления единиц различных уровней русского языка, интенсивного развития межкультурной коммуникации носителей разных языков.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб., 1999.
2. Варлакова Т.В. Особенности семантики и функционирования многочленных фразеологических омонимов библейского происхождения // И вновь продолжается бой...: сборник научных статей, посвященный юбилею С.Г. Шулежковой. Магнитогорск, 2010. С. 59-62.
3. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н.А. Павловой. М., 2010.

*Е.В. Гнездилова, канд. пед. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России*

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Академик Д.С. Лихачев писал: «Филология – наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности, нужная для развития национальных культур. Она оправдывает своё название (“филология” – любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, уважение и интерес ко всем словесным культурам. Она стоит в начале культуры и завершает её» [2].

Никому не нужно доказывать ценность родного языка. Родной язык – это характер народа, его память, история, духовное могущество. В нем отображаются обычаи и традиции народа, быт, ум, опыт. Язык обеспечивает народу неповторимость, историческую наследственность, сохранность его культуры. Родной язык является основой родословной, соединяет род и семью. Каждый народ бережет свой язык, свою речь – это его культура. Пока человек это хранит, он является полноценным представителем своего народа. К.Д. Ушинский отмечал: когда исчезает язык – народа больше нет!

Что необходимо делать, чтобы сохранить всё культурное разнообразие человечества, все, даже самые малораспространенные языки? В России, по данным ЮНЕСКО, 136 языкам угрожает опасность исчезновения, причем 20 считаются вымершими (айна-

ский, юский, югский). 22 языка находятся на грани забвения, среди них алеутский, терско-саамский, ительменский. В серьезной опасности – 29 (например, нивхский, чукотский, карельский). Еще 49 языкам причислена категория «под угрозой исчезновения». К группе уязвимых относят 20 языков, в число которых неожиданно попали чеченский, тувинский, калмыцкий, якутский. Удручающая картина, особенно если учесть, что эти языки обладают статусом государственных языков республик нашей страны.

Главным регионом лингвистического риска является Сибирь. Если раньше значительная часть местного населения говорила на коренных языках, то сейчас такого языкового разнообразия нет – более 30 языков в той или иной степени находятся в опасной зоне, причем в большинстве случаев ситуация настолько критическая, что требует принятия мер по возрождению и развитию языка.

Алтайский язык наравне с русским является государственным в соседнем с нами регионе. Это живая речь коренного населения Республики Алтай, связующая нить его культуры, традиций и обычаев. Но довольно часто на этой территории можно встретить молодых людей, детей младшего возраста, которые не владеют алтайским языком вообще. Почему? Что происходит с алтайским народом, а особенно с молодым поколением?

Учителя алтайского языка называют следующие проблемы. Это нехватка учебников, нестабильность графика уроков алтайского языка, нежелание детей заниматься алтайским языком (доходит даже до того, что приходится встречать детей с предыдущих уроков и сопровождать их до класса). Дети пропускают занятия, а большинство родителей предпочитают, чтобы ребята посещали профильные предметы для поступления в вузы, и т.д.

На сегодняшний день результаты таковы, что некоторые дети старших классов не изучали алтайский язык вообще, т.к. в свое время не была сформирована группа, т.е. было мало желающих. Сейчас, однако, у детей есть возможность посещать алтайский язык со второго класса один раз в неделю, но как факультатив (!!!).

В детском саду русских детей обычно больше, чем алтайских, поэтому речь последних развивается опять же на русском языке. В том, что дети плохо владеют алтайским, есть доля вины родителей. Необходимо в семьях уделять больше внимания родному языку. Что же есть на вооружении у родителей? К сожалению, ни в библиотеках, ни в книгоиздательстве нет ни букваря, ни азбуки с картинками на алтайском языке. В век цифровых технологий можно решить проблему нехватки учебников, если перевести их на электронный вариант, создать электронные библиотеки. А в интернете нет ни одного сайта на алтайском языке – ни для детей, ни для взрослых. О компьютерных играх, развлекательных программах, мультфильмах речь уже не идёт.

Учёные-лингвисты Республики Алтай осознают всю важность проблемы и ищут пути её решения. Так, Научно-исследовательским институтом алтаистики завершён большой труд – подготовлен к публикации двухтомный русско-алтайский словарь. Это издание является вторым в истории Алтая после опубликованного в 60-е гг. прошлого века словаря под редакцией Н.А. Баскакова и В.Н. Тадыкина. Кроме того, НИИ осуществлена подготовка алтайско-русского словаря. Сегодня ученые вплотную подошли к решению этой задачи. Сотрудниками уже изданы словари общественно-политических и других терминов, краткий алтайско-русско-английский словарь. Другой перспективный блок связан с изданием фольклорных текстов – эпоса и других жанров устного народного творчества. В прошлом году был опубликован целый ряд таких работ. Ученые продолжают реализовывать свои старые проекты, в частности серию «Алтай баатырлар».

По мнению педагогов, занимающихся этой проблемой, кроме названных решений необходимы определённые условия, чтобы алтайский язык развивался и употреблялся молодым поколением алтайской национальности:

- введение республиканского закона об обязательном изучении алтайского языка детьми алтайской национальности;
- усиление связи и совместной деятельности между разными ведомствами – Министерством образования Республики Алтай (РА), РИПКРО, Институтом алтаистики РА, управлением образования администрации города, СМИ;
- оснащение кабинетов алтайского языка оборудованием (интерактивной доской, телевизором, широким экраном, проектором);
- создание учебных электронных ресурсов на алтайском языке (интернет-сайта, интернет-страниц при управлении образования г. Горно-Алтайска, интернет-библиотеки алтайской литературы, учебников, пособий); создание компьютерных игр, кроссвордов, аудио- и видеуроков для начинающих;
- обеспечение условий для повышения квалификации и получения опыта через стажировки в национальных регионах – в Башкирии, Татарстане, Туве, Хакасии и т.д.;
- общественная работа с родителями для повышения мотивации изучения детьми родного языка.

Проблема сохранения алтайского языка представляется во взаимодействии с культурологией и даже экологией. Сохранение языка, культуры, народных традиций, бережение природных богатств территории, на которой этот народ издревле проживает, тесно взаимосвязаны. Язык – важнейший признак этноса, но сам по себе он существовать не может [1].

Также следует повысить ответственность журналистов, ученых за сохранение чистоты и правильности языка, соблюдение норм литературного языка. Обладание культурой родной речи, правильными литературными нормами языка – это неразрывная часть общей культуры человека. И поэтому борьба за чистоту родного языка, культуру речи – священный долг каждого, кто любит свой родной язык, свою культуру, свой народ и дорожит ими.

Необходимо признать, что для всего человечества важно существование каждого из почти семи тысяч языков мира. Каждый из этих языков уникален по своей природе и предназначен для человека как живое духовное наследие, нуждающееся в сохранении и бережном отношении.

Литература

1. Абдулхаков Р.Р. Проблема исчезновения языков // Филологические науки в России и за рубежом: мат-лы II междунар. науч. конф-ции (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). СПб.: Реноме, 2013. С. 33-37.
2. Лихачев Д.С. Письма о добром. СПб.: «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1999. 238 с.

*А.Н. Домашев, канд. филол. наук
Алтайский государственный университет*

ЯЗЫК КАК ОСНОВА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Язык, являясь основой этнической культуры, обладает теми же качествами, что и сама культура. В этом смысле можно сказать, что язык – зеркало культуры. Язык обеспечивает реализацию отдельных функций культуры в жизнедеятельности этнической общности.

Вопрос о том, как именно связаны язык и культура, обсуждается в науке длительное время. Первые попытки решения этой проблемы усматривают в трудах Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835). Основные положения его концепции можно свести к следующему: 1) материальная и духовная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма; 3) внутренняя форма языка – это выражение «народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. В работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» Гумбольдт писал: «В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне <...>. И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [3, с. 37]. В России идеи Гумбольдта о влиянии языка на народное сознание развивал А.А. Потебня (1835-1891), крупнейший отечественный филолог-мыслитель. А.А. Потебня находил органическое участие национального (этнического) языка не только в формировании народного мировосприятия, но и в самом развертывании мысли: «Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного к другому, изменяет вместе с тем характер и направление течения своей мысли, притом так, что усилие его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение ее влияет лишь посредственно. Это усилие может быть сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы» [3, с. 37]. Концепция В. Гумбольдта получила также развитие в работах Ш. Балли, Ж. Вандриеза, И.А. Бодуэна де Куртэне, Р.О. Якобсона и других исследователей. Таким образом, целый ряд исследователей понимали язык как духовную силу, которая формирует культуру. На основе трудов В. Гумбольдта Эдвард Сепир и Бенджамин Ли Уорф разработали так называемую гипотезу лингвистической относительности. В основе этой гипотезы лежит убеждение, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Для ее сторонников реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. В теории Сепира – Уорфа язык рассматривается как фактор, обуславливающий способ мышления и познания окружающего мира говорящего на нем народа. Данная гипотеза получила поддержку и дальнейшую разработку в трудах Л. Вейсгербера, в его концепции языка как «промежуточного мира», стоящего между объективной действительностью и сознанием. Гипотеза лингвистической относительности оценивается современными учеными далеко не однозначно. Тем не менее именно с помощью данной гипотезы могут быть осмыслены многие факты языковой действительности. Таким образом, язык включен в культуру, т.к. «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Язык является такой силой этнической культуры, посредством которой она себя выражает, открывает внешнему миру свое внутреннее содержание. Э. Сепир в 1929 г. в работе «Положение лингвистики как науки» охарактеризовал язык как документ, без изучения которого невозможно познание сущности культуры [7]. Язык дает особое имя всем предметам и явлениям своего культурного мира. Имя, которое дается образу сознания, вырастает из действия и несет в себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия). Языковое сознание – опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [5]. А.А. Леонтьев в связи с этим подчеркивал, что этнически обусловленное сознание нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа [5, с. 166].

Культура живет и развивается в «языковой оболочке». Этнический образ сознания, ассоциированный со словом – это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре. «Назвать» – значит приписать определенное значение, а приписать определенное значение – значит, понять, включить в свое сознание. За словом родного языка, которым ребенок овладевает в онтогенезе, стоит целостный образ сознания, состоящий из двух слоев: бытийного (включающего биодинамическую ткань живого движения и действия и чувственный образ) и рефлексивного (включающего значение и смысл) [5, с. 169]. За телом знака (словом в его звуковой или графической материальности) стоит живая клеточка образа мира конкретной культуры. Таким образом, представитель этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи объективного мира. В значениях, в отличие от личностного смысла, фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущего тому или иному этносу. Каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Но если каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинками мира». Отсюда заключаем, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке. Следовательно, каждый конкретный язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира [2]. Роль языка как фактора образования и сохранения национальности возрастает по мере развития у нее общего и национального сознания. В процессе общения людей передается в первую очередь мысль, сознание как субъективное отражение объективной реальности. Так, индивидов сплачивает мысль, мысль, имеющая общезнаменное значение, укрепляет внутриэтническую монолитность национальности. Но поскольку мысль облекается в конкретную языковую форму, она распространяется в народе вместе со своей «непосредственной действительностью» – языком.

Защищая язык, его носители защищают свой этнос, потеря языка признается ими как предварительное условие потери самой этничности. Как верно заметил Р. Бэк: «Выше всего любовь к материнскому языку поднимается там, где господство чуждой национальности угрожает подавить родной язык: в этом проявляется инстинктивно пассивное сопротивление национального духа» [1].

Язык существует в различных формах: язык как система, язык как процесс, т.е. как речь, язык как языковая способность, т.е. как способность человека производить и воспринимать речевые сообщения в ходе речевого общения. Функционирование языковой способности у человека предполагает знание определенной совокупности языковых знаков, системы грамматических правил. Можно сказать, что член этнической общности владеет языком, если он обладает следующими умениями и навыками:

- восприятие звуковой цепи и членение ее на языковые единицы;
- формирование/конструирование содержания высказывания;
- формирование/конструирование смысла речевого высказывания;
- производство речевого высказывания, отображающего необходимую автору высказывания мысль, принимающую определенный смысл для реципиента высказывания [4].

Очевидно, что для осуществления речевых действий, т.е. для восприятия и производства речевых высказываний, необходимо, во-первых, наличие языковых знаний, во-вторых, необходимо наличие знаний о мире. И тот, и другой компонент формируются в соответствии с условиями жизнедеятельности этнической общности. Имеются многочисленные доказательства того, что язык имеет социальную сущность. Так,

Л.П. Якубинский, например, отметил, что сложноподчиненные предложения получают интенсивное развитие только вместе с возникновением и развитием письменности [6]. Известно также, что образование отвлеченных имен существительных характерно именно для письменных, литературных языков и слабо представлено в бесписьменных диалектах. Как видим, социальные причины (такие, как возникновение письменных разновидностей языка) непосредственно воздействуют на структуру языка, его правила. С одной стороны, язык развивается согласно своим внутренним законам, заложенным в нем возможностям изменяться в том или ином направлении, с другой стороны, не все возможные изменения реализуются. Язык не является раз и навсегда данным образованием, он изменчив, обладает свойством адаптивности по отношению к условиям существования этнической общности. Э. Косериу писал, что «язык всегда синхроничен» – в том смысле, что он функционирует синхронно, т.е. он всегда «синхронизирован» с говорящими; историчность языка совпадает с историчностью говорящих [7]. Язык должен непрерывно изменяться для того, чтобы продолжать функционировать. Э. Сепир указывал, что «язык очень подвижен и реагирует на культурные изменения, пожалуй, более чутко, чем другие области культуры. Подобные изменения могут затрагивать фонетику, лексику, грамматику» [7]. Зависимость изменений в языке от общественных условий его функционирования не должна пониматься как упрощенная причинно-следственная связь. Те из западноевропейских лингвистов, которые признают эволюционную зависимость языка от общественного развития и считают, что изменения в социальной структуре могут косвенно отражаться на структуре языка, подчеркивают, что этот процесс длится века, а иногда и тысячелетия.

Различают три способа, путем которых словарный состав приспосабливается к новым условиям. Это прямое заимствование, словопроизводство и расширение значений у существующих слов. Сочетание этих трех приемов или превалирование одного из них зависят от характера самого языка. Проблема контактирования языков получила разработку еще в конце XIX в. Была сделана попытка дать классификацию всех возможных случаев столкновения носителей языков, в результате которого могли возникнуть изменения языковой ситуации. За основу этой классификации было взято отношение между более высокой и более низкой культурой и большей или меньшей численностью населения. Однако очень быстро стала ясной бесплодность подобных попыток, и не только потому, что оказалось очень трудным учесть все многообразие форм языковых контактов, но и потому, что конструирование вневременной схемы отношений между народами – носителями языков противоречило конкретной исторической действительности. Полезным итогом работ, направленных на выяснение психологических предпосылок смешения языков, явилось осознание того факта, что для этого процесса необходим был более или менее длительный период двуязычия.

Итак, язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности. Сложность языковой системы препятствует быстрым изменениям в составе этнической культуры. Природа языка такова, что она ограничивает свободу и гибкость языка и направляет его развитие по строго определенному пути. Следовательно, языку принадлежит ведущая роль в кодификации норм культуры и норм поведения людей. Все исторические изменения в языке, подсказываемые окружающей жизнью, как бы пропускаются через сетку внутриязыковых структурных особенностей.

Литература

1. Агаев А.Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 123-137.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

3. Мечковская Н.Б. Язык и религия: пособие для студ. гум. вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
4. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. М: Наука, 2000. С. 49-54.
5. Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте. М.: Наука, 2002. С. 154-172.
6. Филин Ф.П. К проблеме социальной обусловленности языка // Язык и общество. М.: Наука, 1968. С. 5-22.
7. Ярцева В.Н. Проблема связи языка общества в современном зарубежном языкознании // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте. М.: Наука, 2002. С. 39-52.

А.Ш. Джуроев
Алтайский государственный университет;
И.В. Пьянзина
Алтайский государственный университет

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

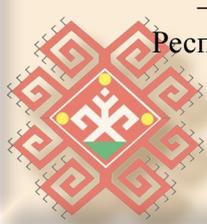
В последнее время важное место стала занимать проблема присутствия русского языка в Республике Таджикистан. По данным Института языкознания Российской академии наук, русский язык в Таджикистане имеет долгую историю, чем это кажется на первый взгляд: Таджикистан как часть Бухарского эмирата входил в состав Российской империи ещё со второй половины XIX в. До 1940 г. основой алфавита таджиков была латиница, основа современного алфавита – кириллица [1].

За этот сравнительно долгий период сосуществования таджикский язык обогатился в области научно-технической, общественно-политической терминологии, бытовой лексики. В советское время в семьях таджиков считалось престижным говорить по-русски, однако стоит отметить, что это касалось, в основном, лишь городского населения.

По результатам переписи, проводившейся в 1989 г., русские были третьим по численности народом в Таджикской ССР. Их численность составляла 580 тысяч человек (11% от всего населения республики). Они были расселены преимущественно в городах и посёлках городского типа и составляли до 30% всего городского населения Таджикистана. Гражданская война в стране в 1990-е гг. привела к массовой эмиграции русского населения из Таджикистана. По неофициальным сведениям, к середине 1990-х гг. из страны уехало более 70% русских.

После принятия в 1989 г. «Закона о государственном языке», согласно которому русский язык перестал быть вторым государственным и остался лишь языком межнационального общения, миграция русскоязычного населения из Таджикистана увеличилась. Несмотря на то, что русский язык всё ещё формально оставался вторым языком и использовался не только для личного общения, но также для ведения делопроизводственной документации, в т.ч. в органах Республики Таджикистан [2], в новом «Законе о языке», вступившим в силу 6 октября 2009 г., прописывалось, что:

– таджикский и только таджикский язык является государственным на территории Республики Таджикистан, и каждый гражданин республики обязан знать его;

- любые нормативно-правовые акты, разрабатываемые правотворческими органами, должны быть выполнены только на таджикском языке;
- государственный язык является официальным языком науки;
- любые культурные мероприятия проводятся на таджикском языке;
- государственный язык также является официальным языком рекламы;
- делопроизводство организаций, осуществляющих свою деятельность на территории республики, ведётся только на официальном языке.

Все эти аспекты были затронуты в «Законо о государственном языке». Но еще наряду с этим было указано, что государственные органы республики, органы местного самоуправления, а также юридические лица обязаны создавать благоприятные условия для изучения государственного языка и совершенствования его знания работниками. Этот же пункт присутствовал в первом варианте Закона от 1989 г.

Важным фактором расширения российского гуманитарного присутствия и сохранения национальной идентичности соотечественников является русский язык, который имеет в Республике Таджикистан статус языка межнационального общения. На произведениях русской классики воспитывались и воспитываются многие поколения таджиков. Русский язык продолжает оставаться средством доступа к значительному объему всемирной научной, технической, культурной информации. В настоящее время в Республике Таджикистан наблюдается достаточный интерес к его изучению. На основе Государственной правительственной программы русский язык изучается во всех общеобразовательных школах и высших учебных заведениях страны. В каждом вузе созданы группы с русским языком обучения. По последним данным Минобразования Республики Таджикистан, в стране сейчас действуют 17 средних школ с русским языком обучения, а в 166 школах русский язык используется наряду с таджикским языком. «Русские» классы в школах и группы в дошкольных заведениях переполнены по причине высокого спроса. Неуклонно растет востребованность на школы с обучением на русском языке, новые современные учебники, наглядные и учебно-методические пособия, мультимедийные средства обучения. Российская сторона всемерно содействует изучению русского языка в средних общеобразовательных школах и вузах Таджикистана. Регулярно на повышение квалификации в ведущие учебные заведения РФ направляются таджикские преподаватели русского языка, осуществляется обмен научными и учебно-методическими материалами, студентами, аспирантами, докторантами, стажерами и научно-педагогическими работниками. Университетам, колледжам, лицеям, гимназиям, общеобразовательным школам оказывается помощь в предоставлении учебно-методической и справочной литературы, наглядных пособий по русскому языку и литературе.

Укрепление позиций русского языка происходит также в результате реализации совместных культурных проектов, проведения масштабных образовательных, научно-методических и культурно-просветительских мероприятий (дней и недель русского языка и культуры, праздников русской словесности, выездных семинаров-практикумов для учителей-русистов и пр.), создания совместных русско-таджикских авторских коллективов для подготовки и издания учебников и учебно-методических пособий нового поколения по русскому языку и литературе.

Таджикистан увеличил объем преподавания русского языка в школах страны. Эксперты отмечают, что теперь важно еще и найти для этого квалифицированных учителей. В экспертном сообществе считают, что изменение подходов к изучению в Таджикистане русского языка – пусть запоздалое, но правильное решение. Правда, наблюдатели полагают, что успешно реализовать программу будет непросто. Препятствием может стать в первую очередь дефицит учителей, которые могут преподавать язык Пушкина и Достоевского на высоком уровне. По официальным данным, в Республике Таджикистан сегодня не хватает 330 специалистов-русистов. Три года назад в Душанбе попытались решить кадровый вопрос необычным способом. Таджикские

власти обратились с просьбой к России направить в страну русских учителей-предметников, в т.ч. и филологов. Тогда республика запросила 400 специалистов. Но из России за это время так никто и не приехал работать в Таджикистан.

В заключение хочется отметить, что изучение русского языка в Республике Таджикистан, безусловно, нужно и важно хотя бы потому, что это часть общей истории, часть многовековой дружбы русского и таджикского народов, от которой не стоит отказываться, а потому стоит всемерно способствовать гармоничному развитию тенденции к его изучению гражданами Республики Таджикистан [3].

Литература

1. Алтынбекова О.Б. Законодательная основа функционирования русского языка в республиках Казахстан и Таджикистан // Русский язык и литература в государствах Средней Азии: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции. Душанбе, 2005. С. 7-18.
2. Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2004-2014 годы // Нормативно-правовые акты системы образования. Душанбе, 2003.
3. Национальная концепция образования Республики Таджикистан: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан 3 мая 2002 г. № 200.

*С.В. Калашикова, канд. пед. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Процесс углубления и расширения международного сотрудничества в различных областях государственной жизни (экономике, политике, культуре, науке и образовании) требует от сотрудника правоохранительных органов практического владения иностранным языком, который помогает реализовать такие значимые аспекты профессиональной деятельности, как своевременное ознакомление с новыми технологиями, открытиями и тенденциями в развитии науки и техники, установление контактов с зарубежными партнерами, повышение уровня профессиональной компетенции. Интеграция в мировое сообщество, построение демократического общества ставит перед системой образования формирование личности обучающихся, которая не ограничивается специфическими профессиональными компетенциями, а имеет ярко выраженные характеристики языковой личности.

Языковая личность сотрудника правоохранительной деятельности – коммуникативная личность, которая характеризуется наличием языковых, культурных, деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций. Формирование языковой личности средствами иностранного языка происходит в процессе профессионально ориентированного общения. Лингвокультурологический подход направлен на совершенствование у обучающихся представлений о культурном многообразии как норме существования культур, развитие умений интерпретировать поведение представителей других культур, формирование стратегий межкультурного профессионального общения с иноязычными партнерами. Обучение межкультурному иноязычному общению

может охватывать все сферы языкового общества: повседневную жизнь, условия жизни, межличностные отношения, систему ценностей, язык жестов, правила этикета, выполнение ритуалов. Задачей обучения иностранному языку с позиций данного подхода является знакомство с разными культурами и их характерными особенностями исходя из принципа равного права любой культуры на существование и развитие, с культуроформирующими факторами, оказывающими воздействие на становление и развитие национального характера, образа мышления и языка.

Лингвокультурологический подход предъявляет особые требования к содержанию обучения, а именно, к процессу отбора учебных материалов. Используемые учебные материалы должны способствовать развитию коммуникативной компетенции и социокультурного кругозора, учитывать потребности, интересы и личностные особенности обучающихся. Предъявление учебных материалов разнообразно – от текстов для перевода до видеофрагментов и видеофильмов, рассказывающих об особенностях западного цивилизованного мира. Работа с учебными текстами из зарубежных источников развивает способность к научному мышлению, анализу, синтезу и критическому восприятию и осмыслению материала. Использование иностранной литературы способствует активизации самостоятельной образовательной деятельности обучающихся. Ответственным и важным моментом является выбор тем для докладов и сообщений. Опыт показывает, что наиболее значимыми были сообщения, темы которых предлагали обучающиеся в рамках заданного раздела дисциплины, например: «Особенности дорожного надзора в Англии», «Обеспечение общественной безопасности в период проведения чемпионата мира по хоккею» и др.

Работа с аутентичными видеоматериалами имеет коммуникативно-когнитивный характер. Видеоматериалы представляют синтез вербального и невербального компонентов и имеют преимущество в сравнении с другими средствами обучения благодаря большой информативности зрительного восприятия, яркости, динамизму изображения. На занятиях по иностранному языку создаются благоприятные условия для самостоятельного и осмысленного учения, активизации любознательности, совершенствования познавательной активности обучающихся. Обучающиеся знакомятся не только с особенностями речевого общения, но и учатся понимать культурные и ментальные особенности участников межкультурной коммуникации. Видеоматериалы отражают все компоненты речевого общения, демонстрируют язык в действии, обеспечивают образцами речевой действительности.

В процессе профессионально ориентированного общения большое значение уделяется созданию партнерских отношений преподавателя с обучающимися. Они позволяют устранить психологический барьер, создать положительную мотивацию для общения, атмосферу доброжелательности. Приближенность к реальному общению обеспечивается проявлением эмоций в процессе обучения. Формы эмоционального выражения свидетельствуют о сформированности речевых навыков обучающимися. Приобретение личностной позиции стимулирует самостоятельность в принятии решений. Эффективным методом обучения становится проектная методика. Преподаватель организует процесс саморазвития обучающихся, он поощряет различные инициативы в выборе личностного маршрута, форм самоконтроля и самооценки результатов совместной деятельности. Они постоянно развиваются, совершенствуются, достигают личностного роста, возникают такие черты личности, как активная творческая позиция, автономность, ответственность, способность к совместным действиям, участию в диалоге.

Лингвокультурологический подход к формированию языковой личности будущих сотрудников правоохранительных органов заключается в приобщении обучающихся к иноязычной культуре с опорой на родной язык. Сопоставление явлений различных культур способствует формированию целостного представления о мире, усвоению ценностей других культур. Взгляд на себя со стороны другой национальной культу-

ры позволяет осознать собственную самобытность, обогатить собственную духовную культуру, расширить менталитет, выработать толерантное отношение к проявлению межкультурных различий. Используя лингвистический опыт, обучающиеся сравнивают, анализируют и дифференцируют языковые явления. Языковая личность будущих сотрудников правоприменения формируется различными средствами и методами в процессе обучения иностранному языку, лингвокультуроведение наиболее точно отражает взаимосвязь языка и культуры и способствует осознанию влияния культуры на межличностное взаимодействие во время коммуникации.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 447 с.
2. Миронова И.А. Формирование межкультурной компетентности студентов в процессе обучения иноязычному профессионально ориентированному общению: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2008. 24 с.

*Г.А. Менщикова, канд. филос. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

ПОНЯТИЕ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В ИЗУЧЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Осознание роли и важности человеческого фактора в языке позволило перейти от лингвистики «внутренней» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью [8, с. 8]. Само существование языка возможно лишь при условии существования людей, владеющих этим языком и говорящих на нем [7, с. 91; 6, с. 35].

Сегодня ученые говорят не просто о языке, а о языке личности. Парадигма современного языкознания направлена на поиск того, как человек использует язык в качестве орудия общения, а также того, как в языковых единицах отражается сам человек во всех своих проявлениях. Подобные исследования становятся возможными на основе антропологической лингвистики, которая обращена к человеческому фактору в языке, к выявлению того, как используется язык субъектом речи в зависимости от его коммуникативных возможностей, от фактора адресата и т.д. [10, с. 5]. Таким образом, «языковая личность» стала в настоящее время тем стержневым, определяющим понятием, вокруг которого происходит обсуждение наиболее интересных проблем лингвистики.

Проблема изучения понятия «языковая личность» тесным образом связана с философией, социологией, культурологией. Во-первых, это проблема взаимоотношений между личностью и обществом (язык и культура, язык и история и т.д.). Во-вторых, это установление особенностей языка разных социальных и возрастных групп говорящих и, в-третьих, это рассмотрение ситуаций выбора говорящими того или иного варианта языка (или элемента, единицы языка). Как известно, «в языковом общении постоянно возможны варианты: в условиях двуязычия, например, в зависимости от ситуации говорящие выбирают тот или иной язык; выбрав язык (или при коммуникации только на одном языке), люди стоят перед выбором того или иного варианта речи: говорить ли

на литературном языке или на диалекте, предпочесть книжную форму речи или разговорную, употребить официальный термин или его просторечный синоним» [5, с. 5]. В исследовании названной проблемы важно дать ответы на следующие вопросы: Как происходит выбор и что его определяет? Почему разные люди предпочитают разные сферы использования языка? Что толкает их выбрать именно этот вариант, а не иной? Что формирует язык отдельного индивида, конкретной языковой личности? Какие факторы влияют на ее формирование? Но самым объемным и глобальным здесь стоит вопрос о зависимости формирования духовной и национальной культуры от процесса воспитания языковой личности.

Под процессом воспитания языковой личности Г.И. Быкова понимает обучение родному языку, формирование лингвистической, языковой и речевой компетенций [1, с. 13].

Параметры языковой личности формируются не одновременно, а постепенно, шаг за шагом. Языковую личность можно представить в виде пирамиды. Ее основание формируется в семье, дошкольных учреждениях, в начальной школе [11, с. 10].

Вторую часть пирамиды можно рассматривать как продвинутый этап формирования языковой личности, который осуществляется в семье, школе, общении со сверстниками и старшими, а также под влиянием разнообразных источников информации [11, с. 10].

Третий этап формирования языковой личности – закрепление навыков, приобретенных на втором этапе, а вершиной пирамиды языковой личности является создание собственного стиля [11, с. 10].

Становление языковой личности носителя определенного типа речевой культуры напрямую зависит от конкретных интралингвистических и экстралингвистических факторов.

К интралингвистическим относят чувство языка, которое проявляется в оценках речи, зависящих от языкового опыта говорящих, от среды, где формируется личность. Кроме того, к интралингвистическим характеристикам можно отнести способность к общению в шуточной тональности, интерес и внимание к слову, стремление дать оценку какому-либо событию или человеку – т.е. творческую деятельность личности. «Врожденность» оценочного смысла создает субъективное видение мира и формирует ценностную картину.

К экстралингвистическим факторам, влияющим на формирование типа языковой личности, относятся:

- 1) условия, в которых растет ребенок;
- 2) типы языковых личностей учителей и самого процесса обучения в школе;
- 3) характер текстов, на которые ориентируется индивид как на образцовые в смысле использования языка. Так, если формирование элитарного типа языковой личности идет с опорой на тексты классической художественной литературы, то формирование среднелитературного типа опирается на иные тексты (книги с компьютерной версткой, в которых совершенно не соблюдаются правила переноса, налицо огромное количество опечаток и т.д.). В качестве пагубно влияющего фактора мы можем выделить язык телевидения и «улицы», перенасыщенный неоправданными англоязычными заимствованиями. Они активно размывают границы национальной русской культуры и границы литературного языка, поддерживают просторечный тип языковой личности и в итоге приводят к становлению нового типа языковой личности – фамильярно-разговорного. Вывод, который делает О.Б. Сиротина, неутешителен: «Современные условия жизни не способствуют становлению языковой личности носителя элитарного типа речевой культуры, поддерживают просторечный тип и формируют новый фамильярно-разговорный тип языковой личности» [9, с. 12].

К названным выше факторам, способствующим формированию русской языковой личности, хочется добавить еще один – это воспитание аксиологического отношения к

русскому языку и русской культуре в детях уже дошкольного возраста. На сегодняшний день словосочетание «русский язык» вызывает в сознании большинства подростков лишь ассоциации со сложным школьным предметом, перегруженным огромным количеством правил и исключений. Многие даже не задумываются о том, что русский язык, кроме всего прочего, является еще и основой, и силой духовной и национальной культуры. Причина такого «усеченного» видения языка коренится в том, что сегодня русский язык в школе преподаётся достаточно узко, всё сводится к тому, что русский язык представляется набором неких условных правил, который детьми плохо воспринимается. Однако самое главное в том, что педагоги не ставят своей задачей совместить два полюса в преподавании русского языка: не детерминировать эти процессы исключительно грамматикой, фонетикой и т.д., не сводить всё к приставкам, суффиксам, к каким-то грамматическим особенностям русского языка, а именно показать необходимость изучения русского языка для каждого ребенка, привить любовь к русскому языку. Формы, необходимые для реализации данной задачи, могут быть самыми разнообразными, и многие педагоги уже предлагают определенные методические новинки. На наш взгляд, это условие приблизит ребенка, а затем подростка и взрослого человека к тому, о чём мы говорим сегодня, – к возможности как-то влиять на становление языковой личности носителя элитарной языковой культуры.

Литература

1. Быкова Г.И. Воспитание языковой личности в процессе преподавания лингвистических и речеведческих дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 1999. 23 с.
2. Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности элитарной речевой культуры и факторы, влияющие на ее становление // Античный мир и мы: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 26. С. 45-57.
3. Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. 216 с.
4. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 534 с.
5. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: АО «Аспект-Пресс», 1994.
6. Распопов И.П. Методология и методика исследований. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1976. 110 с.
7. Рождественский Ю.В. Типология слова. М.: Высшая школа, 1969. 286 с.
8. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1998. 212 с.
9. Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово. Н. Новгород, 1997. С. 7-12.
10. Формановская Н.И. Коммуникативно прагматические аспекты единиц общения. М.: Изд-во «Икар», 1998. 292 с.
11. Чернухина И.Я. Параметры языковой личности и ее развитие // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. Волгоград: Перемена, 1993. С. 10-11.

РОЛЬ ВНЕАУДИТОРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЁННЫХ ЗАНЯТИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Тезис о том, что преподавание иностранного языка и формирование навыка межкультурной коммуникации находятся в тесной взаимосвязи, уже не вызывает никаких сомнений. Знание иностранного языка в современном обществе предполагает не столько владение его языковой структурой и грамматическими правилами, сколько его использование как средства реального общения с носителями других культур, что невозможно без приобретения важной информации об истории, традициях, обычаях, укладе жизни и нормах коммуникативного поведения разных народов [2, с. 293].

С первых дней пребывания в России иностранные обучающиеся включаются в процесс межкультурной коммуникации, обусловленный объективной необходимостью: многонациональным составом групп, новыми условиями жизни, незнакомыми, непонятными реалиями, устоями, требованиями. Они погружаются в иноязычную культуру, которую им предстоит понять и принять, сопоставляя и анализируя, критически осмысливая через призму своей собственной культуры.

«Каждый урок иностранного языка – это перекрёсток культур, практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру; за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» [1]. Основной задачей преподавателя при обучении русскому языку как иностранному на всех этапах (начальном и продвинутом) является включение слушателей-иностранцев в процесс овладения навыком межкультурной коммуникации и его постоянным совершенствованием посредством изучения образцов этикетной диалогической и монологической речи, бытовой культуры, повседневного поведения (мимика, жесты, нормы, табу и др.); моделирования коммуникативных ситуаций с учётом языковых и поведенческих особенностей носителей языка; знакомства с обычаями и традициями страны изучаемого языка, произведениями художественной литературы, искусства, достижениями науки. Очень важно и понимание «национальной картины мира», т.е. национальных особенностей мышления, отражающих специфику восприятия окружающего мира [4].

Следует отметить, что объёма аудиторных часов, выделяемых для прохождения дисциплины «Русский язык как иностранный», не всегда достаточно для полноценной эффективной работы над формированием навыка межкультурной коммуникации, поэтому преподаватели активно используют возможности внеаудиторной организации работы. Главная цель внеаудиторных мероприятий – углубление знаний изучаемого иностранного языка, расширение культурологического кругозора, развитие эстетического вкуса, реализация творческих способностей. Такие формы внеаудиторной работы, как экскурсии, посещения театров, музеев, кинотеатров, выставок, встреч, литературных вечеров, вечеров интернациональной дружбы и т.д. способствуют овладению культурным компонентом языка, пониманию реалий чужой жизни. Но самое главное – помогают преодолеть языковой барьер. Оказываясь в ситуации реального общения, обучающиеся учатся применять свои знания на практике, «пробуют силы», анализируют ошибки, ищут пути решения возникших коммуникативных проблем, оценивают

свои возможности. Важным моментом является и то, что во время таких мероприятий, наряду с владением иностранным языком, обучающимся необходимо научиться адекватно интерпретировать и воспринимать коммуникативное поведение представителя иносоциума, понимать различия, которые варьируются от культуры к культуре [3].

Помимо упомянутых выше видов внеаудиторной работы, расширению и углублению роли социокультурного компонента в развитии коммуникативных способностей [3] способствует организация и проведение тематических объединённых занятий. Данная форма проведения совместных занятий с русскоговорящими курсантами, слушателями старших курсов из разных стран, представителями студенчества других вузов города, приглашённых гостей (писателей, поэтов, музыкантов) предоставляет неограниченные возможности развития и совершенствования всех коммуникативных навыков, а также преодоления как языкового, так и культурного барьеров.

При проведении тематических объединённых занятий отбирается и используется большое количество стихов, песен, отрывков из произведений народного творчества, фильмов, спектаклей, выступлений известных людей по радио и телевидению, т.е. развивающий и познавательный аутентичный или адаптированный материал. Готовясь к таким тематическим мероприятиям, преподаватель привлекает к работе всех обучающихся, учитывая их интересы и склонности, уровень обученности и подготовки, посильность заданий. Даже самый слабый слушатель может попробовать свои силы в подборе материала или самостоятельной творческой деятельности (например, создании мини-презентации на заданную тему). Необходимо максимальным образом использовать знания и умения, полученные обучающимися на практических занятиях, потому что таким образом происходит обобщение и систематизация изученного материала, его дополнение; кроме того, обучающиеся могут продемонстрировать, как они владеют иностранным языком.

Большой интерес вызывают задания, предполагающие презентацию своей культуры: страны и её истории, достопримечательностей, достижений искусства или науки, кухни и т.д. Иностранные слушатели с удовольствием и гордостью рассказывают о традициях и обычаях своей страны, часто сравнивают их с культурой и особенностями страны изучаемого языка. Особое место занимает и показ своих творческих способностей: пение на родном или русском языке, декламирование стихов (часто с переводом на русский язык), танцы и т.д. Иностранные слушатели с воодушевлением читают стихи великих русских и советских поэтов в оригинале, тем самым демонстрируя приобретённые фонетические, лексические и грамматические умения и навыки.

Тематические объединённые занятия могут быть организованы в разных формах: занятие-праздник, творческий вечер, литературные чтения, встреча с прекрасным, занятие-знакомство, чаепитие и т.д. Как правило, они проходят в неформальной обстановке, в атмосфере свободного дружеского общения, во время которого каждый может раскрыться, проявить себя, не боясь сделать ошибку и получить неудовлетворительную оценку, или быть непонятым и ощутить чувство неловкости. Отсутствие строгих требований, регламента, контроля, открытость и душевная обстановка позволяют обучающимся успешно осуществлять межкультурное взаимодействие, изучать особенности культуры в процессе естественного общения.

Нестандартность, красочность, информативная насыщенность таких занятий повышают мотивацию к изучению иностранного языка и способствуют проникновению в её культуру.

При правильной организации внеаудиторной работы и выборе наиболее эффективных методов и приёмов её проведения создаётся особый психологический микроклимат, атмосфера непринуждённости, которые способствуют успешному обучению и процессу формирования всех ключевых компетенций, в т.ч. и межкультурной компетенции.

Литература

1. Ветошкина Т.А. Роль изучения иностранного языка в межкультурной коммуникации // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2010. № 10. С. 198-206.
2. Паненко Е.А. Формирование навыка межкультурной коммуникации на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному путём приобщения к иноязычной культуре. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016. 327 с.
3. Сайтимова Т.Н. Роль межкультурной коммуникации в процессе преподавания иностранных языков на современном этапе // Концепт. 2014. Спецвып. 8. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14603.htm>.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

И.В. Пьянзина

Алтайский государственный университет

УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В мире глобализации и стремительного развития межнациональных отношений проблема развития русского языка становится все более актуальной. За последние несколько лет политические и экономические проблемы, с одной стороны, отделили Россию от многих европейских стран, с другой стороны, еще больше сблизили её с Востоком, а именно с такими странами, как Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Туркменистан и др.

Уже три года работает Ассоциация азиатских университетов, где президентом является ректор АлтГУ. Это позволило разработать и реализовать совместные международные образовательные программы бакалавриата и магистратуры с азиатскими вузами-партнёрами. Все больше и больше иностранных студентов стремятся изучать русский язык.

Теоретические основы обучения русскому языку как иностранному (далее – РКИ) закладываются уже много лет. Основы методики преподавания РКИ формировались трудами таких известных русских и зарубежных исследователей и методистов, как А.Н. Щукин, Л.С. Крючкова, В.Н. Вагнер, А.А. Акишина, О.Е. Каган и др.

Иностранные студенты, обучаясь в России, должны познакомиться с культурой речевого и неречевого (невербального) общения. Иначе проблемы межкультурных различий станут фактором, препятствующим взаимному пониманию в условиях межкультурной коммуникации.

Русский язык как иностранный изучают студенты различных специальностей, поэтому существует, например, РКИ для экономистов и РКИ для историков, для студентов направления «Регионоведение России» и т.п.

Как пишет в своей работе В.В. Таргынских, «методика преподавания русского языка китайским студентам основывается, прежде всего, на дедуктивном методе предъявления учебного материала, систематическом инструктировании по выполнению заданий, на разнообразных тренировочных упражнениях и на повседневном контроле за самостоятельной деятельностью студентов. Все это способствует успешному фор-

мированию межкультурной компетенции: уже на ранних стадиях обучения студенты знакомятся с российской историей и культурой, тем самым закладывается фундамент для дальнейшего изучения языка» [6].

Языковые элементы, включаемые в учебно-познавательную деятельность, обладают национально ориентированными и универсальными (интернациональными) свойствами. Изучая иностранный язык, студенты формируют в своем сознании новую языковую картину мира.

Как утверждает в своем пособии А.Н. Шукин, «РКИ воспринимается иностранными студентами через родной язык, поэтому процесс взаимодействия языковых систем, речевых механизмов и воздействия родного языка вызывает явление, получившее название интерференция, которая выражается в отклонениях от нормы и системы изучаемого языка под влиянием родного. Однако в РКИ можно обнаружить и общие языковые явления, возникающие в силу совпадений систем родного и изучаемого языков, что оказывает положительное влияние на усвоение системы, нормы и закономерностей изучаемого языка» [7].

Сходство в языках проявляется на понятийном уровне, поэтому в методике преподавания РКИ, по мнению исследователей, «необходимо найти общие понятия и формировать их в сознании студентов, такие, например, как субъект, действие, состояние, объект, качество, свойство, количество и др. Преподаватель, управляя учебно-познавательной деятельностью иностранных студентов, должен уметь объяснить семантику языковой единицы, сферу её функционирования, её коммуникативную ценность, частотность употребления и др.» [4].

Изучая методику обучения РКИ, следует отметить, что она «включает не только основы обучения языковым знаниям, умениям и речевому общению, но и знакомит преподавателей с методами извлечения из языковых единиц национально-культурной семантики, а также с основными закономерностями межкультурной коммуникации» [4].

«Руководящая роль педагога, – как утверждает Г.К. Воеводская, – выражается, прежде всего, в том, что он с самого начала учебных занятий умеет предвидеть в соответствии с поставленной перед ним целью ход учения, направлять его наиболее успешным путём и формировать у учащихся умения правильно формулировать цели учебной деятельности и целенаправленно работать» [2].

Роль студента не настолько самостоятельна: «Он не в состоянии самостоятельно планировать свою деятельность таким образом, чтобы она приводила к реализации целей педагогической системы; он не в состоянии предвидеть весь арсенал средств для их достижения» [2, с. 11].

В своей книге «Преподаватель русского языка как иностранного» В.В. Молчановский и Л. Шипелевич выделили пять профессионально-педагогических функций преподавателя РКИ [5, с. 85-89]. По мнению ученых, «цели педагогической деятельности и системные связи (отношения), в которые вступает преподаватель РКИ, определяют:

- 1) коммуникативно-обучающая функция;
- 2) информационно-ретрансляционная функция;
- 3) мотивационно-стимулирующая функция;
- 4) инструментально-адаптирующая функция;
- 5) функция самореализации и саморазвития» [5, с. 88].

Так как преподаватель РКИ обучает практическому владению русским языком, то его деятельность состоит не только в передаче знаний, а в управлении учебно-познавательной деятельностью на основе передаваемых знаний и формируемых умений. Преподавателю необходимо научить студентов не только получать знания от него, но и добывать знания самостоятельно.

Управляя учебно-познавательной деятельностью студентов, преподаватель постоянно должен иметь в виду, что иностранные студенты являются представителями дру-

гой культуры, поэтому преподаватель и студенты являются участниками диалога двух культур, участниками межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация – это совокупность разнообразных форм общения и отношений между представителями разных культур. «Главным в общении людей является их стремление понимать друг друга, причём в межкультурной коммуникации каждый из её участников должен осознавать “чужеродность” партнёра и всё-таки стремиться к взаимопониманию» [3].

Поэтому преподаватель, управляя учебно-познавательной деятельностью иностранных студентов, должен не только обучить их иностранному языку, но и ознакомить с ключевыми ценностями и особенностями национального характера, а также с основными традициями страны изучаемого языка.

Литература

1. Бердичевский Л.А. Является ли русский язык международным? // МИРС. 2000. № 1. С. 31.
2. Воеводская Г.К. Целенаправленность в деятельности преподавателя высшей школы (на материале преподавания иностранного языка). Л.: АКД, 1974.
3. Казакова О.М. Пространство и время в русской языковой картине мира // Культура Алтайского края как опыт толерантного взаимодействия сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007.
4. Капитонова Т.И., Московкин Л.В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе педвузовской подготовки. СПб.: Златоуст, 2006.
5. Молчановский В.В., Шипилевич Л. Преподаватель русского языка как иностранного. Введение в специальность. М., 2002.
6. Тартынских В.В. Художественный текст как средство формирования лингвострановедческой компетенции у китайских студентов // Вестник науки Сибири. 2014. № 3 (13).
7. Щукин А.Н. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие для вузов. М.: Русский язык, 2003. 305 с.

*О.Б. Солдатова, канд. филол. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

ВОСПИТАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Изучение иностранного, в частности английского, языка в современном обществе является обязательной составляющей образования. Этот процесс многомерен и детерминирует необходимость овладения: вокабуляром, лексической комбинаторикой, грамматическими правилами и конструкциями, фонетической артикуляцией, устойчивыми выражениями, фразовыми глаголами. Не менее важным аспектом становления иноязыковой личности является получение социолингвистической информации об истории англоговорящих стран, традициях, символике, достопримечательностях, праздниках и прочих культурологических аспектах. Более того, обучающемуся следует знать об особенностях мимики и жестов, форме обращения к знакомым и незнакомым людям, нормах поведения в формальных и неформальных условиях, приемлемой и комфорт-

ной дистанции между людьми при разговоре. Все вышперечисленное является содержанием лишь одного аспекта формирования межкультурной компетенции – когнитивного.

Но овладение иностранным языком – это более сложный процесс, нежели просто знание правил грамматики, лексического наполнения и культурологических особенностей, поскольку любой язык – это макросистема, которая определяет менталитет человека и обуславливает становление личности. При изучении другого языка человек видит мир в новом свете, новом преломлении, знакомится с иным способом интерпретации действительности. В связи с этим следует говорить также о ценностном, коммуникативном и рефлексивном аспектах процесса обучения [2]. Коммуникативный аспект включает в себя способность адекватно и оперативно реагировать на реплики собеседника, прагматически верно подбирать грамматические конструкции, лексический материал, соблюдать социокультурные нормы общения. Рефлексивный аспект подразумевает устойчивую нравственную позицию курсанта, его личностную целостность и самоопределение относительно родного языка и реалий национальной культуры. Ценностный аспект – это совокупность личностно и общественно значимых ценностных ориентаций, определяющих поведение человека в процессе межкультурного общения: адаптивность, толерантность, стремление и желание понять и принять мнение собеседника. Выделяемые аспекты тесно связаны между собой и находятся в постоянном взаимодействии.

Толерантность, как составляющая ценностного аспекта межкультурной коммуникации, является неотъемлемой частью мировосприятия русского человека, это обусловлено фактом многонациональности нашей страны, наличием большого количества наречий, говоров и вероисповеданий. Толерантность может проявляться на разных уровнях: в принятии мнения другого человека, иной религии, этноса, культуры, нации. В данной статье речь идет о межнациональной толерантности, которая, согласно определению Т.П. Днепровой, «предполагает открытость и сотрудничество в политической, экономической, научной и социально-культурной сферах с другими странами и народами, уважение иного образа жизни на основе равноправия и взаимопонимания» [1]. В основе межнациональной толерантности лежит саморефлексия, понимание ценности своих традиций, культуры, нации. Только человек, лишенный необходимости самоутверждаться, доказывать что-либо всему миру, может характеризоваться толерантностью. Таким образом, привитие курсантам межнациональной толерантности происходит после ценностного ориентирования и формирования базовых духовных, нравственных, личностных и культурных ценностей.

В связи с этим обучение английскому, как и любому другому иностранному, языку должно происходить, прежде всего, в процессе формирования ценностной ориентации в рамках национальной культуры, а также готовности к межкультурному диалогу. Дуальность данного процесса нацелена на то, чтобы: 1) сформировать правильное отношение к родному языку и родной культуре; 2) избежать националистических взглядов у молодого поколения; 3) воспитать уважение к изучаемому языку, культуре данного языка и народу, говорящему на нем; 4) детерминировать необходимость, желание и способность межкультурной коммуникации.

Воспитание межнациональной толерантности – это долгий целенаправленный процесс, требующий последовательности действий. В процессе обучения английскому языку это достигается посредством реализации познавательных, развивающих и воспитательных задач. Так, познавательный аспект обучения детерминирует формирование коммуникативных способностей курсантов, а также изучение страноведческой информации: чтение текстов, просмотр видеоматериалов, обучающих и фрагментарно художественных фильмов, сравнение культурных особенностей страны изучаемого языка и родной культуры, получение сведений о традициях, истории, правовой системе, достопримечательностях англоговорящих стран, ознакомление со словарными и тезари-

усными статьями, посвященными культурологическим реалиям, анализ текстов песен и литературных произведений. Внимание уделяется прежде всего сопоставительному анализу культурных особенностей, пониманию и принятию к сведению полученной информации. Познавательный аспект создает основу для воспитания толерантности человека, поскольку определяет информационную готовность к принятию и пониманию инокультурных ценностей.

Развивающий аспект обучения английскому языку определяет развитие коммуникабельности, логического мышления, способности использования языка в качестве инструмента общения в диалоге культур, готовности прагматически верно употреблять имеющиеся общеязыковые знания в ситуации конфликта национальных ценностей и учитывать особенности менталитета собеседника при взаимодействии. Воспитательный аспект включает в себя формирование правильного отношения к родной культуре, подготовку к межкультурному и межнациональному диалогу, воспитание уважения к иноязычной культуре и ценностям, расовой и этнической терпимости, готовности к сотрудничеству.

Таким образом, все вышеперечисленные аспекты являются важными составляющими процесса воспитания межнациональной толерантности у курсанта, поскольку креатируют целостность картины мира носителя английского языка в преломлении к правильно сформированному духовно-ценностному мировоззрению в рамках родной культуры, обуславливают приобретение глубоких фоновых знаний о стране изучаемого языка при сохранении своей национальной идентичности.

Литература

1. Днепров Т.П. Педагогический анализ понятий «национальная толерантность», «этническая толерантность» и «межнациональная толерантность» // Педагогическое образование в России. 2010. № 10. С. 88-98.
2. Мухаркина С.А. Теоретические основы процесса формирования межкультурной коммуникативно-профессиональной компетенции студента технического вуза // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. С. 118-126.

О.Б. Солдатова, канд. филол. наук

Барнаульский юридический институт МВД России;

О.Н. Татарникова

Барнаульский юридический институт МВД России

РОЛЬ ПАРЕМИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Вопросу взаимосвязи языка и культуры посвящены работы многих ученых, датируемые от XIX в. по настоящий момент. Так, эта проблема освещается в трудах В. Гумбольдта, А.А. Потебни, С.А. Кошарной, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова и других лингвистов. Предлагаются разнообразные подходы к видению указанной проблематики, тем не менее основные выводы исследования данных отношений не вызывают конфронтации: всякая культура национальна и репрезентируется в языке; национальная культура находит отражение в национальном языке и обуславливает его

специфику; язык и культура тесно переплетены друг с другом и оказывают друг на друга непосредственное влияние.

Взаимодействие языка и культуры детерминирует формирование языковой картины мира, которая представляет собой совокупность знаний о мире, отражаемых в языке отдельным языковым сообществом. «На когнитивном уровне элементы языковой картины мира запечатлены в устойчивых образах, понятиях и суждениях, выражаемых метафорами, фразеологизмами, пословицами и поговорками, клишированными высказываниями для обозначения типовых ситуаций повседневного общения и поведенческих фреймов национальной культуры» [4, с. 43]. Перечисленные языковые единицы входят в область исследования фразеологии. В. Айзманн подчеркивает, что фразеология представляет собой собственно лингвистическую дисциплину, имеющую пересечения с фразеографией, психолингвистикой, теорией перевода, литературоведением, семиотикой, мифологией, этнографией и т.п. На основании этого В. Айзманн выделяет следующие направления исследований: сопоставительное, культурно-историческое, этимологическое, психолингвистическое, идеографическое, историческое, фразеографическое, когнитивное, сравнительно-историческое и др. [12].

Паремии являются культурно-специфическими репрезентантами фразеологии отдельного национального языка, раскрывающими ментальные характеристики и особенности мышления и поведения народа [11]. Й.М. Зайлер называет пословицы и поговорки кладзем мудрости и ума, т.к. они репрезентируют истину, которая записана природой и разумом в человеческих сердцах [13]. Исследование паремиологических единиц позволяет выявлять отличительные черты языковой картины мира нации, особенности менталитета, обусловленные такими факторами, как история и география нации, отношения с другими странами, характеристики растительного и животного мира и пр. В словаре иностранных слов Н.Г. Комлева указывается, что «паремиология» происходит от гр. *paroimia* – пословица и *logos* – учение [6, с. 418]. Таким образом, паремиология – это раздел филологии, изучающий пословицы, поговорки, присловия и изречения. Паремиологическим исследованиям посвящены работы таких ученых, как Г.Л. Пермяков, Е.А. Ошевой, Р.Р. Закирова, А.Г. Колошица и др.

Национальные паремии представляют интерес с точки зрения лингвистики в связи с возможностью выявления специфики языковой картины мира и с точки зрения лингвометодики, в рамках которой определяются особенности презентации языкового материала в практике преподавания русского языка. Соответственно, паремии представляют важность при изучении русского языка как родного и как иностранного. В первом случае необходимость изучения паремий обусловлена важностью сохранения и трансляции культурного наследия русской нации, самоопределения себя и своего предназначения в мире; во втором – с прагматической установкой формирования вторичной языковой личности у обучающихся.

Обратимся к вопросу функционирования указанных фразеологических единиц в речи носителей русского языка. В связи с популяризацией западной культуры наблюдается искажение нравственных и культурных ценностей в рамках мировосприятия и мировоззрения молодого поколения, в подавляющем большинстве случаев респонденты в возрасте до 20-30 лет характеризуются гораздо большей информированностью о героизме Супермена, Человека-Паука, Железного Человека и т.п., чем о подвигах русских богатырей, известных исторических личностей, сказках и, разумеется, о смысле и прагматике употребления народных паремий. Так, в ряде случаев россияне младше среднего возраста не понимают значения, неправильно номинируют либо не используют в своей речи народные пословицы и поговорки. Например, респондент в возрасте 25 лет на вопрос психолога «Как Вы понимаете поговорку "Не по Сеньке шапка"?» отвечает «Значит, она ему маленькая», респондент 15 лет использует в речи паремию «Хоть кол на голове **чеши**».

Подчеркнем, что данное утверждение не носит повсеместного характера. Так, если носитель русского языка акцентирует внимание на паремиях в речи других носителей, в литературных произведениях, в медийных контекстах, фильмах, изучает прагматические особенности их употребления, активно использует их в речи, вопроса о незнании или неправильном речепотреблении не возникает. Также, если паремийные единицы частотно функционируют в речи членов семьи, кругу общения отдельного носителя, он, соответственно, перенимает данный опыт использования паремий. В ряде случаев взрослые намеренно обращают внимание детей и подростков на значение и прагматические характеристики паремий в процессе их коммуникации, что также оказывает положительное влияние на расширение вокабуляра данного русскоязычного носителя.

Процесс устаревания паремийного речепотребления эксплицирует острую необходимость репрезентации данного материала в обучающем процессе с целью предотвращения отмирания данного народного фразеологического сегмента. При этом важно представить внедрение комплексной методики объяснения и практического применения материала. В данной работе предлагается следующая схема процесса модификации обучения русской фразеологии, в частности паремиям, в рамках изучения родного языка:

- В рамках общеобразовательного образования на всех ступенях обучения (1-11 классы) в учебниках по литературе выделить начальную страницу с презентацией народных паремий в каждом разделе изучаемого материала для ознакомления, обсуждения и запоминания обучающихся указанных речевых единиц с обязательным разъяснением их прагматических особенностей функционирования в речи.

- В рамках общеобразовательного образования на всех ступенях обучения (1-11 классы) в учебниках по русскому языку использовать паремийные единицы в информационном материале объяснения правил русского языка, а также увеличить количественные показатели функционирования паремий в текстах практических упражнений.

- Включить паремии в задания государственных аттестационных экзаменов ГИА и ЕГЭ по русскому языку, литературе и обществознанию.

- В высших и среднеспециальных учебных заведениях ввести в качестве предмета обязательный курс изучения национальной культуры и национального языка, в том числе паремий как репрезентантов русской фразеологии. Включить в рамках уже существующего в плане учебной деятельности курса «Культура речи» обязательный блок, посвященный паремиям.

Данная схема, охватывающая все ступени обучения русскому языку в парадигме учебных заведений страны, позволит сохранить речевое функционирование паремий как часть национального наследия России.

В процессе обучения русскому языку как иностранному паремиям как речевым элементам, транслирующим национальное достояние культуры и способствующим правильному моделированию русской языковой картины мира, также следует уделить внимание. В рамках данного процесса предлагаются следующие методические приемы:

- Использование паремий для формирования фонетических навыков с разбором значения и речепотребления паремийных единиц в начале каждого занятия (наиболее эффективно при обучении русскому языку на уровнях А1-В2).

- Освещение особенностей функционирования паремий в курсах и спецкурсах, посвященных изучению культурных особенностей русского народа в рамках межкультурной коммуникации, для формирования способности верной интерпретации указанных единиц в речи и предотвращения случаев буквального понимания паремий ввиду их перевода (при обучении русскому языку на уровнях В1-С2).

- Анализ паремий в курсах русской литературы в рамках обучения в старших классах, среднеспециального и высшего образования (при обучении русскому языку на уровнях В2-С2).

• Включение паремий в задания экзаменов, в том числе итоговых, на знание русского языка как иностранного (при обучении русскому языку на всех уровнях).

Процесс ознакомления иноязычных реципиентов с русскими паремиями характеризуется наличием ряда сложностей. Рассмотрим данные особенности на примере обучения русскому языку англоязычного носителя. Как отмечалось выше, понимание и речупотребление многих паремий вызывает проблемы даже у носителей русского языка. Соответственно, у англоязычного носителя эти речевые единицы вызывают гораздо большее количество вопросов, для решения которых необходимо определить наличие в английском языке паремийного аналога, что будет способствовать верной интерпретации значения паремии. При этом следует дифференцировать паремии, имеющие:

1) полностью сходные концептуальные основания

Русская паремия	Английский перевод русской паремии	Английская паремия	Русский перевод английского варианта
Запретный плод сладок	<i>Forbidden fruit is sweet</i>	<i>Forbidden fruit is sweet</i>	Запретный плод сладок
Рыба с головы гниёт	<i>Fish rots from the head</i>	<i>Fish begins to stink at the head</i>	Рыба воняет с головы
Лошадей на переправе не меняют	<i>Horses are not changed at the ferry</i>	<i>Don't swap horses when crossing a stream</i>	Не меняй лошадей при пересечении потока
Дарёному коню в зубы не смотрят	<i>They do not look at a given horse's teeth</i>	<i>Don't look a gift horse in the mouth</i>	Не смотри дарёному коню в рот

2) частично сходные концептуальные основания

Русская паремия	Английский перевод русской паремии	Английская паремия	Русский перевод английского варианта
Кто раньше встаёт, тот вдвое живёт	<i>Who gets up first lives twice long</i>	<i>Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise</i>	Рано спать и рано вставать – это делает человека здоровым, богатым и мудрым
Паршивая овца всё стадо портит	<i>Lousy sheep spoils the whole flock</i>	<i>Every family has a black sheep</i>	В каждой семье есть черная овца
Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто для дела гож	<i>Not that is good who is handsome, but that is good who is good at work</i>	<i>Handsome is as handsome does</i>	Красивый тот, кто красиво делает

3) концептуально отличные основания

Русская паремия	Английский перевод русской паремии	Английская паремия	Русский перевод английского варианта
Бойся клеветника, как злого еретика	<i>Be afraid of a slanderer as an evil heretic</i>	<i>Give a dog a bad name and hang him</i>	Дайте собаке плохое имя и повесьте ее
Дураку везде счастье	<i>Everywhere is happiness for a fool</i>	<i>God tempers the wind to the shorn lamb</i>	Бог смиряет ветер перед стриженным ягненком
Бесчестье хуже смерти	<i>Disgrace is worse than death</i>	<i>He that has an ill name is half hanged</i>	Кто имеет дурное имя, тот наполовину повешен

Способ репрезентации паремийной единицы зависит от типа межъязыкового соответствия. Так, в случае первого типа концептуальной идентичности в процессе презентации паремии не возникает сложностей, англоязычному обучающемуся предлагается английский аналог. Рассмотрим методику презентации материала на примере паремии «Дарёному (даровому) коню в зубы не смотрят»: 1) номинируется русская паремия; 2) приводится англоязычный перевод (*They do not look at a given horse's teeth*); 3) номинируется английская паремия «*Don't look a gift horse in the mouth*»; 4) выявляются общие концептуальные основания (*не смотрят / don't look, дарёному коню / gift horse*); 5) выявляются отличные концептуальные основания (*в зубы / in the mouth*), поскольку зубы и рот (в английской версии) соотносятся как частное и общее, выявляется практически полностью идентичное концептуальное основание русской и английской паремий; 6) сопоставляются дефиниции русской «Не выражают недовольства подаренной (или доставшейся даром) вещью» (*Do not express dissatisfaction with the gift (or the gift) thing*) и английской паремий «*If you receive a gift, do so graciously, without voicing criticisms*» (Если вы получаете подарок, делайте это любезно, не высказывая критики); 7) приводятся примеры употребления: – *В луговине-то, батюшка, она и есть вся цена вашей земли. А та, что вами миру отдается, – дрянь, ничего она не стоит. Вы и отдаёте-то ее потому, что она для вас без всякой выгоды лежит. – Дареному коню в зубы не смотрят!* – *прошамкал старик Зорин. Н. Вирта. Вечерний звон. А! это [платок] добренькой старушки, Горбуры; он так же сморщен, как и ее личико. Ну, да нет, ничего: даровому коню в зубы не смотрят.* И. Крылов. Бешеная семья.

В случае второго типа соответствий приводится дословный перевод и его англоязычный аналог. Рассмотрим особенности презентации данного материала на примере паремии «Паршивая овца всё стадо портит»: 1) номинируется русская паремия; 2) приводится англоязычный перевод (*Lousy sheep spoils the whole flock*); 3) номинируется английская паремия «*Every family has a black sheep*»; 4) выявляются общие концептуальные основания (*овца / sheep*); 5) выявляются отличные концептуальные основания ((а) *паршивая / black* (черная), (б) *стадо / family* (семья), (в) *всё / every* (каждый), (г) *портит / has* (имеет)); 6) сравниваются концептуальные основания указанных различных номинаций и выявляется аналогия: (а) *паршивая* – отрицательно-оценочная лексема, имплицитно семантически «ущербность», «негодность», *black* – поскольку овцы в основном белого цвета, черный цвет выделяется и делает овцу более уязвимой, что также (как в русском аналоге) является негативной характеристикой, поскольку овцы – это стадные животные, которые стремятся быть идентичными собратьям; (б) *стадо / family* – обе номинации характеризуются наличием сем «общность», «коллектив», «семейные отношения»; (в) *всё / every* – обе лексемы являются обобщающими квантерами; 7) выявляются номинации, абсолютно различные по концептуальному основанию (г) *портит / has*; 8) сопоставляются дефиниции русской «Если в коллективе (семье) есть слабое звено, то деятельность всего коллектива (семьи) будет плохой» (*If there is one weak link in the team, then the work of the whole team will be bad*) и английской «*A disreputable or disgraced member of a family*» (Опозоренный член семьи, с плохой репутацией) паремий; 9) приводятся примеры речеупотребления: *Ты скупостью своей и нас позоришь! Паршивая овца все стадо портит.* А. Островский. Кузьма Захарыч Минин-Сухорук. Конечно, мы должны очень бережно относиться к каждому члену партии, но еще больше беречь честь своей организации. – Совершенно правильно! – Матвееву показалось, что первым секретарь соглашается с ним, и он добавил торжествующе: – *Паршивая овца все стадо портит.* О. Лаптев. Заря.

Методика презентации паремий третьего типа может быть представлена следующим образом: 1) номинируется русская паремия, например «*Бойся клеветника, как злого еретика*»; 2) приводится англоязычный перевод (*Be afraid of a slanderer as an evil heretic*); 3) номинируется английская паремия «*Give a dog a bad name and hang him*»; 4) выявляются общие концептуальные основания – отрицательный аксиологический

заряд; 5) выявляются отличные концептуальные основания: (а) *клеветник, злой еретик / give a dog a bad name*, (б) *бойся / hang him*; 6) сравниваются концептуальные основания указанных различных номинаций и выявляется аналогия: отрицательная оценка (*клеветник, злой еретик / bad*); 7) выявляются номинации абсолютно различные по концептуальному основанию (б) *бойся / hang him*; 8) сопоставляются дефиниции русской «Клевета и напраслина опасны» (*Slander and vain are dangerous*) и английской «It is very difficult to lose or change a bad reputation» (Очень сложно утратить или изменить плохую репутацию) паремий; 9) приводятся примеры речеупотребления: Хорошую репутацию заслуживают делами и поступками, но некоторые люди завистливы и пытаются навредить. *Бойся клеветника, как злого еретика.*

Репрезентация паремийных единиц в процессе обучения русскому языку как иностранному позволяет углубить понимание русского языка, способствует формированию языковой картины мира вторичной языковой личности, помогает избежать конфликта культур в процессе межкультурной коммуникации.

Таким образом, важность паремий как фразеологических единиц детерминирует необходимость методологической разработанности экспликации данного речевого материала как в процессе обучения русскому языку как родному с целью сохранения культурного наследия нации, так и в процессе обучения русскому языку как иностранному для формирования верной интерпретационной базы и трансляции особенностей русского менталитета и русской языковой картины мира.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1990. 246 с.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. 448 с.
3. Закиров Р.Р. Особенности перевода арабских паремий на русский язык // Вестник ТГПУ. 2013. № 1. С. 49-51.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 264 с.
5. Колошиц А.Г. Способы перевода паремиологических единиц на русский язык (на материале русской художественной прозы) // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тез. IX междунар. науч.-практ. конф.: в 6 ч. Минск, 2015. Ч. 4. С. 7-13.
6. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 2008. 672 с.
7. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород, 2002. 288 с.
8. Ошева Е.А. Паремиологическое пространство: дискуссионные вопросы. Пермь, 2013. 78 с.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988. 236 с.
10. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. СПб., 2003. 374 с.
11. Словарь пословиц и поговорок. URL: <http://slovarick.ru>.
12. Шалагина В.К. Немецкие пословицы и поговорки. М., 1962. 298 с.
13. Eismann W. Einige Probleme und Perspektiven der kontrastiven Phraseologie // Europhras 95. Bochum, 1998. S. 1-30.
14. Sailer J.M. Die Weisheit auf der Gasse oder Sinn und Geist deutscher Sprichwörter. Frankfurt am Main, 1996. 357 S.
15. TheFreeDictionary. URL: <http://www.thefreedictionary.com>.

А.А. Шовкун

Барнаульский юридический институт МВД России;

С.В. Калашикова, канд. филол. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

АББРЕВИАЦИЯ В РЕЧИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Как способ образования слов аббревиация уходит корнями далеко в историю, но в русском языке широко начала использоваться в период Первой мировой войны, а особенно после революции 1917 г. В настоящее время аббревиация вызывает большой интерес ученых, особенно ее употребление в речи профессионалов специфических профессий (врачей, военных, сотрудников полиции, пожарных и др.).

Аббревиация в речи курсантов, обучающихся в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – курсанты МВД России) – нередкое явление. Функции аббревиации определяются через особенности правоохранительной сферы: жаргонной и профессиональной лексики, языка официальных документов (проникновение аббревиатур из языка служебных бумаг, нормативных документов). При употреблении аббревиатур в жаргоне курсантов анализируются способы и приемы ее создания [1; 3].

В настоящее время аббревиация является эффективным способом образования новых слов, которое позволяет создать содержательные и короткие слова в отличие от исходных. Будущие сотрудники МВД России в своей повседневной и профессиональной деятельности постоянно сталкиваются с таким явлением, как аббревиация.

Во-первых, аббревиация широко используется в сокращении и обозначении слов и понятий, которые относятся к правоохранительной терминологии. В современной правоохранительной системе регулярно появляются новые понятия, что влечет за собой образование новых терминов. Термины правоохранителей представляют собой развернутые словосочетания и сложные слова (Главное управление внутренних дел Российской Федерации по Алтайскому краю – ГУВД РФ по Алтайскому краю; контрольно-пропускной пункт – КПП; групповые нарушения общественного порядка – ГНОП), поэтому при их употреблении очень активно используются сокращения. Итогом данного процесса в правоохранительной среде является большое количество официально принятых аббревиатур: название различных видов оружия и специальных средств, стоящих на вооружении в органах внутренних дел (пистолет Макарова – ПМ, палка резиновая – ПР и др.); названия территориальных подразделений (отдел полиции – ОП, орган внутренних дел – ОВД и др.) [3]. С различными аббревиатурами обучающиеся сталкиваются ежедневно в процессе учебной деятельности при изучении профессиональных дисциплин, во время практических занятий и служебной деятельности (тактико-технические характеристики – ТТХ; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности – ООПиООБ). Сокращенные названия терминов также включены в словарный запас курсантов и зачастую воспринимаются ими в качестве курсантских жаргонизмов.

Во-вторых, аббревиация активно используется на практике в языке официальных документов внутри правоохранительных органов. Такая тенденция объясняется тем, что сокращению подвергается все, что может быть сокращено: виды учебных дисциплин (уголовно-процессуальное право – УПП; тактико-специальная подготовка – ТСП; теория государства и права – ТГП); названия факультетов (факультет подготовки сотрудников полиции и следователей – ФПСПиС; факультет заочного обучения – ФЗО); названия кафедр (кафедра огневой и технической подготовки – ОТП; кафедра адми-

нистративного права и административной деятельности – АПиАД; кафедра оперативно-разыскной деятельности – ОРД), названия должностей (временно исполняющий обязанности начальника института – врио НИ; заместитель начальника института по работе с личным составом – РЛС; начальник технической части – НТЧ).

Важно заметить, что аббревиатуры из языка деловой документации активно проникают в устную речь и широко используются не только в официально-деловой деятельности, но и разговорной. С помощью аббревиатур в образовательных организациях системы МВД России (в частности, в Барнаульском юридическом институте МВД России) записываются виды занятий по дисциплинам: сз – семинарское занятие, пз – практическое занятие, фз – факультативное занятие. Обучающиеся используют сокращения терминов при написании лекции, что увеличивает скорость письма и усвоения материала (общественный порядок – ОП; федеральный закон – ФЗ). Они привыкли к таким сокращениям учебных дисциплин (уголовное право – УП; трудовое право – ТП; семейное право – СП; история государства и права зарубежных стран – ИГПЗС), понятий (договор дарения – ДД; нормативно-правовой акт – НПА), поэтому употребляют их и в своей устной речи. Яркий пример. Командир учебной группы, представляя ее преподавателю, говорит: «Учебная группа 1556 к эсзэ по административному праву готова, докладывал командир группы сержант Иванов Степан».

Проникновение аббревиатур в разговорную речь обучающихся способствует формированию жаргонной лексики у курсантов. Чтобы опираться на фактические показатели, мы провели анкетирование среди слушателей заочного обучения и выявили, что чаще всего используются такие сокращения: ОП – отдел полиции; ОБЭП – отдел по борьбе с экономическими преступлениями, ГУВД – главное управление внутренних дел.

Нами было проведено анкетирование среди курсантов 2 курса, в анкетировании приняли участие 45 человек в возрасте 20-22 лет. Курсантам предлагалось записать аббревиатуры, которые они употребляют в своей речи чаще всего, и аббревиатуры, которые непопулярны в их повседневной речи. В результате было выявлено 32 аббревиатуры. Мы выделили следующие виды:

- слоговые (замком (взвода) – заместитель командира; старлей – старший лейтенант; сампо – самостоятельная подготовка);
- создание аббревиатуры посредством побуквенного расщепления уже существующего слова по аббревиатурному типу при наделении каждой буквы содержанием (курсант – колоссальная универсальная рабочая сила, абсолютно не желающая трудиться);
- игровая расшифровка широко известных аббревиатур (МВД – мама, вышли денег; МВД ВВ – мама, вышли денег, вышли все);
- инициальные аббревиатуры (ЧПОК – чрезвычайная помощь оголодавшим курсантам, т.е. буфет).

Таким образом, аббревиация довольно широко распространена в повседневной речи обучающихся в вузах МВД России и активно вживается в разговорную речь из языка официально-делового, научной сферы деятельности. Употребление аббревиатур в повседневной речи слушателей и курсантов обусловлено необходимостью максимальной концентрации информации в определенной фразе, при этом экономится время, при письме экономится материал для письма, время и объем записи (отражается наибольшее количество лекционного материала). Специфичность аббревиатур придает некоторую секретность информации, т.к. значение известно только определенному кругу лиц. Также важна развлекательная функция применения аббревиатур, которая находит яркое отражение в речи будущих сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Блох М.Я., Сергеева Т.С. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков // Гуманитарные науки. Филология. 2014. № 1 (29).

С. 186-199. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatsiya-kak-produktivnyy-sposob-slovoobrazovaniya-v-istorii-evropeyskih-yazykov> (дата обращения: 03.04.2017).

2. Дубровский В.Ю. типологические черты структурно-сокращенных образований в английском и русском военных социолектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2003. 20 с.

3. Скрипичникова Н.С. Устная профессиональная лексика полицейских: оценки и знания в устойчивых языковых единицах // Челябинский гуманитарий. 2013. № 4 (25). С. 43-44.

Секция «Конституционные принципы административно- территориального деления как один из гарантов сохранения этнокультурного единства»

А.Г. Асеев, доцент

*Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации*

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ГОСУДАРСТВА – ЗАЛОГ УСПЕШНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В России применяется два вида территориального деления:

- муниципальное (для организации местного самоуправления);
- административно-территориальное (для упорядоченного осуществления функций государственного управления).

Кроме этого, выделяют два основных подхода к соотношению административного и муниципального деления:

- в практическом плане это совмещение двух видов деления: границы муниципальных районов совпадают с границами административных районов;
- в правовом поле это юридическое разведение двух видов деления: границы административных и муниципальных единиц могут меняться независимо, в границах административного района могут действовать два муниципальных района или муниципальный район и городской округ.

Согласно Конституции РФ [2] Россия является федеративным государством и состоит из 85 равноправных субъектов РФ, из них: республик – 22, краев – 9, областей – 46, городов федерального значения – 3, автономных округов – 4 и одна автономная область. Субъект РФ – это основная территориальная единица, указанная в Конституции РФ [2], относящаяся ко всем ветвям власти: исполнительной, законодательной и судебной. Статус субъекта РФ может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта РФ в соответствии с федеральным конституционным законом [5]. Конституция РФ провозглашает в качестве одной из основ конституционного строя равноправие всех субъектов РФ, при этом принцип равноправия доминирует в статусе субъекта РФ, что находит отражение в ч. 1 и 4 ст. 5, ч. 2 ст. 72, ч. 4 ст. 76 [2].

В различных целях может применяться другая, более удобная группировка субъектов, которая, однако, не затрагивает другие сферы, где не реализуется данная цель. В экономических и статистических целях субъекты РФ объединены в двенадцать экономических регионов: Северный, Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный и Калининградский районы.

Также в настоящее время на территории России определено десять экономических макрорезонов: Центрально-Северная, Южно-Российская, Волго-Уральская, Сибирская, Восточно-Российская, Нечерноземная, экономическая зона Европейской России, Зауральской России, Европейской России и Урала, Байкало-Амурской магистрали.

В целях повышения эффективности управления субъектами РФ с 2000 г. институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в регионах Российской Федерации преобразуется в институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, состав которых определяется Указом [6]. Федеральные округа не являются субъектами или иной конституционной частью административно-территориального деления Российской Федерации и были созданы по аналогии с военными округами и экономическими районами, но не совпадали с их количеством и составом. Первоначально было создано семь федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. В 2010 г. были внесены первые изменения: из Южного федерального округа был выделен Северо-Кавказский федеральный округ. В 2014 г. был образован Крымский федеральный округ, который впоследствии, в 2016 г., вошел в состав Южного федерального округа.

В целях улучшения управления в области обороны существует военно-административное деление Российской Федерации [4]. Вся территория нашего государства поделена на военные округа, названия и состав которых определяется указом Президента РФ [4]. В сентябре 2001 г. в России было создано 6 округов (Московский, Ленинградский, Северо-Кавказский, Приволжско-Уральский, Сибирский и Дальневосточный) и Калининградский особый район. В сентябре 2010 г. состав военных округов изменился, и были созданы: Западный, Северо-Кавказский, Приволжско-Уральский, Сибирский и Дальневосточный. В декабре 2010 г. остались только четыре округа: Западный, Южный, Центральный и Восточный. В декабре 2014 г. создано объединенное стратегическое командование «Север».

Наряду с Вооруженными Силами РФ на территории Российской Федерации имеется параллельное военно-административное деление на округа войск национальной гвардии. На сегодняшний день существует семь округов: Восточный, Сибирский, Уральский, Северо-Западный, Приволжский, Северо-Кавказский и Центральный. В 2016 г. была создана Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации. В результате комплекса мероприятий, проводимых в целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157, созданы 84 территориальных органа Росгвардии: 4 главных управления, 55 управлений и 25 отделов.

Если рассматривать состав и структуру других силовых структур Российской Федерации, то и у них имеется примерное административно-территориальное деление. Так, например, с июля 2004 г. Пограничная служба перешла от линейного принципа охраны государственной границы к регионально-объектовому. В связи с этим региональная структура Пограничной службы включает восемь региональных пограничных управлений (далее – РПУ), таких как РПУ по ЦФО; РПУ по ЮФО; РПУ по УФО; РПУ по ПФО; РПУ по СФО; РПУ по ДФО; Северо-Западное РПУ и Арктическое РПЦ.

Кроме этого, в целях исчисления времени, а также регулирования отношений, возникающих при распространении информации о точном значении времени и календарной дате, в России существует деление территории на часовые зоны. Часовая зона – часть территории Российской Федерации, на которой действует единое время, установленное Федеральным законом «Об исчислении времени» [3], в соответствии с кото-

рым с 26 октября 2014 г. на территории России установлено 11 часовых зон, границы которых формируются с учетом границ субъектов РФ. Только в одном случае субъект Федерации не входит в часовую зону целиком: так, Республика Саха (Якутия) входит в девятую и десятую часовые зоны.

В соответствии со ст. 28 Водного кодекса [1] в Российской Федерации установлены 21 бассейновый округ: Балтийский, Баренцево-Беломорский, Двинско-Печорский, Днепровский, Донской, Кубанский, Западно-Каспийский, Верхневолжский, Окский, Камский, Нижневолжский, Уральский, Верхнеобский, Иртышский, Нижнеобский, Ангаро-Байкальский, Енисейский, Ленский, Анадыро-Колымский, Амурский, Крымский. Бассейновые округа являются основной единицей управления в области использования и охраны водных объектов и состоят из речных бассейнов и связанных с ними подземных водных объектов и морей.

Литература

1. Водный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 03.06.2006 № 74-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 23. Ст. 2381.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Об исчислении времени: федеральный закон от 03.06.2011 № 107-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3247.
4. О военно-административном делении Российской Федерации: Указ Президента РФ от 20.09.2010 № 1144 // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1613.
5. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
6. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента РФ от 13.05.2000 № 849 // СЗ РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.

*Р.С. Галиев, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт МВД России*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИИ

Федерализм как форма государственного устройства включает в себя определённые принципы и признаки, отличающие любое федеративное государство от унитарного. Такая форма государственного устройства присуща и современному Российскому государству, и его федеративное устройство является одной из конституционных основ. В истории федерализма в России существует поддерживаемая многими историками и правоведами периодизация, включающая четыре основных периода:

- 1-й период – 1918-1936 гг. – создание основ социалистического федерализма;
- 2-й период – 1937-1985 гг. – утверждение фактического унитаризма в государственном устройстве России;
- 3-й период – 1985-1993 гг. – реформы государственного устройства перед принятием Конституции 1993 г.;
- 4-й период начинается с 1993 г. и длится по настоящее время – это современный российский федерализм.

Классическое представление истории российского федерализма основывается на жесткой централизации Российского государства вплоть до 1918 г. Однако следует обратить внимание на некоторые особенности государственного устройства Руси. Так, Киевская Русь представляла собой весьма «рыхлый» союз племен, державшийся на кровном единстве их князей, что всё же позволяет говорить о некоей конфедеративности Киевской Руси. Именно такая конфедеративность позволила Руси остаться непокоренной Ордой, и именно эта полицентричность помогла сохранить Русь как культурную общность [4, с. 19].

Московское царство характеризовалось жесткой централизацией государственной власти и предельным унитаризмом российской государственности. При этом отдаленные регионы обладали автономией, которая являлась неизбежностью, выступала своеобразной «платой» за расширение государственных границ и в то же время являлась способом поддержки стабильности и лояльности новых государственных территорий [1, с. 235]. К примеру, в XVII-XVIII вв. путь из Москвы или Санкт-Петербурга в Якутск занимал несколько месяцев, что осложняло управление Сибирью из центра.

Российскую империю можно охарактеризовать как унитарное государство с децентрализованной системой управления, и именно децентрализация способствовала широкому территориальному росту, присоединению различных по своему культурному составу земель.

Революции 1905-1907 и 1917 гг. предельно обнажили все противоречия в стране, в т.ч. и противоречия между интересами центра и территорий. Советский федерализм был неизбежным решением для создания «диктатуры пролетариата», советская модель федерализма была направлена на решение национального вопроса и на деле оказалась несостоятельной. Она развивала одну из главных проблем российского федерализма – сокрытие за ширмой федерализма жесткого централизованного унитарного порядка.

В начале 90-х гг. XX в. внутри Российской Федерации развернулся процесс, именуемый «парадом суверенитетов». Происходило одностороннее повышение статуса национальных автономий. Выступая в Татарстане после принятия Декларации о суверенитете, Президент России Борис Ельцин произнес хрестоматийную фразу: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» [3].

Автономии начинают принимать собственные декларации о суверенитете, многие из которых нарушают принцип верховенства федерального законодательства. Некоторые республики заявили о возможности выхода из состава России или же вовсе провозгласили себя суверенными государствами. В декларациях некоторых республик не употреблялись слова «в составе Российской Федерации». Тем самым многие республики оформили конфедеративный характер отношений с Российской Федерацией.

Таким образом, в самом начале 90-х гг. лозунги федерализма служили прикрытием и оправданием стихийной децентрализации, т.е. массового присвоения регионами функций и полномочий федерального центра [4, с. 22].

Реальный же российский федерализм был установлен с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. Конституция определила основы российского федерализма, установив, что Российская Федерация – это федеративное государство. Суверенитет России распространяется на всю ее территорию, Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей территории страны. Конституция страны не предусматривает права сепарации – выхода субъектов из состава федерации (что соответствует мировой практике). При этом одной из проблем, не разрешенных Конституцией, является равенство субъектов, что составляет один из принципов российского федерализма. В то же время ряд статей Конституции подчеркивает неравенство субъектов Федерации, что вызывает сложности как в отношениях субъектов с федеральным центром, так и между собой. Существует и ряд других проблем российского федерализма.

Реформы федерализма 2000-х гг. включали несколько измерений, в частности, был введен пост полномочного представителя Президента в семи созданных федеральных округах. Был введен институт федерального вмешательства в регионах и проведена

реформа Совета Федерации. Также была проведена гармонизация законодательства (установление соответствия регионального законодательства федеральному).

Таким образом, современные федеративные отношения в России, обусловленные историческими корнями, строились в условиях особенных политических факторов и национально-этнических особенностей. Сегодня можно с уверенностью сказать, что российский федерализм еще не сложился полностью, но с принятием Конституции 1993 г. была заложена его основа, принципы и основной вектор развития.

Литература

1. Баранов А.В., Вартумян А.А. Политическая регионалистика: курс лекций. Вып. 2. М., 2004.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. 4 авг. № 31. Ст. 4398.
3. Пять знаменитых цитат Бориса Ельцина. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/12/29/reg-urfo/eltsin-site.html> (дата обращения: 20.04.2017).
4. Смирнягин Л.В., Бусыгина И.М. Российский федерализм. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf> (дата обращения: 20.04.2017).

Д.С. Орлов, канд. ист. наук
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина

МОДЕЛИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Проблемы становления современного федеративного государства являются насущными и одними из важнейших для современной России. Во многом от того, удастся ли перейти к подлинно федеративному государству, зависит дальнейшая судьба России: сохранение единства государства, успешное проведение экономической реформы, демократизация политической жизни, интеграция с соседними государствами, эффективное функционирование законов и многое другое.

Принцип федерализма жизненно важен для интеграции Российского государства, отличающегося не только своими масштабами, но и экономическим, национальным, историческим, социально-политическим, идеологическим многообразием регионов. Уже в процессе перехода от прежней жестко централизованной экономики к рыночным хозяйственным отношениям быстро выявилась необходимость многих специфических форм и методов такого перехода.

По своей сути, федерализм является высшей ступенью современного разделения властей, образования, говоря «американским языком», системы сдержек и противовесов, ограничивающих централизованный этатизм на различных уровнях государственного устройства – федеральном, региональном, местном. На этой ступени принцип ограничения власти путем ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную дополняется формированием еще одного противовеса государственным прерогативам в виде контрвласти субъекта федерации. Основания и смысл второго разделения те же,

что и первого – создание более гибкого и сильного механизма защиты индивидуальной свободы от неправового принуждения со стороны государства (оно объективно тяготеет к «абсолютному»), а также рационализация государственного управления. В современном обществе полноценное взаимоограничение властей способно осуществиться только в форме федерации, согласно принципиальному, по Монтескье, смыслу данного разделения – «власть осуществляет власть».

Существенное отличие нового подхода к федерализму в том, что он стал основой перестройки всего государственного механизма России, не ограничен сферой национальной политики, определяет отношения между центром и субъектами Федерации (ранее они именовались административно-территориальными единицами), сняв неудовлетворенность многих регионов своим статусом, явно ущемленным по сравнению с набравшими самостоятельность республиками.

На сегодняшний день существует, по крайней мере, несколько причин, обуславливающих поступательное развитие федерализма в России. Одновременно с этим следует выделить и кризисные моменты, которые во многом сдерживают этот процесс: экономическое неравенство субъектов Российской Федерации; проблема суверенитета республик, входящих в состав Российской Федерации; обострение межнациональных отношений.

Область нерешенных вопросов в формирующейся модели российского федерализма чрезвычайно широка. Но есть сфера, где проблемы проявляются наиболее остро – соотношение формального конституционного равенства субъектов Федерации и крайних различий в экономическом и природно-ресурсном потенциале, финансово-бюджетных возможностях. Эта дифференциация не имеет мировых аналогов. Так, например, разрыв среднедушевых доходов между субъектами Российской Федерации значительно выше аналогичных показателей в других федеративных государствах. Горизонтальная несбалансированность бюджетной системы обусловлена объективно различным положением территориальных единиц, составляющих государство. Горизонтальная несбалансированность, с одной стороны, проявляется в различиях налоговой базы, а с другой – разными потребностями территорий в социальных услугах.

Федерализм в России не противостоит идеям самоопределения народов и развития национальной государственности, а также интересам регионов, их стремлению к повышению самостоятельности. Его достоинства – общий рынок, свободный приток капиталов, товаров и услуг, свобода передвижения людей, благоприятные условия для взаимообмена достижениями науки, образования, культуры. Успех дальнейшей эволюции в этом направлении зависит от того, насколько своевременно и обоснованно будут устранены препятствия, ограничивающие возможности развития федеративной природы России на основе отношений согласия (договора) и самоуправления, обеспечиваемых нормами федеральной Конституции и их приоритетом.

Рассмотрение современной модели Российской Федерации с точки зрения обозначенных выше критериев дает основание считать ее более прогрессивной по сравнению с ранее существовавшей моделью государственного устройства России. В то же время вряд ли следует рассматривать действующую модель как окончательное решение вопроса о федеративном устройстве России.

В связи с изложенным хотелось бы предложить совершенствование конституционных основ Российской Федерации и создание правовых гарантий их реализации:

- 1) государственное единство России на основе общероссийского согласия;
- 2) переход федерации на территориальный принцип построения государства;
- 3) уравнивание в правах с республиками других субъектов Федерации;
- 4) обеспечение на территории страны всех конституционных прав человека и гражданина независимо от национальности;
- 5) упразднение автономных округов, находящихся на территории края, области, путем их объединения с соответствующим субъектом;

6) объединение субъектов на основе единой производственно-территориальной сферы. Тогда новый субъект будет менее уязвим в критических ситуациях (различные отрасли, отрасли экономики в объединившихся (объединяющихся) территориях должны «дополнять друг друга»);

7) сохранение культуры, национальной самобытности народа при объединении субъектов.

Судьбы российского федерализма находятся в руках нынешнего и будущих поколений. Очень важно, чтобы стабильность, устойчивость принципов, провозглашенных в Конституции 1993 г., сочетались с динамизмом их реализации, гибкостью и подвижностью применяемых форм и методов. С одной стороны, необходимо, чтобы были установлены и действовали надежные гарантии, препятствующие возрождению унитаристских, авторитарных начал в деятельности центра; субъекты Федерации должны чувствовать себя в безопасности от опасных переходов в системе управления. С другой стороны, федерализм должен иметь достаточный потенциал в противостоянии сепаратизму и безудержному регионализму. Как свидетельствует весь мировой опыт и особенно наша собственная история, ослабление федерации и ее распад не только несут с собой экономические и политические тяготы, но и прямо ведут к лишениям больших групп населения, нарушениям их жизненно важных прав и свобод. Федерализм, свободный от таких изъянов, способен выдержать испытания временем, а главное – улучшить жизнь людей.

Ю.В. Пазий, доцент

*Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации*

ГОРНАЯ ШОРИЯ КАК ОДИН ИЗ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

В Российской Федерации имеются историко-культурные регионы с собственными устоявшимися названиями. Они иногда совпадают с географическими территориями. Среди таких культурных или географических регионов на территории современной России можно выделить Горную Шорию.

Шорцы сформировались на основе субстрата, общего для угров, самодийцев, кетов. В VI-IX вв. они входили в состав Тюркского, Уйгурского и Енисейского каганатов и были тюркизированы, частично смешавшись с древнеалтайскими, уйгурскими, енисейско-киргизскими и монгольскими племенами. В XVII-XVIII вв. с шорцами слились пришедшие со стороны Иртыша, Барабинской и Кулундинской степи кочевники-скотоводы телеуты. В XVII-XVIII вв. русские называли шорцев «кузнецкими татарами» [3], «кондомскими и мрасскими татарами», «абинцами» [4].

Шорцы делятся на две этнографические группы: северную, или лесостепную (в быту их называют «абинцы»), и южную, или горно-таёжную. По этнографическим, антропологическим и лингвистическим особенностям исследователи выделяют десять локальных групп шорцев со своими своеобразными говорами, элементами материальной и духовной культуры, хозяйственными занятиями.

До XIX в. одним из основных занятий шорцев были выплавка иковка железа, особенно развитая на севере. Они платили дань железными изделиями тюркским каганам

(ханам), обменивали их у кочевников на скот, войлок, с XVIII в. сбывали железные изделия русским купцам. Русские называли их «кузнецкими людьми», их землю – «Кузнецкая земля» [2]. К концу XVIII в., с ослаблением связей с кочевниками и усилением контактов с русскими, изделия шорского кузнечества не выдерживали конкуренции с привозными русскими изделиями, и кузнечество постепенно стало исчезать, основным занятием стала охота на оленей, лосей, маралов, косуль. Позднее активно занимались охотой на белок, соболей, лис. Изначально основным орудием охоты был лук, а потом ружья. Шорцы охотились в пределах родовой охотничьей территории артелями по 4-7 человек, первоначально состоящими из родственников, потом – соседей. По этому принципу шорцы коллегиально решили принять христианство: с 1858 г. до начала XX столетия они были крещены священниками Алтайской духовной миссии и считались православными, носили русские, т.е. христианские, имена. Но наряду с официальной религией у них прочно сохранялись традиционные верования в хозяев природы: духов огня, ветра, воды, гор, лесов, источников, домашнего очага. Духам-хозяевам приносили в жертву лошадей. Определенные обряды были связаны с охотой на медведя. Общение с ними, а также с верховными божествами – Ульгеном и Эрликом, происходило через посредника – шамана, к услугам которого прибегали при болезнях и трудных родах, во время похорон, перед охотой и сбором урожая. Шаманство шорцев имело родовой характер: шаманы наследовали свой дар и духов-покровителей в рамках рода. Атрибутами шамана были бубен и колотушка [1, с. 120-122].

У шорцев был развит богатый фольклор: загадки, песни, сказки, предания, охотничьи рассказы и легенды. У телеутов северные шорцы заимствовали героические поэмы, исполняемые под аккомпанемент двухструнного музыкального инструмента – комыса.

Шорцы жили в сезонных жилищах из ветвей и коры, пользовались лыжами, подшитыми камусом. Камус делался из жестковолосной части шкуры, снятой с нижних частей ног лося или лошади. Конский камус считался самым лучшим, самым ходким. Рыболовство служило основным источником питания. Поэтому много поселений было вдоль рек, в низовьях, где шорцы на лодках-долблёнках и берестянках с помощью шестов ловили рыбу.

После Октябрьской революции шорцы утратили большинство форм традиционного хозяйства. Современные шорцы организованы в хозяйства и промысловые артели, часть занята на лесозаготовках и добыче золота.

В конце 80-х – 90-е гг. XX в. началось движение за возрождение шорского народа, его языка и культуры. Были созданы Ассоциация шорского народа и общественные организации в городах, в городских администрациях введены должности заместителей глав администраций по национальному вопросу, создан и областной комитет по национальному вопросу, и в 1993 г. шорцы были отнесены к малочисленным народам Севера. Государственная программа развития экономики и культуры малочисленных народов Севера в 1991-1995 гг. принесла свои плоды – была открыта кафедра шорского языка, стали проводиться традиционные шорские праздники Пайрамы, а в школах стали преподавать шорский язык. Но шорцы считают, что самый главный вопрос – это вопрос о земле, о территориях традиционного природопользования, о выплате компенсации за нарушенные земли и уклад жизни.

В современной России Горная Шория – горно-таёжный район, расположенный в южной части Кемеровской области на стыке Алтая и Саян. Географически этот регион входит в горную систему Алтая, где сходятся границы России, Монголии, Китая и Казахстана. Шорцы – коренной народ России, живущий на юге Западной Сибири: в Кемеровской области, а также в смежных районах Республики Хакасия, Алтайского края, Кемеровской области, Красноярского края и Республики Алтай. Общая численность около 16 тысяч человек, из них большая часть живет в основном в Кемеровской области – более 12 тысяч человек.

Шорцы говорят на русском и шорском языке хакасской подгруппы северо-восточной группы тюркских языков. Мрасский шорский диалект, принадлежащий к ха-

касским наречиям, распространен по реке Мрас-Су и в верховьях реки Томи. На базе мрасского диалекта сформировался литературный шорский язык. Основные говоры мрасского диалекта – нижнемрасский, томский, среднемрасский, кобырзинский, верхнемрасский с ортонским подговором. Кондомское шорское наречие, примыкающее к северным диалектам алтайского языка, распространено в районах рек Кондома и Томь, на границе Кемеровской области, Хакасии и Республики Алтай. Основные говоры кондомского диалекта – нижнемрасский с абашевским подговором, мундыбашский (каларский), антроповский, верхнекондомский, пызасский.

Литература

1. Бабушкин Г. Ф. О шорской диалектологии // Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе, 1968.
2. Волошин А.Н. Земля Кузнецкая: роман. Кемерово: Кемеровское книж. изд-во, 1980. 287 с.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.: труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 55. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
4. Радлов В.В. Древние аборигены России. СПб.-М., 1884.

В.А. Попов

*Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации*

КАБАРДА КАК ОДНА ИЗ КУЛЬТУРНЫХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Территория, называемая Кабардой, в разные исторические периоды могла охватывать не всегда одну и ту же область, и авторы исторических сочинений часто могли по-своему трактовать ее местоположение на карте Северного Кавказа. Множество сообщений о населении и границах Кабарды сохранили русские летописные источники. Согласно «Книге Большому Чертежу» (описание карты Русского и соседних государств периода конца XVI – начала XVII вв.) [5] Кабарда располагалась на левом берегу реки Терек между реками Ардон и Аргудан. Кабардинцы – одна из этнических групп адыгов (черкесов).

Многие современные исследователи высказывают мнение, что адыги являются потомками носителей майкопской культуры, существовавшей в IV тысячелетии до н.э. Предки адыгов стали наследниками майкопской культуры – кобанской, северокавказской и прикубанской [2].

Часто к адыгам (черкесам) относят убухов, при этом оговаривая, что это «одно из черкесских племен», «весьма смешанное по своему составу» [4, с. 205]. В 1820 г. появился первый адыгский алфавит на основе кириллицы. При его создании пришли к выводу, что «убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхазским». Однако большинство убухов говорило на абадзехском диалекте черкесского (адыгского) языка. Впервые адыги, в частности кабардинцы, стали известны под именем касогов начиная с IX в. В то время византийцы именовали адыгов зихами. Адыги, кабардинцы жили в Черкесии. Кабарда как самостоятельная политическая еди-

ница стала формироваться в XIII-XV вв. Далее, вплоть до XVIII в., существовала зависимость части соседних осетин, чеченцев, ингушей, абазин от кабардинских князей. Сохранялись архаичные формы власти: народные собрания, тайные мужские союзы [8, с. 211].

Кабардинцы как в России, так и за рубежом исповедуют ислам суннитского толка. Процесс проникновения ислама в адыгскую среду наиболее интенсивно начался с падения Византийской империи в 1453 г., когда на ее территории образовалась могущественная Османская империя, а в Крыму обосновался ее сильнейший союзник и вассал Крымское ханство. Адыги, будучи в тесных контактах с ними, начали постепенно заимствовать у них религию. Окончательно ислам укоренился и утвердился в адыгской среде в начале XVIII в. [3, с. 212].

В 1561 г. царь Иван IV Грозный женился на дочери известного кабардинского князя Темрюка Идарова – Идархэ Гошаней Темрюковне, и после крещения в Москве она стала царицей Марией. Различные потомки Идаровых поступали на русскую службу, им была присвоена фамилия Черкасские, и они положили начало некоторым русским и польским княжеским фамилиям [5].

Большая Кабарда во второй половине XVII в. была разделена между тремя братьями, ставшими патриархами трех (позднее – четырех) княжеских домов: Атажукины, Мисостовы и Джамбулатовы, последние разделились в XVIII в. на Кайтукиных и Бекмурзиных [7, с. 163].

В 1763 г. Российская империя начала строительство в Малой Кабарде крепости Моздок. Царское правительство, ссылаясь на статьи Адрианопольского трактата с Турцией, заявило о своих правах на черкесские земли. Это привело к первому восстанию 1778 г., подавленному генералом И. Якоби, который наложил на Кабарду огромную контрибуцию, ещё более разорившую кабардинский народ. Большой размах военные действия получили в 1794 и 1804 гг. Последнее нанесло особенно сильный удар кабардинскому народу. Военный гнет и изъятие земель привели к тому, что доведенный до крайнего ожесточения народ Кабарды вновь восстал в 1810 г. Восстание подавлял генерал Булгаков. Итогом карательной экспедиции стало сожжение 200 селений и 9585 жилищ, сопровождавшееся тотальным грабежом. В 1822 г. с восставшей в последний раз Кабардой воевал генерал А.П. Ермолов. После этого на кабардинцев обрушились эпидемии чумы, что спровоцировало уход значительной части населения в Чечню и Западную Черкесию. От компактно проживающих кабардинцев после 1822 г. осталось около 30 тысяч [6, с. 187].

После включения в состав Российской империи Кабарда стала называться Кабардинским округом Терской области. В СССР Кабардой являлась населённая кабардинцами часть Кабардино-Балкарской АО, затем АССР. Соединение в одном субъекте кабардинцев и балкарцев имело целью попарное сдерживание национализма [1, с. 122].

В 2002 г. во время переписи немногочисленные потомки убыхов, или те, кто считает себя таковыми, заявили, что они носители общечеркесского самосознания, разделяют черкесские (адыгские) культурные традиции и идентифицируют себя с основным массивом современного черкесского (адыгского) народа [9, с. 161].

За рубежом этноним «черкес» продолжает употребляться в отношении потомков черкесских (адыгских) мухаджиров, а также потомков черкесских (адыгских) мамлюков, правивших Египтом и Сирией с 1390 по 1517 гг., проживающих в адыгской диаспоре. Этноним «черкесы» и топоним «Черкесия», начиная с XIII века, применяется для обозначения адыгского народа и его страны на Северном Кавказе. В результате последствий Русско-Кавказской войны, административных преобразований Российской империи в XIX в., а позже и СССР черкесский (адыгский) народ на своей родине ныне представлен множеством анклавов, большинство из которых административно и территориально объединены в четыре массива: шапсуги, адыгейцы, черкесы (жители Карачаево-Черкесии), кабардинцы.

Литература

1. Бейтуганов С.Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. СПб., 1985.
2. Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада: сайт. URL: <http://oldvostlit.info/>
3. Думанов Х.М. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Нальчик: Нарт, 1992.
4. Кабардинцы // Народы и религии мира: энциклопедия. М., 2000.
5. Книга Большому Чертежу. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/91221/Kniga_bol%27shomu_chertezhu.html.
6. Крупнов Е.И. Памятники Кобанской культуры Северного Кавказа // Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960.
7. Культурный центр Джэгуакуэ: история адыгов. СПб., 2010.
8. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
9. Хотко С. История Черкесии в средние века и новое время. СПб., 2007.

И.Б. Тугаринов

*Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
 войск национальной гвардии Российской Федерации*

**ИНГЕРМАНЛАНДИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ
 РАЗНОВИДНОСТЬ КУЛЬТУРНОГО
 И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИИ**

Ингерманландия – этнокультурная и историческая область на северо-западе современной России. Располагается по берегам Невы, ограничивается Финским заливом, рекой Нарвой, Чудским озером на западе и Ладожским озером с прилегающими к нему равнинами на востоке. Её границей с Карелией считаются реки Сестра и Смородинка.

Первые следы обитания человека на территории современной Ленинградской области относятся к эпохе мезолита, это VIII-VII тысячелетие до н.э. В I тысячелетии до н.э. из Верхнего Поволжья на эти земли пришли прибалтийско-финские племена. В VIII-X вв. на берегах реки Луги поселились ильменские словене. В VIII-XII вв. по реке Неве проходил Волжский торговый путь и торговый путь «Из варяг в греки».

Страна Ингрия и её жители, ингры, впервые упоминаются в письменных источниках конца XII в., в буллах римского папы Александра III. В 1221 г. земля под названием «Ингардия» упоминается Генрихом Латвийским в «Хронике Ливонии». Древнейшим народом Ингрии была воть, первое письменное сообщение о которой относится к 1069 г. По имени народа воть была названа Водская пятина – административно-территориальная единица Новгородской республики. Народ ижора впервые был описан в русских летописях в 1228 г., когда новгородцы вместе с ижорской дружиной отразили нападение племени емь. Ижора и воть участвовали в решении вопросов внутривнутриполитической жизни Новгородской республики наравне с русским населением.

Ижорская земля получила свое название от населявшего её племени ижора. Начиная с XII в. Водская и Ижорская земли существовали в составе Новгородской республики в качестве автономных административных единиц. Колонизация новгородцами бассейна реки Невы и Приладожья происходила постепенно, и лишь к XIII в. эти земли полностью и окончательно вошли в состав Водской пятины Новгородской республики [1].

В июле 1240 г. шведские корабли вошли в устье реки Невы [2]. 15 июля новгородский князь Александр атаковал шведский лагерь у устья реки Ижоры и одержал блестящую победу. Согласно хроникам, ему в помощь был «некий муж по имени Пелгусий, который был старейшиной в Ижорской земле, и ему были доверена охрана морского побережья: и он принял святое крещение и жил посреди своего рода, погана суца, и в святом крещении дано ему было имя Филипп». После почти ста лет пребывания под властью Шведского королевства Ингерманландия стала частью Российской империи по результатам Северной войны 1700-1721 гг. В 1703 г. в устье Невы неподалеку от Ниена был заложен город Санкт-Петербург, ставший в 1712 г. столицей Русского царства [2].

В 1704 г. завоевание Ингерманландии в целом было завершено и началось оформление Ингерманландии как новой российской губернии. В 1703 г. А.Д. Меншиков стал губернатором Ингерманландии. На основании указа о порядке управления Ингерманландской губернией была создана в 1707 г. Ингерманландская губерния. По указу 1708 г. в новообразованную губернию, переименованную в 1711 г. в Санкт-Петербургскую, входили огромные земли, в т.ч. города: Санкт-Петербург, Великий Новгород, Нарва, Шлиссельбург, Ямбург, Копорье, Псков, Ладога, Порхов, Гдов, Опочек, Изборск, Остров, Старая Русса, Луки Великие, Торопец, Бежецкий Верх, Устюжина Железопольская, Олонец, Белоозеро, Ржева Пустая, Заволочье, Каргополь, Пошехонье, Ржева Володимирова, Углич, Ярославль, Романов, Кашин, Тверь, Торжок, а также Дерптский уезд, при этом города Копорье и Ямбург были отданы во владение светлейшему князю А.Д. Меншикову.

Часть губернии – Санкт-Петербургская провинция – территориально соответствовала Шведской Ингерманландии. Впоследствии из Санкт-Петербургской губернии выделились Эстляндская, Новгородская, Тверская, Псковская, Олонецкая и Ярославская губернии.

В 1712-1723 гг. Ингерманландией управлял Ф.М. Апраксин, а с 1728 по 1742 гг. генерал-губернатором Ингерманландии был Б.К. Миних [3]. На территории региона было сформировано несколько новых полков русской армии, в т.ч. Ингерманландский пехотный полк Меншикова. В 1715 г. в Санкт-Петербурге был спущен на воду спроектированный Петром I линейный корабль «Ингерманланд», ставший флагманом императора [6].

В 1920 г. по условиям Тартуского договора между РСФСР и Эстонией небольшая часть западной Ингрии, так называемая Эстонская Ингерманландия, включая Ивангород, была включена в состав Эстонской республики [4]. С 1927 г. территория Ингерманландии входит в состав Ленинградской области. В том же году, в рамках советской политики «коренизации», на её территории был сформирован Куйвозовский финский национальный район и более шестидесяти финских национальных сельсоветов. Район и сельсоветы были расформированы в 1939 г. С 1930-х гг., во время развертывания массового террора в СССР и усиления антифинской государственной политики, термин «Ингерманландия» стал исключаться из выступлений партийных и советских руководителей, сошел со страниц печати, не употреблялся в радиопередачах, а затем выпал и из научной литературы. До середины 1980-х гг. упоминания об ингерманландцах и исторической области Ингерманландия можно было встретить лишь в отдельных публикациях на страницах специальных научных изданий. Лишь начиная с 1987 г. наступает своеобразный прорыв и термин «Ингерманландия» начинает выходить из забвения. Так, например, в настоящее время в Ленинградской области заканчивается создание нового Государственного природного заповедника федерального значения, его официальное название – «Ингерманландский» [7]. В целом этнические процессы XVIII-XIX вв. характеризовались ростом доли русского населения в Ингерманландии и сокращением доли прибалтийско-финского населения. В XX в. этот процесс усилился, и к настоящему времени на территории Ингрии водь, ижора и ингерманландские финны составляют лишь незначительное меньшинство, основное же население – русские [5].

Литература

1. Агеева Р.А. Водский язык // Языки народов России. Красная книга / гл. ред. В.П. Нерознак. М.: Academia, 2002. 378 с.
2. Бегунов Ю.К. Древнерусские источники об ижорце Пелгусии-Филиппе, участнике невской битвы 1240 г. // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1982 год. М.: Наука, 1984. С. 76-85.
3. Григонис Э.П. Исторические судьбы территорий, присоединённых к Российской империи по Ништадскому миру 1721 г. и в результате разделов Речи Посполитой // Рос. газ. 1993. 21 сент.
4. Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX-XX веке. СПб.: ИИ РАН «Нестор-История», 2004. 450 с.
5. Национальные окраины российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998.
6. Неволин К.А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1853.
7. Об утверждении проекта организации государственного природного заповедника «Ингерманландский» в восточной части Финского залива: постановление от 11 марта 1999 г. № 86-пг // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/839201629>.

*Д.А. Шапоров, канд. ист. наук, доцент
 Барнаульский юридический институт МВД России*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Российская Федерация – это исторически сложившееся многонациональное государство, одной из наиболее важных задач которого всегда являлось обеспечение нормальной полноценной жизни населяющих её народов в составе единого государства.

Современный федерализм в России во многом уникален и неповторим. Ему трудно, если вообще возможно, найти аналоги в мировой истории. Федерализм России не сводится к одному лишь национально-государственному устройству, что было характерно для советской модели, и в то же время не ограничивается только принципами территориального устройства, что характерно для большинства современных зарубежных государств. Попытки копировать у себя опыт зарубежных федераций не могут иметь успеха по той причине, что зарубежный опыт государственного строительства не соответствует российским реалиям и противоречит интересам развития страны. Теоретические концепции западного образца (теория плавильного котла народов, толерантного общества и др.) при всей своей внешней привлекательности не могут устранить сложные и противоречивые процессы, порождавшие кризисы и дестабилизацию государственной организации в России ещё в недавнем прошлом [1, с. 33].

Федеральная целевая программа «Укрепление единства Российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)», принятая Постановлением Правительства РФ 20 августа 2013 г. № 718, указывала на негативные факторы, оказывающие деструктивное воздействие на развитие межнациональных (межэтнических) отношений в стране, к числу которых относилась следующие:

- размывание традиционных нравственных ценностей народов России;
- правовой нигилизм и высокий уровень преступности, коррумпированность отдельных представителей власти;
- попытки политизации этнического и религиозного фактора, в т.ч. в период избирательных кампаний;
- недостаточность мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций российских народов;
- высокий уровень социального и имущественного неравенства, региональной экономической дифференциации, распространенность негативных стереотипов в отношении других народов;
- недостаточность реализуемых мер по обеспечению эффективной социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов;
- недостаточный уровень межведомственной и межуровневой координации в сфере реализации государственной национальной политики, включая профилактику экстремизма и раннее предупреждение межнациональных конфликтов в субъектах Российской Федерации.

Данные обстоятельства не могут не учитываться в свете проводимой государственной национальной политики на территории Алтайского края – одного из наиболее многонациональных субъектов Российской Федерации.

Данные последней переписи, проводимой в 2010 г., позволяют говорить об относительной стабильности этнического состава Алтайского края. Обработка данных позволила констатировать факт проживания на Алтае 142 национальностей.

В число наиболее многочисленных этносов входят русские (92,0 %), немцы (3,0 %), украинцы (2,0 %), казахи (0,4 %), белорусы (0,3 %), армяне (0,3 %), татары (0,3 %), азербайджанцы (0,2 %).

К числу коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Алтайского края, принадлежат кумандинцы (1401 человек). Местами компактного проживания кумандинцев являются Красногорский, Солтонский районы и Бийск [2].

Этнокультурное соотношение численности представителей различных народов в период между переписями населения 2002 и 2010 гг. в основном изменилось преимущественно за счет существенного сокращения доли жителей немецкой (на 28,8 тыс. человек, или 63,8 %), украинской (на 20,5 тыс. человек, или 61,2 %), белорусской (на 3,69 тыс. человек, или 55,4 %) и мордовской (1,75 тыс. человек, или 63 %) этнических групп. Одновременно произошло увеличение доли узбекского (с 1,96 тыс. человек до 2,76 тыс. человек, или на 40,8 %) и таджикского (с 1,62 тыс. человек до 2,09 тыс. человек, или на 29 %) населения. При этом большая часть таджикского и узбекского населения постоянно проживает в городах края – 66,8 %. Сократилась и численность коренного малочисленного народа Алтайского края – кумандинцев – с 1,66 тыс. человек до 1,4 тыс. человек, причем сокращение произошло за счет уменьшения доли городского кумандинского населения.

Этнокультурный состав региона обусловил и многообразие вероисповеданий народов Алтайского края. Данные социологического мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений, полученные в 2015 г., свидетельствуют о том, что большинство опрошенных жителей края исповедуют православие и принадлежат к Русской православной церкви – 55,4 % опрошенных, 2,6 % тяготеют к старообрядчеству, 11,1 % считают себя православными, но не принадлежат к Русской православной церкви, 6,8 % исповедуют христианство (не православие, католицизм или протестантизм), 0,2 % – приверженцы ислама, 1,5 % – восточных религий и духовных практик. По состоянию на 1 января 2016 г. в Алтайском крае зарегистрировано 330 религиозных организаций. Абсолютное большинство (232) удовлетворяют религиозные потребности православного населения края (включая старообрядцев), 18 организаций отвечают

интересам евангельских христиан, 17 – евангельских христиан-баптистов, 16 – пятидесятников. В крае представлено 11 организаций Римско-католической церкви, 10 – Духовного управления мусульман.

В целях совершенствования работы по реализации государственной национальной политики в регионе правительством Алтайского края был разработан проект государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае на 2017-2021 годы», направленной на этнокультурное развитие и укрепление гражданского единства народов края.

Разработан план мероприятий по реализации в 2016-2025 гг. Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в Алтайском крае.

В марте 2016 г. подписано соглашение о сотрудничестве между администрацией Алтайского края и Федеральным агентством по делам национальностей, соглашение об основных направлениях взаимодействия между администрацией Алтайского края и Алтайской митрополией Русской православной церкви.

Правительством края проводится комплекс мероприятий, направленных на обеспечение взаимодействия руководителей этнических диаспор и национально-культурных общественных объединений с органами власти, формирование дискуссионных площадок на базе Совета по вопросам реализации государственной национальной политики Алтайского края, Общественной палаты Алтайского края, общественных советов при органах исполнительной власти и местного самоуправления городов и районов края. На постоянной основе осуществляется:

- анализ деятельности координационных и консультативных структур по вопросам межнациональных и этноконфессиональных отношений на региональном и муниципальном уровнях;

- оценка деятельности органов местного самоуправления по вопросам развития национально-культурных объединений и этнических диаспор, деятельности религиозных организаций на территориях;

- координация и анализ деятельности органов исполнительной власти края по выполнению пунктов Плана.

Проводятся многочисленные мероприятия с общественными организациями этнокультурной направленности [3].

В течение декабря 2015 г. – марта 2016 г. в крае прошел второй раунд мониторинга состояния межнациональных отношений в Алтайском крае. Осуществлен опрос населения 17 муниципальных районов и 4 городских округов края, а также 30 руководителей национально-культурных общественных объединений. Согласно данным проведенных исследований, доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве опрошенного населения Алтайского края составила 54,1 %, уровень толерантного отношения к представителям другой национальности – 80,5 % [4].

Таким образом, на основании вышеуказанного можно заключить, что проводимая Правительством Алтайского края национальная политика, осуществляемая в соответствии с федеральными государственными программами в тесном взаимодействии с различными этнокультурными объединениями граждан, дает свои положительные результаты по укреплению межнациональных отношений и преодолению негативных тенденций в этой сфере. Вместе с тем следует констатировать, что только постоянный мониторинг состояния межнациональных отношений и последовательно проводимый в жизнь комплекс плановых мероприятий позволит достичь намеченных результатов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М.: Юрид. лит., 1994.

2. Официальный сайт Алтайского края. URL: <http://altairegion22.ru/-gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/narodi-altaiskogo-kraia/narodi-altaiskogo-kraia.php>).
3. URL: <http://altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/Den-Rossii-na-Biriuzovoi-Katuni/>
4. URL: <http://altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/realizatsiya-v-altayskom-krae-strategii-gosnatsionalnoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-php>.

Секция «Межконфессиональное взаимодействие как один из важнейших факторов этнокультурной стабильности»

*В.Д. Выборный, канд. ист. наук, доцент
Могилевский институт МВД Республики Беларусь*

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА ПО РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ПРОГРАММ ЖИЗНИ МОГИЛЕВСКОГО РЕГИОНА

В последние годы у жителей Могилевской области прослеживаются определенные изменения в состоянии их религиозного сознания. Отмечается рост ценности религии и веры в бога. Если до 2009 г. эти ценности были отмечены у не более 10% населения, то в 2012 г. – уже у 13,8% [3, с. 3-4; 2, с. 226]. Абсолютное большинство жителей Могилевской области (93,4%), по данным социологических исследований, считают себя верующими людьми. По состоянию на 1 января 2017 г. в Могилевской области зарегистрированы и действуют 289 религиозных общин, 19 вероисповедных конфессий и направлений, в т.ч.: православных – 136, римско-католических – 23, греко-католических – 1, старообрядческих – 7, лютеранских – 4, пресвитерианских – 1, евангельских христиан баптистов – 40, христиан веры евангельской – 41, адвентистов седьмого дня – 6, новоапостольских – 2, христиан полного Евангелия – 3, церкви Христовой – 1, свидетелей Иеговы – 3, мормонов – 1, иудейских – 16, мусульманских – 1, бахаи – 1, кришнаитов – 1, Армянской Апостольской церкви – 1.

Значительное количество жителей области соотносят себя с верующими и являются так называемыми «партикулярными верующими». Они не осуществляют церковного поведения, не участвуют в обрядах и не соблюдают все предписания. В то же время увеличивается, хотя и не так активно, число жителей, которые не только разделяют религиозные догматы, но и пытаются участвовать в религиозной жизни и соблюдают религиозные обряды. По результатам исследования, проведенного Институтом социологии Академии наук в 2011 году, выяснилось, что «истинно верующих» в Беларуси уже составляет 20%. Это, конечно, достаточно низкие показатели активной религиозной принадлежности по сравнению с другими странами. Что касается религиозного поведения жителей Могилевщины, то следует отметить, что практически восемь из

десяти человек заходят на богослужения в храмы. Это неустойчивое культовое поведение [3, с. 4-6].

Как следует из ответов респондентов, мотивами посещения православных богослужений чаще всего являются: уважение к религиозным традициям (37,5%), душевная потребность (33,0%), обретение покоя (31,9%), ответы на жизненные проблемы (10,6%), красота и торжественность (5,6%), дань моде (4,1%), избавление от одиночества (2,4%). А вот по чисто религиозным убеждениям богослужения посещают только 18,9% [1, с.123-124].

Местные органы власти Могилевской области пытаются использовать эту религиозную ситуацию в общественно-политической, духовной жизни региона. Первым шагом в этом направлении стала разработка соглашений о сотрудничестве с БПЦ и РКЦ. Заключен ряд соглашений между горрайисполкомами и благочиниями, религиозными организациями. Потенциал религиозных организаций используется в работе по улучшению демографической ситуации, сохранению христианских семейных традиций и ценностей, профилактике и лечению алкогольной, наркотической зависимостей, суицидальных проявлений, работе с молодежью, развитию туризма и патриотическому воспитанию жителей Могилевщины.

Религиозные общины активно принимают участие в благотворительной деятельности и работе по духовно-нравственному воспитанию населения. Представители БПЦ посещают больницы сестринского ухода, психоневрологические дома-интернаты, центры коррекционно-развивающего обучения и реабилитации детей и подростков, районные социально-педагогические центры. Оказывается поддержка малоимущим семьям одеждой, продуктами питания, гуманитарная помощь в виде посылочных наборов, организуется летний отдых детей, осуществляется передача подарков в детские сады и школы.

Органы государственной власти, предприятия и организации оказывают всевозможную помощь православным приходам как в проведении различных мероприятий религиозного характера (сопровождение крестных ходов службами ГАИ, скорой помощи, организация питания и проживания участников и т.д.), так и в ремонте, благоустройстве и строительстве культовых зданий.

Исполнительным комитетом организован сбор пожертвований на восстановление церкви среди трудовых коллективов организаций, индивидуальных предпринимателей, общественности. Создан местный благотворительный фонд «Возрождение историко-архитектурных памятников», основной целью которого является всевозможное содействие восстановлению и благоустройству историко-архитектурного наследия. Кроме оказания помощи в строительстве, восстановлении и реставрации храмов, органами власти по просьбам руководства традиционных конфессий осуществляется передача зданий и сооружений в безвозмездную собственность.

Руководители протестантских организаций в последнее время более внимательно относятся к вопросам межконфессионального сотрудничества, реализуют социальные и гуманитарные проекты преимущественно для нужд собственных прихожан, сотрудничают с общественными организациями. Основные их усилия направлены на благотворительную и миссионерскую деятельность, работу с молодежью. Проявляется активность протестантских общин, направленная на проведение мероприятий по вопросам формирования здорового образа жизни, сохранения семьи.

Вопросы этноконфессиональных отношений и о партнерстве государственных и религиозных организаций по реализации социально-значимых программ в последние годы периодически рассматривались на заседаниях исполнительных комитетов, комиссий содействия контролю за исполнением законодательства о свободе совести и религиозных организаций.

Государственными периодическими печатными и электронными средствами массовой информации целенаправленно освещаются вопросы религии, межконфессио-

нальных и межнациональных отношений. Во всех областных, городских и районных газетах введены соответствующие еженедельные рубрики и тематические страницы.

Телерадиокомпанией «Могилев» и районными программами радиовещания тематика межконфессиональных отношений отражается в теле-радио-передачах «Новости-регион», «Тема дня», «Специальный репортаж», «Падрабязнасці», а также в передачах «Круглый стол», «Прямая линия» и др.

Таким образом, с учетом изменения религиозного сознания жителей Могилевской области местные органы власти разрабатывают программу взаимодействия церкви и государства по решению актуальных проблем общественно-политической, духовной жизни региона.

Литература

1. Выборный В.Д. Религиозные воззрения в структуре жизненных ценностей жителей Могилевской области // Молодежная галактика. СПб.: ЭлекСис, 2014. № 11. С. 120-125.
2. Выборный В.Д. Религиозные воззрения как составная часть духовного и нравственного воспитания жителей могилевской области // Романовские чтения-10, посвященные 80-летию со дня основания исторического факультета: сб. статей междунар. науч. конф. (Могилев, 27-28 ноября 2014 г.) / МГУ имени А.А. Кулешова; под общ. ред. И.В. Шардыко. Могилев, 2015.
3. Отчет об итогах работы УКП «Могилевский институт региональных социально-политических исследований» (УКП «МИРСПИ») за 2012 год. Могилев, 2012. 14 с.
4. Юдин В.В. Особенности религиозности молодежи восточных регионов Беларуси. Минск: Изд. центр БГУ, 2009. 150 с.
5. Natallia Vasilevich. Православная церковь в Беларуси: между государством и обществом. URL: <http://www.competition2013.belarusinfocus.info/page>.

*Е.О. Гаврилов, канд. филос. наук
Кузбасский институт ФСИИ России*

АЛЬТЕРНАТИВЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В XXI веке религия продолжает существовать в качестве неотъемлемой составляющей культуры, активного участника многих современных процессов как созидательного, так и разрушительного характера [2]. Логично предположить, что от того, насколько продуманной будет религиозная политика государства, зависит его настоящее и будущее. Эта проблема становится особенно острой там, где история страны отягощена резкой сменой социально-экономических и политических укладов, а ее конфессиональный состав отличается большим разнообразием.

Россия относится к числу именно таких стран. Длительный период давления на сферу религиозной активности и административных ограничений религиозной жизни в эпоху строительства социализма сменился однажды этапом постсоветской истории, в котором эти запреты были сняты. Начавшийся бурный религиозный ренессанс выявил массу сложных проблем, которые прежде общество и государство не знали. Во-первых,

это касается пробелов в юридическом оформлении различных сторон функционирования религиозных объединений. Во-вторых, тех или иных аспектов взаимодействия друг с другом представителей разных конфессий, а также верующих и неверующих. В-третьих, вопроса об отношении старых и новых религий. В-четвертых, вопроса о мере участия религиозных организаций в социальных процессах современной России. И наконец, в-пятых, это проблема, являющаяся предметом настоящего рассмотрения, – вопрос о конфессиональной политике государства как части более широкой проблемы – этноконфессиональной политики Российского государства.

Сегодня, как, впрочем, и всегда религия создает необходимые условия культурной идентичности и даже, благодаря широкой географии верующих, играет роль фактора международных отношений. Имеющийся у религии потенциал способен стать мощным стимулом интеграции российского общества, а равно и предпосылкой его дезинтеграции. Государство находится в поиске оптимальной модели конфессиональной политики, отвечающей задачам развития страны как единого социокультурного и политического пространства и опирающейся вместе с тем на принцип социальной справедливости. Исходя из принципов построения государственного и общественного строя, закрепленных в Конституции Российской Федерации, результатом этого поиска предположительно должен стать выбор, в равной степени свободный как от уравнивания всех граждан границами атеистической идеологии, так и от их подчинения универсальному религиозному смыслу в рамках теократии.

Иными словами, на повестке дня остро стоит вопрос об условиях государственно-конфессионального диалога в условиях законодательно закрепленного и фактически реализуемого религиозного и мировоззренческого плюрализма. В свою очередь, этот общий вопрос распадается на подвопросы: насколько легитимно, например, выборочное сотрудничество государства с отдельными религиями? Может ли принадлежность к той или иной религии влиять на правовое положение гражданина в государстве, например, скажем, в случае назначения на государственную службу? Возможен ли различный правовой режим для тех или иных вероисповеданий? Насколько идеология государственности и патриотизма, политика в области построения гражданского общества должны учитывать религиозный фактор? В выборе модели конфессиональной политики Российское государство не может игнорировать ранее накопленный, хотя и неоднородный, опыт. Он, в частности, находит концентрированное выражение в моделях взаимодействия государства и конфессий, во-первых, в истории Российской империи, а во-вторых, в модели, принятой на Западе, точнее, в США.

Первая модель обрела четкие формы в период российской абсолютной монархии, с присущей ей тенденцией к учету и фиксации социальных ролей различных слоев общества. Будучи третьей по величине империей за всю историю человечества, на территории которой проживало более 100 народностей, Россия до революции 1917 г. выстраивала диалог с религиозными объединениями, определяя им место в социальной и политической иерархии и в то же время возлагая на них ряд социальных и политических функций. Характерными чертами этой модели являлось юридическое и фактическое неравенство религий, а точнее, выстраивание их достаточно четкой градации. Существовала государственная религия, одновременно являвшаяся частью официальной идеологии – православие. В порядке значимости за ним следовали «терпимые верования: “инославные христиане (колонисты и иные инородцы), мусульмане, ламаисты” и нетерпимые: раскольники, штундо-баптисты, духоборцы, молокане и др.» [Цит. по 4, с. 308]. Соответственно, степень доброжелательности государства к тем или иным конфессиям варьировалась в зависимости от принадлежности каждой из них к одному из названных разрядов. Более того, законом устанавливались вполне определенные границы межконфессионального взаимодействия в области брачно-семейных отношений, возможности перехода в другую веру и т.п. [1, с. 143-175]. Государственная религия, безусловно, пользовалась привилегиями, но и несла основную нагрузку в сфере

духовного воспитания подданных, наделялась властными полномочиями в отдельных областях общественной жизни и в наибольшей степени сближалась с органами государства.

Вторая модель исходит из принципов республиканского государственного строя и строится с учетом религиозного разнообразия, столь характерного для современного мира. Зародилась она в США – стране, основанной колонистами-эмигрантами из различных стран. И сегодня для этого государства характерно большое этническое и религиозное разнообразие. Описывая процессы государственно-конфессионального взаимодействия, Р. Белла использовал понятие гражданской религии, которое, с одной стороны, коррелирует с ценностями либерального общества и политикой мультикультурализма, а с другой – с идеей государственности и социальной интеграции. По одной из версий, модель гражданской религии представляет собой «определенный набор сакральных идей, символов и ритуалов, разделяемый подавляющим большинством американцев и являющийся основой национальной самоидентичности, а также служащий способом национальной консолидации, не задевающим личных религиозных взглядов американцев» [3].

Как видно, обе модели реализуют идею государственности, но каждая по-своему. Современное Российское государство отличается большей последовательностью шагов, связанных с государственно-конфессиональной политикой, нежели в перестроечный период. Эта последовательность проявляется в избирательном отношении к существующим религиям, что имеет отсылку к историческому опыту России, а также в противодействии тем проявлениям религиозной активности, которые противоречат идеям, заложенным в конституционных нормах, что корреспондирует опыту США. Однако эффективному и справедливому алгоритму взаимодействия государства и различных конфессий еще только предстоит сформироваться.

Литература

1. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
2. Гаврилов Е.О. Современная религиозность как репрезентант и фактор социального развития: монография. Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2015. 263 с.
3. Легойда В.Р. Гражданская религия: pro et contra // Религия и СМИ 24.01.2003. URL: http://www.religare.ru/2_1555.html (дата обращения: 04.04.2017).
4. Шиманская О.К. Свобода совести в России: история, генезис, современное состояние // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. Государство и право: итоги XX века. 2001. № 1. С. 308-314.

А.С. Дмитриевская
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукшина;
Д.А. Фролова
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукшина

ПУТИ И ФОРМЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Проблемы современного общества многочисленны и многообразны. Одной из них в настоящее время является проблема межнационального и межконфессионального взаимодействия. Подготовка человека к таким отношениям начинается в семье, дошкольных учреждениях и на занятиях в школе. Дети в первую очередь должны уметь взаимодействовать друг с другом и научиться оценивать поступки, действия, слова через призму обычаев и традиций других народов. Чаще всего именно дети совершают необдуманные поступки, которые могут привести к столкновению между разными этносами. Поэтому в настоящее время ведется активная работа по выстраиванию межнациональных и межконфессиональных отношений в Алтайском крае. Данное направление является приоритетным в работе народного образования, поэтому существуют пути достижения положительных результатов в развитии межнационального и межконфессионального взаимодействия. Первый путь – деятельность средств массовой информации по гармонизации межнациональных отношений в России: соблюдение этических принципов профессии, активное знакомство читателей, слушателей и зрителей с традициями разных народов и их яркими представителями, обращение внимания на их вклад в социально-экономическое развитие Алтайского края. Второй путь – деятельность органов исполнительной власти в лице Совета по этнокультурному развитию края, основной целью которого является «консолидация на основе традиционных художественных ценностей, патриотизма и гуманизма, использование культурного и научного потенциала Алтайского края, усилий органов исполнительной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества, направленных на сохранение и укрепление этнокультурного пространства региона, упрочение общероссийской гражданской и духовной общности». [1] Третий путь – этнографическая, исследовательская и просветительская деятельность научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, в особенности педагогических. Так как в школах реализуется региональный компонент, направленный на изучение краеведения, подготовка студентов-педагогов в данном направлении играет важную роль. Например, в АГГПУ им. В.М. Шукшина на факультете истории и права реализуется дисциплина «этнология», где можно выделить несколько практико-ориентированных форм, направленных на решение проблемы межнационального и межконфессионального взаимодействия. Одной из форм является взаимодействие культур и межнациональное общение студентов, которое выражается в реконструкции обрядов и традиций разных народов и конфессий. Этому же способствует действующая на факультете Лаборатория этнокультурных исследований, которая работает в нескольких направлениях. Одно из направлений – научно-исследовательское: сбор этнографического и устного исторического материала, проводятся полевые исследования как в городе Бийске, так и в сельских районах Алтайского края и Республики Алтай. В частности, осуществляется проект «Этнокультурная карта г. Бийска и сопредельных территорий».

который запускался к.и.н., доцентом кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Л.А. Явновой, студентами факультета истории и права АГАО имени В.М. Шукшина совместно с научными сотрудниками МУК «Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки» С.А. Соловьевой и О.Б. Стрелец, а также учащимися старших классов городских школ, студентами профессионального лицея № 22. В ходе работы над проектом исследовались следующие вопросы: основные этнические группы, проживающие в Бийске в течение всего XX в., причины их появления в городе, развитие традиционных национальных культур в условиях городской среды, фиксирование обычаев, традиций, сохранившихся до наших дней. В основном источником для проводимого исследования послужили архивные источники администрации г. Бийска и Бийского района, ЗАГСа, воспоминания старожилов города. Участники проекта в ходе летних полевых смен (2004–2008 гг.) встречались со старожилами города, вели полевые дневники, фиксировали объекты материальной культуры, собирали материалы устной истории. Эта форма позволила привлечь молодое поколение бийчан к «деятельному изучению» родного города и создавало условия для решения многогранной проблемы современного общества – сохранения связи поколений. Основными направлениями исследовательских групп явилось изучение истории заселения районов города, семейных и календарных обрядов и праздников, традиций питания, взаимовлияния этнокультурных традиций, деятельности национальных обществ в г. Бийске. Таким образом, путем изучения местности, народов и конфессий, на ней проживающих, их обычаев и традиций, общаясь с информаторами, молодое поколение узнает другие культуры изнутри и тем самым способствует решению проблемы межнационального взаимодействия.

Преемственность поколений осуществляется путем сохранения истории наших предков. Чтобы способствовать этому, в Лаборатории этнокультурных исследований осуществляется музейно-экспозиционное направление, а именно сохранение и презентация собранных вещественных и фотографических источников в историко-краеведческом музее ФИиП АГГПУ. За время проведения этнографической практики и исследовательской работы студентов и преподавателей ФИиП на территории г. Бийска и сельских районов Алтайского края был накоплен большой фонд устных и материальных источников. Собранные материалы стали основой для экспозиции историко-краеведческого музея ФИиП. В связи с эффективной реализацией национально-регионального компонента и повышения компетентности студентов-историков в рамках музейной практики на факультете истории и права с 2006 г. студенты проводят экскурсии, игры, разыгрывают миниатюры, связанные с историей и культурой города Бийска, Алтайского края, для учащихся общеобразовательных школ города и ближайших районов, гостей академии, образовательные мероприятия. Таким образом, образовательная деятельность стала одним из средств организации межкультурной коммуникации.

Последнее направление – общественно-просветительское, подразумевающее организацию и участие в городских мероприятиях, связанных с этнической тематикой. Это направление решает проблему межнационального и межконфессионального взаимодействия посредством создания «атмосферы», свойственной для определенного народа или конфессии, и погружения в нее. В частности, в апреле 2015 г. были организованы несколько площадок в рамках городского фестиваля школьных музеев «Весна-красна». О.Ю. Рожнова совместно с польским обществом г. Бийска ежегодно организует площадку на фестивале этнических культур города, организуемом МКЦ «Родина». Таким образом, проведение фестиваля национальных культур, которое действует на территории всего Алтайского края, является непосредственным показателем межнационального взаимодействия на рассматриваемой территории. Поскольку участниками таких мероприятий являются люди разных возрастов – школьники, студенты, взрослые, пожилые люди, такое воздействие является важным компонентом межнационального взаимодействия.

Проблемы межнационального и межконфессионального взаимодействия являются многоформными, их решению может способствовать работа по трем основным направ-

лениям, которые позволят гармонизировать межнациональные и межконфессиональные отношения, а также избавить общество от излишней напряженности.

Литература

1. О Совете по этнокультурному развитию Алтайского края: постановление администрации Алтайского края № 159 от 20.04.2010.

А.С. Елисеева

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукина;*

Д.Ф. Хохлова

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукина;*

О.В. Мальцева, канд. юрид. наук

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукина*

ОПАСНОСТИ И РИСКИ, НАРУШАЮЩИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Межнациональные и межконфессиональные конфликты возникают по различным причинам: социальным, экономическим, политическим, но т.к. они являются конфликтами между различными социальными группами, они имеют социально-психологическую составляющую. В настоящее время на территории Российской Федерации действует более 26 тыс. религиозных организаций, принадлежащих к 68 вероисповеданиям. Это стало возможным в результате изменения вероисповедной политики государства в конце XX в., принятия в 1997 г. Федерального Закона Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях». Роль религиозных организаций в стране изменилась, вырос их общественный престиж и воздействие на различные стороны общественной жизни.

Конец XX в. показал, что главный итог ушедшего столетия — не огромные технические достижения и радикальные геополитические перемены, а возникновение новых рисков и угроз в межконфессиональном взаимодействии. Первостепенным этапом межконфессиональных конфликтов является опасность. Опасность — потенциальная угроза возникновения ущерба или другой формы реализации риска, обусловленная спецификой объекта, особенностями рискованной ситуации и природой указанного ущерба [2].

Структурно риск можно описать с помощью следующих характеристик: опасность, подверженность риску, уязвимость (чувствительность к риску) и степень взаимодействия рисков. К. Исаев определяет риск как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым.

Опасность является ключевой характеристикой риска, без нее риск по-просту невозможен. Она определяет подверженность риску.

Исходя из определений можно выявить, что опасности и риски являются первоначальным этапом возникновения межконфессиональных конфликтов.

Что касается термина «конфессия», то обычно его применяют применают к какому-то направлению в рамках отдельной религии. Взаимодействие между религиями и конфессиями составляют межконфессиональные отношения. Американский конфликтолог О. Надлер отмечал: «Современные конфликты обычно включают в себя несколько определённых уровней, начиная от личностного или психологического уровня до микросоциального или группового, а затем до макросоциального уровня, каждый из которых имеет одновременно различные измерения. Сами типы конфликтов свидетельствуют, что в них заложены не просто противоречивые, а взаимоисключающие интересы сторон. Причём этно-национальное измерение придаёт конфликту особенно сильную эмоциональную окраску, ещё более сужающую возможность компромисса. Конфликты между конфессиями приводят к противоречиям между людьми, семьями, нациями и государством [3].

Следствием межконфессионального конфликта является опасность подавления одной конфессии другой и, как результат, это ведёт к социальным потрясениям. Политизированность является инструментом в межконфессиональных конфликтах. Зачастую конфессия выступает за переустройство общества и государства на основе соответствующих принципов определённой религии. Политизация культуры отнюдь не значит, что общество становится более религиозным. Затрагивая духовные ценности той или иной конфессии, мы видим переход от духовного к светскому.

Идеальные ценности представляют собой сущностные основания аксиологических констант, реальные – их явления (или многообразные проявления). Например, религия сохраняет значимость для представителей разных конфессий, это общая (объединяющая) идеальная аксиологическая константа. Но она может стать разделяющей реальной и конкретной ценностью: ислам (с соответствующим набором догматов, норм, традиций, обрядов, ритуалов и пр.) неприемлем для христианина. Недоумение, непонимание (или даже пренебрежение) проявляются у представителей разных национальностей и конфессий по отношению к людям, чьи реальные ценностные ориентации, образ жизни, поведение, даже внешний вид отличаются от собственных эталонов и стандартов. Можно предположить, что межнациональный конфликт чаще всего начинается с несовпадения частного, локального содержания идеальных, базовых аксиологических констант на личностном и социально-групповом уровнях. Человеку во все времена было свойственно воспринимать чужие культуры через призму своей, которая безотчетно признавалась единственно правильной. Таким образом, межнациональные и межконфессиональные конфликты часто возникают в результате неприятия чужих культурных, национальных, религиозных традиций и норм как частных ценностных реалий. В реальной же практике избежать рисков нельзя, хотя всегда имеется возможность спрогнозировать их, минимизировать, просчитав и оценив варианты воздействия на личность. Под «рисками» нами понимается неопределенность, связанная с возможностью возникновения неблагоприятных ситуаций и последствий в ходе реализации поликультурной образовательной модели межконфессионального взаимодействия. Отсутствие единой, целостной государственно-конфессиональной политики, наряду с недостатками нормативно-правовой базы, привело к переносу центра тяжести в государственно-конфессиональных отношениях с законодательного уровня на различные уровни исполнительной власти [1].

Учитывая многообразие религий на территории России, возникает необходимость как государственно-конфессионального, так и межконфессионального взаимодействия. Основными задачами межконфессионального диалога должны являться: совместное решение наиболее актуальных социальных проблем, содействие установлению и укреплению связей между национальными общественными объединениями, религиозными организациями и органами разных уровней власти; поддержка деятельности национальных общественных объединений, религиозных организаций в сохранении и развитии национального языка, культуры, самобытности, свободы совести и вероисповедания; содействие установлению межнационального, межконфессионального диалога

достижением взаимной терпимости и уважения в отношениях между представителями различных национальностей и вероисповеданий.

Целью современного общества является минимизация риска, а также сведение опасности до уровня безопасности для всего государства.

Литература

1. О свободе совести и о религиозных объединениях: Российская Федерация [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Сведения об общественных объединениях и политических партиях, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования: отчет Управления по взаимодействию с общественными и религиозными организациями при администрации г. Сочи. П. 1.4. Сочи, 2010.

3. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Симонов В.В. Социальное партнерство государства и религиозных организаций. М., 2009.

А.В. Кащеев

Академия МВД Республики Беларусь

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ, КОМПЛЕКТОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РАБОТАХ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

После распада СССР в белорусской, российской и украинской историографии активно поднимаются вопросы, связанные с историей военного духовенства Российской империи, что отчасти связано с поиском форм взаимодействия государства и религиозных организаций. Столетние юбилеи начала и событий Первой мировой войны привели к актуализации темы военного духовенства действующей армии Российской империи, которая приняла активное участие в этом военном конфликте. В то же время основное внимание историков сконцентрировано на изучении деятельности военного духовенства действующей армии, тогда как его конфессиональный состав, комплектование и управление не нашли должного внимания и отображения в современной историографии. Так или иначе современные исследователи обращаются к историческому опыту предшественников, занимавшихся изучением данной проблемы.

После окончания Первой мировой войны вопросы участия в ней военного духовенства стали обсуждать в своих работах советские исследователи. При этом отношение в современной историографии к исследованиям советских ученых весьма неоднозначное, несмотря на присутствие в них большого количества фактологического материала. Причины этого кроются в марксистско-ленинской интерпретации религии и ее воздействия на общество, в т.ч. и на военнослужащих. Поэтому неудивительно, что когда в 20-30-х гг. XX в. в Советском государстве развернулась антирелигиозная кампания, начали появляться работы по истории взаимодействия религиозных организаций, в первую очередь Русской православной церкви, и действующей армии в

годы «империалистической» войны. Среди таких работ можно отметить исследования Б.П. Кандидова [2, 3], В.О. Василенко [1], Н.Ф. Платонова [5] и др. Так, в одной из работ Б.П. Кандидова впервые поднимается вопрос многоконфессиональности военного духовенства [3]. Отмечается присутствие в царской армии, помимо православных священников, ксендзов, пасторов, мулл и раввинов [3, с. 72]. Однако последние исследования показали, что указанный в данной работе профессиональный состав не отражает либо не в полной мере отражает реальное положение дел [4]. При этом вопросы комплектования военного духовенства практически не затронуты этим автором, а управление рассмотрено схематично. Стоит отметить, что в исследовании структура православного военного духовенства представлена протопресвитером, главными священниками армий фронтов, священниками штабов армий, дивизионными благочинными, гарнизонными и полковыми священниками [3, с. 59].

Исследование В. Василенко является первым в советской историографии, посвященным исключительно деятельности православного военного духовенства, в т.ч. и в годы войны [1]. Автор отмечает, что к концу войны в действующей армии состояло более 5000 военных священно- и церковнослужителей, укомплектованных приходским духовенством в соответствии с «мобилизационным расписанием Синода», составленным еще в 1910 г. [1, с. 88]. В работе впервые указывается, что при Ставке Верховного главнокомандующего действовала полевая канцелярия, которая являлась центром управления военным духовенством действующей армии [1, с. 87]. В структуре управления также выделяется несколько уровней представленных главными священниками армий фронтов, главными священниками армий, дивизионными благочинными и полковыми священниками.

Православное военное духовенство действующей армии Российской империи рассматривается также в работе Н.Ф. Платонова [5]. Сама личность исследователя отражает сложные церковные и религиозные процессы, протекавшие в советском обществе в 20-30-х гг. XX в. За годы жизни (1889-1942 гг.) автор был и православным священником, и обновленческим митрополитом, и научным сотрудником Музея истории религии и атеизма, публично отрекшимся от веры. В своем исследовании, опубликованном только в годы хрущевской антирелигиозной кампании, на основе архивных материалов он подробно рассмотрел структуру управления православного военного духовенства действующей армии в годы Первой мировой войны, отметив существенное влияние Полевой канцелярии. При этом вызывает сомнение, как и у В. Василенко, утверждение о существовании наряду с должностями главных священников армий фронтов, должностей главных священников армий [5, с. 198]. В соответствии с Положением о полевом управлении войсками в военное время 1914 г. в каждой армии вводилась должность православного священника при штабе армии. При этом вопросы комплектования военного духовенства рассмотрены не были.

В 60-70-е гг. XX в. история военного духовенства Российской империи нашла свое отражение в научно-популярных изданиях Министерства обороны СССР. В качестве примера можно привести работы Д.И. Сидорова [7] и Г.А. Суглобова [8]. В аннотации к этим изданиям заявлено, что брошюры рассчитаны на широкий круг читателей, агитаторов и пропагандистов, более того каждая из них «верующему человеку даст факты для размышления и поможет преодолеть религиозные заблуждения» [8, с. 2]. Основное внимание каждым автором было уделено деятельности военного духовенства. В то же время Д.И. Сидоров отмечает помимо православных военных священников, деятельность военных мулл. Более широко профессиональный состав рассмотрел Г.А. Суглобов. При этом оба автора не концентрировали внимание на комплектовании и управлении военным духовенством.

Становление идеологического плюрализма в советском обществе в годы перестройки оказало существенное влияние на историческую науку. Постепенно из исследований стала исчезать атеистическая марксистско-ленинская идеология, которой придерживались ученые-историки. Протекавшие в исторической науке этого периода

процессы отразились и на исследовании истории военного духовенства действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны. В 1990 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья доцента Московского историко-архивного института А.С. Сенина, которая стала фактически первой в историографии работой, посвященной исключительно истории военного духовенства действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны [6]. Автор рассмотрел исключительно православное военное духовенство, направления и организацию его деятельности, хотя и указал на присутствие в «царской армии» мулл, ксендзов и раввинов [6, с. 161]. Структура управления рассмотрена более подробно. Например, указывается на подчиненность главных священников армий фронтов по военно-административным делам начальникам канцелярий главных начальников снабжений армий фронтов [6, с. 161]. Однако это было характерно только до 1916 г.

Таким образом, в советской историографии впервые в исторической науке начала рассматриваться проблема военного духовенства Российской империи в годы Первой мировой войны. Обращая внимание на деятельность, советские исследователи фрагментарно, а иногда и ошибочно рассматривали конфессиональный состав, комплектование и управление военного духовенства, сконцентрировав основное внимание на православном военном духовенстве. Поэтому при работе с этими исследованиями необходимо учитывать эти обстоятельства.

Литература

1. Василенко В.О. Офицеры в рясах. М., Л.: Госиздат, 1930. 112 с.
2. Кандидов Б. Религия в царской армии. М.: Безбожник, 1929. 92 с.
3. Кандидов Б. Церковный фронт в годы мировой войны. Пенза, 1929. 158 с.
4. Кашеев А.В. К вопросу о конфессиональном составе духовенства действующей армии Российской империи в годы Первой мировой войны // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: сб. науч. тр. / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. С. 208-210.
5. Платонов Н.Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 103-240.
6. Сенин А.С. Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 159-165.
7. Сидоров Д.И. Война и религия. М.: Воениздат, 1961. 172 с.
8. Суглобов Г.А. Союз креста и меча (церковь и война). М.: Воениздат, 1969. 144 с.

Е.С. Киритенко

Алтайский государственный педагогический университет;

Е.А. Мезенцева

Алтайский государственный педагогический университет;

М.Н. Галуза

Алтайский государственный педагогический университет

ОСКОРБЛЕНИЕ ЧУВСТВ ВЕРУЩИХ: ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ

131

СОХРАНЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Законы об оскорблении чувств верующих существуют во многих странах мира. Однако лишь в таких странах, как Швейцария, Андорра, Латвия, Украина, Казахстан, Кипр, Узбекистан, закон равно защищает граждан как с религиозными, так и атеистическими убеждениями. На территории нашей страны существующий закон об оскорблении чувств верующих призван защищать только чувства верующих.

Его первая особенность заключается в том, что состав преступления, добавленный в УК РФ в 2013 г., весьма специфичен тем, что новое преступление – оскорбление чувств верующих – предполагает некие ранее никак не очерченные законом хулиганские действия: «публичные действия, выражающие явленное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [1].

Второй особенностью является то, что оскорбление чувств верующих относится к сфере экстремизма только в общественном сознании, тогда как в российском законодательстве данное преступление не квалифицируется как экстремизм.

Что же в законодательстве понимается под «оскорблением»? Часть 1 ст. 130 УК РФ определяет оскорбление как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» [1]. Мы должны понимать, что объектом преступления в данном случае будет являться оскорбление чувств не отдельной личности, а целой конфессии.

Объектами защиты выступают люди, а не какие-то иные сущности. В некоторых странах законодатель не ограничивается законом о языке вражды (возбуждение ненависти и призывы), он прибегает к понятию «религиозные чувства». Таким образом, предполагается, что у религиозных людей есть специфическая потребность в защите их чувств.

Однако, что эксперт-психолог должен понимать под оскорблением чувств верующих? Как понять эксперту-лингвисту, что задеты чувства верующих? Что эксперту-религиоведу следует считать неприличной формой оскорбления чувств верующих? И как избежать всем экспертам субъективизма при квалификации материалов?

Проблема интерпретации оскорбления чувств верующих затрагивает множество частных вопросов, ответы на которые мы не можем получить, опираясь только на законы РФ. Поэтому участие в судебной экспертизе должны принимать эксперты в области религиоведения, психологии и лингвистики.

В данной статье мы акцентируем своё внимание на типологизации объектов для судебной религиоведческой экспертизы. Эксперт-религиовед определяет, исходя из норм религиозной этики, в какой степени объект оскорбителен для верующих. Именно нарушение норм религиозной этики квалифицируется как оскорбление чувств верующих.

Объектами судебной религиоведческой экспертизы являются продукты коммуникативной деятельности (тексты, рисунки, видеозаписи, песни, инсталляции и перфомансы). Кроме того, объективная сторона оскорбления должна быть выражена в неприличной форме (словесной, письменной, оскорбление действием путём телодвижений). Но какую форму мы можем назвать неприличной в современных реалиях, где во многих сферах искусства царствует постпостмодернизм и стираются границы между нормами светскими и религиозными?

В настоящее время на территории Российской Федерации увеличивается количество случаев оскорбления чувств верующих с помощью сети Интернет, которые вызывают широкий общественный резонанс (путем распространения блоггинга, видео- или аудиозаписей и т.д.). Оскорбления в сети передаются с помощью постов и перепостов, обладающих новым качеством – вирусностью, благодаря чему информация успевает охватить широкую аудиторию за короткий промежуток времени.

Так, возбуждение уголовного дела в отношении известной панк-рок-группы «Pussy Riot», участницы которой для выступления 19 февраля 2012 г. выбрали Богоявленский собор в Елохове, а 21 февраля 2012 г. – храм Христа Спасителя, стало беспрецедентным российским событием последних лет, получившим небывалый общественный резонанс как внутри страны, так и во всём мире. Объектом для экспертизы в данном случае послужил не только текст песни, но и действия участниц.

Популярная за рубежом мобильная игра «Pokemon Go» стала причиной возбуждения уголовного дела в отношении уральского блоггера Р. Соколовского. Р. Соколовский посетил православный христианский храм для того, чтобы продемонстрировать своим подписчикам в социальных сетях, что «ловить покемонов» в храме абсолютно безопасно с точки зрения законодательства. Впоследствии по решению суда Р. Соколовский был отправлен под арест. Он обвиняется в совершении нескольких эпизодов преступления экстремистского характера и в нарушении права на свободу совести и вероисповеданий, а также по обвинению в незаконном обороте специального технического средства.

Однако и верующие также порой ведут себя не толерантно по отношению к атеистам. Достаточно вспомнить запрет на концерты в городе Новосибирске. Православные активисты вывели людей на митинг против песен, которые «оскорбляют чувства верующих» и «пропагандируют нетрадиционные сексуальные отношения среди несовершеннолетних», в результате чего были отменены концерты, а следовательно были задеты чувства атеистов.

Исходя из рассматриваемых примеров, мы можем выделить следующие типы объектов, где:

- 1) оскорбление выражается в унижении религиозной личности (обхождения с ним, его именем), религиозных объектов (книг, зданий, ритуальных предметов, одежды).
- 2) оскорбления, порочащие личность (сведения, т.е. факты, события, не соответствующие действительности).
- 3) оскорбление физических или умственных свойств верующих.

Таким образом, для эксперта становится первостепенным проанализировать не только объект, но и форму его выражения. Она должна носить неприличный, унижающий честь и умаляющий достоинство характер верующей личности. Как говорилось ранее, оскорбление может совершаться как устно, письменно, так и действием. Данное преступление может совершаться только с прямым умыслом. Косвенный (эвентуальный) умысел исключен, т.к. данный вид умысла включает в себя предвидение общественно опасных последствий преступления и сознательное допущение наступления этих последствий.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/

Согласно всем религиям в истоках бытия находится Божественная Любовь и приблизиться к Богу можно, только развивая в себе всё более совершенную любовь. «Неустанно развивайте в себе бодхичитту» (т. е. совершенное сострадание ко всем живым существам), – призывают буддийские монахи. «Сие заповедую вам, да любите друг друга» (Ин. 15.17), – учил Иисус Христос. А для мистиков ислама Всевышний «есть Любовь, Любящий и Возлюбленный». В индуистской и буддийской традициях принципу «не убий» соответствует ахимса (непричинение вреда всем живым существам ни в мыслях, ни в словах, ни в действиях), а принципу «не укради» – астея (отсутствие стремления к обладанию чужими вещами) и т.д. [2].

Многие религии предлагают подробные разъяснения относительно того, как следует развивать в себе совершенную любовь. Это происходит по мере того, как человек учится любить весь окружающий мир и видеть в каждом человеке и событии проявление Воли и Любви Бога.

Действительно, если из каждой религии убрать то, что отличает её от других, останется суть, «сердцевина», практически одинаковая у всех религий. Эта суть говорит о том, что Вселенная устроена сложнее, чем кажется на первый взгляд: кроме окружающего мира, привычного для всех, существует другой, незримый мир, который влияет на происходящее вокруг. Именно эти знания, исходившие от людей, которых впоследствии стали называть пророками, мессиями, аватарами, учителями, и служили причиной возникновения всех мировых религий.

Все религии учат смирению, в этом похожи. Смирение заставляет человека понять ограниченность своих возможностей в океане Бесконечного. Существуют три разных подхода к высшему у трех мировых религий: отрицание богов в самой древней – буддизме, признание Бога невидимым и неизобразимым в самой молодой – исламе, представление о вочеловечившемся Боге – христианстве. Однако все три подхода объединяются способностью верить и стремлением постигнуть Бесконечное.

По образному выражению Д.Л. Андреева, религии – это отдельные лепестки единой «Розы мира». Религия как социальный институт приспосабливается к обычаям народов, среди которых распространяется. «Господствовать религия может только в том смысле, что она в качестве центра человеческой душевной жизни, будучи тесно переплетенной с личностью ее носителя дает всем другим проявлениям его духа направление и освящение, но этим как раз не только не осуждает и не парализует постоянного развития всего истинно человеческого, но способствует ему» [3, с. 167].

Таким образом, духовное единство мировых религий в настоящее время может стать основой сохранения традиционных нравственных ценностей, стать смыслообразующим направлением ориентации жизнедеятельности людей.

Литература

1. Земля. Хроники жизни. Что общего у всех религий. URL: <http://earth-chronicles.ru/news/2012-04-03-20216> (дата обращения: 03.05.2017).
2. Горелов А.А. История мировых религий. Общее и особенное в религиях. URL: <https://religion.wikireading.ru/73418> (дата обращения: 03.05.2017).
3. Красников А.Н. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Изд-во «Канон», 1996.
4. Курсакова Е.Н. Экспозиционно-выставочная деятельность как средство патриотического воспитания курсантов высших учебных заведений системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 159-160.
5. Курсакова Е.Н. К вопросу о формировании духовно-нравственных и этических основ курсантов образовательных организаций системы МВД России // Традиционная

народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. С. 48-51.

6. Курсакова Е.Н., Асанбаев А.И. Традиционные праздники Кыргызстана: нооруз // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. С. 42-44.

7. Курсакова Е.Н., Асанбаев А.И. История российско-киргизских отношений // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С. 31-33.

8. Курсакова Е.Н., Лен К.В. Экспозиционно-выставочная деятельность как средство сохранения и трансляции исторического наследия в процессе патриотического воспитания курсантов высших учебных заведений системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. С.48-52.

9. Курсакова Е.Н., Лен К.В., Тарасова Е.И. Воспитание традиционных, нравственно-этических ценностей посредством экспозиционно-выставочной деятельности методического кабинета образовательных организаций системы МВД России // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. С. 45-48.

А.Ф. Свиб, канд. юрид. наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Важнейший фактор социальной стабильности – межконфессиональное взаимодействие – особенно важен в такой конфессионально сложной стране, как Беларусь. Противостояние католицизма и православия на протяжении многих веков отражалось во всех социальных сферах. Это коснулось также проведения судебно-правовой реформы 1864 года, наложив специфику на процесс ее проведения.

Осуществление судебной реформы на территории Беларуси претерпело еще больше изменений, чем в центральных губерниях Российской империи, не говоря уже о том, что она была введена здесь по времени гораздо позднее и медленнее.

Царское правительство открыто отвергало важнейшие принципы реформы на территории белорусских губерний. Мировая юстиция была введена отдельно от общих судебных установлений, мировые судьи назначались, серьезно ограничивалась компетенция присяжных заседателей, из числа которых было изъято нерусское население. Были ограничены принципы состязательности и гласности. На должность мирового

судьи правительством назначались лица исключительно русского происхождения и православного вероисповедания, был изменен порядок кассационного производства, судебная власть подчинялась административной [1, с. 15].

На территории Беларуси судебная реформа вводилась в два этапа: с 1872 года были введены мировые суды, а с 1882 года уже были образованы окружные суды, судебные палаты, прокуратура, нотариат, адвокатура. Такой порядок был вызван недоверием царизма к польскому населению, которое проживало здесь гораздо в большем количестве, чем русское.

Политические замыслы самодержавия при проведении судебной реформы 1864 года в Беларуси были направлены на прекращение обособленности польской национальности и одновременно на распространение русского языка, но одной из главных политических задач было воспитание верноподданнических отношений к закону и правительству.

Следуя политике русификации, царское правительство стремилось усилить русский элемент в Беларуси, сохраняя за ним в деле суда предпочтительное влияние на все сословия края. Это было связано и с длительным периодом действия Статута Великого княжества Литовского 1588 года, который, будучи передовым по своему характеру документом, во многом предвосхитил судебную реформу 1864 года. Однако царское правительство стремилось не только отменить его действие, но и «вычеркнуть» из памяти населения.

Однако самым отрицательным фактором являлось отсутствие избираемости мировых судей, назначение почетных мировых судей из более крупных местных землевладельцев и домовладельцев русского происхождения, назначение правительством Председателей съездов Почетных мировых судей.

Высказывались мнения и «за» допуск в должности Почетных мировых судей лиц католического исповедания, но крайне разборчиво и таким образом, чтобы их можно было в любое время уволить с должности, не стесняясь трехгодичным сроком пребывания в этой должности.

Мировые судьи из поляков, по мнению правительства, исказили бы учреждения «благотельной» реформы и были бы положительно вредны не только по отправлению суда, но и принесли бы громадный вред и в политическом отношении [2].

Однако опыт водворения в Беларуси российских чиновников, пользующихся большими льготами, показывал, что не все они были достаточно нравственными и достойными людьми. При этом даже нравственная оценка личностей кандидатов на должности мировых судей из русских людей православного вероисповедания была подчинена одной цели – русификации территории Беларуси. В мировые судьи здесь должны были быть приглашаемы преимущественно мировые судьи великороссийских губерний и в особенности те из них, которые служебными достоинствами обратили на себя внимание правительства, а равно те из местных русских деятелей, труды которых по крестьянскому делу немало способствовали к водворению в Беларуси начал русской народности. Последние могли за счет своего авторитета и влияния утвердить судебную реформу 1864 года на началах чисто русских, что вполне бы отвечало интересам царского правительства на территории Беларуси.

В целом всему институту мировых судей здесь придавался политический характер, т.к. таковой носили многие разрешаемые ими уголовные дела. А выборность судей даже из местного населения русского происхождения не допускалась, поскольку царское правительство опасалось, что поляки постараются выдвинуть недостойные личности, чтобы показать правительству их неспособность к деятельности [3].

Второе наиболее существенное отступление от положений судебной реформы 1864 года на территории Беларуси касалось института присяжных заседателей, которые здесь также должны были быть православного вероисповедания и хорошо уметь читать и писать по-русски.

Политика повсеместного насаждения русского языка приводила подчас к тому, что подсудимый, плохо знающий русский язык, не мог принимать деятельное участие в судебном процессе, т.к. не понимал ни судоговорения, ни приговора. Вопрос о языках применительно к судебной системе поднимали в своих произведениях и видные белорусские деятели, ученые, поэты и писатели. Они требовали, чтобы все лица, служащие по судебной части в Беларуси, обязательно знали польский, русский и малороссийский языки. Думается, такое решение вопроса о языках в суде царским правительством было бы наиболее оптимальным. При этом абсолютно не пострадала бы ни судебная реформа, ни политика, а рейтинг государства возрос. Полагаем, что при введении судебных уставов 1864 года в Беларуси правительство должно было оставить великодержавные амбиции и разрешить употребление наряду с русским и польского языка.

Следующим не менее важным моментом является вопрос о присяжных поверенных. Они также должны были быть православного исповедания и хорошо уметь читать, писать и говорить по-русски. Евреев вообще нельзя было допускать до службы.

Царское правительство боялось усиления польского влияния на русский элемент, что могло бы отразиться неблагоприятным образом на политике русификации. Прислать чиновников из великороссийских губерний не представлялось возможным, т.к. они не получали от казны никакого вознаграждения. Поэтому требования судебной реформы к присяжным поверенным на территории Беларуси были изменены и в этом качестве стали допускать даже лиц, не получивших юридического образования, но имевших стаж работы по судебной части.

Проводя политику недопущения лиц католического вероисповедания к занятию судебных должностей, царское правительство старалось не обострять религиозный вопрос. Белорусским губернаторам предписывалось осторожно подходить к наказанию за религиозные преступления, чтобы не подать повода к нареканиям на администрацию в преследовании католической веры [4].

Литература

1. Галай Ю.Г. Российская администрация и суд во 2-й половине XIX века (1866-1879 гг.). Минск: БГУ, 1980. 409 с.
2. Государственный архив Гродненской области. Ф. 1. Оп. 6. Д. 451. Л. 28.
3. НАРБ (Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 35111. Л. 2.
4. НАРБ. Ф. 446. Оп. 5. Д. 1. Л. 21.

